

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 21 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
 Бабич И.Л., д.и.н.;
 Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,
 почетный работник юстиции России;
 Мельников С.А., д.ю.н.;
 Мигушенко О.Н., д.ю.н., профессор;
 Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
 Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
 Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
 Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
 Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
 Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
 Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор;
 Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
 Зенин С.С., к.ю.н.;
 Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
 Недобезжин С.В., к.ю.н., доцент;
 Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
 Белых В.С.,
 Ренов Э.Н.,
 Платонова О.Ф.,
 Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Государство и революция: истоки и последствия

- Исаев И.А.* Государство в революции:
учредительное насилие3
- Трофимова Г.А.* Октябрьская революция с позиции
норм позитивного и естественного права.....7
- Желдыбина Т.А.* Единство юридической теории
и практики в российском правоведении:
положительный исторический опыт12
- Тепляшин И.В.* Народный контроль в 20–30-е годы
советской власти: нормативное закрепление,
правовые средства, особенности17
- Кулачков В.В.* Роль прокурорских органов
в защите прав крестьян (на материалах
Брянской губернии 1920-х гг.).....23
- Шкаревский Д.Н.* Кампания по борьбе с авариями
и крушениями на транспорте в 1930-е гг.27
- Кузнецова Н.Н., Чердаков О.И.* Влияние
деструктивных взглядов, учений и идеологий
на безопасность общества33

Правовая идеология и законность: исторические аспекты

- Ельчанинова О.Ю.* Источники межгосударственного
права XVII в.: проблема уточнения содержания
и формы.....44
- Ванина Т.О., Голощапова Т.Г.* Юридическая
терминология с компонентом «право» в истории
становления российского правового государства49
- Ромашов Р.А.* Уголовная политика России:
генезис и современность54
- Серегин А.В.* Влияние средневекового юридического
наследия на форму, политику и правовую систему
современных славянских государств59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
 Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
 Центр редакционной подписки:
 (495) 617-18-88 (многоканальный).
 Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
 Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
 Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
 Номер подписан в печать 20.10.2017.
 Номер вышел в свет 23.11.2017.
 Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы: Роспечать — 47643;
 Каталог российской прессы — 10866;
 Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
 Также можно подписаться на www.gazety.ru
 Отпечатано в типографии
 «Национальная полиграфическая группа».
 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
 Тел.: (4842) 70-03-37.
 Журнал включен в базу данных
 Российского индекса научного цитирования
 (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
 без письменного разрешения авторов статей
 или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
 комиссией Министерства образования
 и науки Российской Федерации для публикации
 основных результатов диссертаций на соискание
 ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
 Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 21 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

State and revolution: origins and consequences

- Isaev I.A.* State in Revolution: Constitutional Violence..... 3
Trofimova G.A. The October Revolution from the
Standpoint of Positive and Natural Law Provisions..... 7
Zheldybina T.A. Unity of Legal Theory and Practice
in Russian Legal Science: Positive Historical Experience 12
Tepliyashin I.V. People's Control in the 1920's to 1930's
of Soviet Power: Statutorization, Legal Means,
Peculiarities 17
Kulachkov V.V. Role of Prosecutorial Bodies
in Protection of Peasant's Rights (Based on Files
of the Bryansk Governorate in the 1920's)..... 23
Shkarevsky D.N. Campaign against Transport
Accidents and Incidents in 1930's..... 27
Kuznetsova N.N., Cherdakov O.I. Influence
of Destructive Views, Doctrines and Ideologies
on Social Security 33

Legal ideology and legitimacy: historical aspects

- Elchaninova O.Yu.* Interstate Law Sources
in the XVII Century: Content and Form
Specification Issue 44
Vanina T.O., Goloschapova T.G. Legal Terminology
with Law Component in Russian Legal State
Establishment History 49
Romashov R.A. Russian Criminal Policy:
Origin and Present-Day State..... 54
Seregin A.V. Influence of Medieval Legal Heritage
on Form, Politics and Legal System
of Contemporary Slavic States 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5.0.
Conventional printed sheet 5.0.
Passed for printing 20.10.2017.
Issue was published 23.11.2017.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Государство в революции: учредительное насилие

Исаев Игорь Андреевич,

заведующий кафедрой истории государства и права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки Российской Федерации

kafedra-igr@yandex.ru

В статье исследуется важнейший аспект — взаимодействие государства и права в историко-философском контексте революции. Роль государственности возрастала соответственно усилению государственного интереса и формам легального насилия. Государство создает ситуацию, в которой революционные преобразования оказываются неизбежными. Государственный переворот и государственный интерес оказываются неразрывно связанными. Актуальность темы очевидна, революционный опыт основывается на правовой традиции и вместе с тем вносит много новых форм и элементов, входящих затем в правовую и политическую систему общества.

Ключевые слова: право, закон, традиция, насилие, государственность, легальность, легитимность, авторитарность, реакция, равновесие, баланс сил.

State in Revolution: Constitutional Violence

Isaev Igor A.,

Honored Scientist of the Russian Federation

Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Doctor of Law, Professor

The article reviews the most important aspect of interaction between the state and the law in historical and philosophical context of a revolution. Together with the statehood role growth, there increased the state interest and a form of legal violence. The state creates a situation rendering revolutionary transformations inevitable. A coup and state interest become inextricable intertwined. The relevancy of the subject is obvious; the revolutionary experience is based on the legal tradition and introduces many new forms and elements that then enter the legal and political system of the society.

Key words: law, act, tradition, violence, statehood, legality, legitimacy, authoritativeness, reaction, equilibrium, balance of forces.

Революция вся наполнена воображаемым. Мифы побуждают строить самые фантастические планы и решаться на самые крайние меры. Все, что есть в мире самого радикального — пророки, секты, террористы — примыкают к ней по окончании недолгого периода умеренности и утопического прожектерства, отмечаемого на начальном ее этапе.

Первоначально само слово «революция» являлось астрономическим термином, и в политическом лексиконе оно появилось именно как понятие «реставрация», сохраняя это значение и смысл вплоть до конца XVIII века. Да и на практике все революции начинались не иначе как реставрации и обновления, а уже пафос революционного созидания чего-то нового рождался позже, только в процессе самих революций. Задача создания нового потребовала выстроить и установить необходимое законодательство и новый авторитет, способный заменить старый, абсолютный и утверждаемый религией. Поэто-

му и Макиавелли столько внимания уделяет насилию — что позже стало практикой для людей революции, дабы сформировать некие основополагающие принципы¹: политика стремилась ввести новую форму в государство, будучи уверенной, что осуществляет только улучшение существующего порядка. (Государственный переворот в качестве первого «основания» всегда предшествовал дальнейшему революционному «развертыванию», и если первый затрагивал исключительно сферу властвования, то второе распространялось уже на все сферы общественной и политической жизни.) Реструктуризация — не механическое образование нового, не возникновение только новой связи старых составных частей, а первоначально — деструкция и только затем — воспроизведение структуры: это — «самая настоящая смерть для новой жизни». Восстановление структуры всегда

¹ Арент Х. О революции. М., 2011. С. 45.

непосредственно следует за деструкцией, которая представляет собой лишь возвращение к чему-то определенному, но никак не восстановление, и происходит на основании самого этого возвращения: «Смерть и новая жизнь неразрывно связаны, без смерти не бывает возвращения». Но все без исключения перевороты и «отпадения ... каждый обрыв процесса развертывания несут в себе большую внутреннюю ущербность, чем непрерывное, постоянное преобразование и излечение даже самых запущенных состояний, менее продуктивных, чем постепенное преобразование старых институтов»².

Все революции начинаются безотносительно к географическому и историческому пространству, с абсолютной программы, «пригодной для человечества в целом», с «видения новой земли», полагая самих себя носителями вечной и безусловной истины. И очень неохотно возвращаются они на старую землю и в определенную почву: «Смена форм правления от монархии через аристократию и демократию к диктатуре — это всегда одновременное движение от малых территорий к большим»³. (У истории государственного устройства, полагал Гегель, нет реально наблюдаемого начала, нет того гипотетического состояния, которое предшествовало бы «общественному договору», — ведь люди всегда жили и живут в так или иначе организованном, обустроенном обществе, предшествующем в истории любой теории. Некая «конституция» должна уже соответствовать существующему реальному историческому государственному устройству нации, поэтому и следует понимать слово «конституция» в том смысле, какой оно имеет в физиологии: Гегель явно заимствовал эту идею у Монтескье.)

Наипервейшая задача революций состоит в скорейшем установлении нового авторитета, лишённого поддержки традиции, прецедента и какого-либо «органа старинного происхождения». Они уже ставят вопрос не права и власти самих по себе, но именно источника права, который бы дал новому позитивному праву свою легальность, вопрос об истоке власти, который придавал бы легитимность учреждаемым властям и институциям.

Государство всегда предшествовало закону и легитимности, оставаясь при этом несоизмеримым с ними, и государственный интерес предполагал наличие конкретного (физического или коллективного) лица, для которого определенные и конкретные устройство и форма государства становились целью самого политического действия: это была настоящая программа государственного строительства, в ходе которого между властной интенцией правителя, направленной на подчинение государства себе, и самим государством еще лежала целая серия мутаций, уводящих правопонимание от частного в сферу публичного: «Частный интерес и власт-

ная интенция объективируются... в фикцию... тотальность которой пересиливает трезвое и адекватное видение действительного положения дел в виртуальном государстве, существующем лишь в голове того или тех, кто или уже овладел неким реальным государством и пересоздал его в согласии со своим замыслом или еще только желает овладеть им, чтобы как можно скорее подчинить его своей фантазии⁴. Революционеры всегда торопятся, контрреволюционеры, напротив, не спешат, поскольку время работает на них: ведь законы первых еще не созданы, а законы вторых предположительно рассчитаны на вечность.

Неистребимая потребность в абсолютном выражалась в том, чтобы преодолеть присущий законодательству «непрерывный легализм» и принцип «предвосхищения основания», сопровождающий всякое новое начинание. Сам законодательный акт для этого возвышался до понятия «высшего закона» и источника справедливости: но на свою беду «абсолютизм освободил себя не столько от прежде подвластного ему политического порядка, сколько от вечного и абсолютного божественного или естественно-го порядка». И только революции, как казалось, удалось до конца разоблачить сомнительную природу такого абсолютизма⁵. Революция несла в себе глубоко укорененный релятивизм.

Платон первым отождествил разрыв, существующий между знанием и действием, с разрывом между статусами властителя и подвластного. Всякое начинание и действие становятся отдельными друг от друга актами, и «начавший» становится властителем над теми, кому исполнение только вменяется в обязанность: само политическое здесь сводится к искусству («государство как произведение искусства») познать своевременность и несвоевременность важнейших государственных начинаний и предприятий (Х. Арндт). С этого момента в политическую теорию внедряется неожиданное отождествление знания с повелением и господством, а действия — с повиновением и исполнением повелений, учредительное насилие требует подобной дифференциации.

Но государство — не только «произведение искусства», поскольку оно находится и действует в мире и тем самым в сфере «произвола, случайности и заблуждения»: в «Философии права» Гегель поясняет, что «правовое определение может совершенно обоснованно и последовательно вытекать из обстоятельств и существующих правовых институтов и тем не менее в себе и для себя быть неправовым и неразумным». Но абстрактность законов и конкретность, обретенная государством лишь в сфере управления, вовсе не означают, что конкретными институциями и законами поэтому можно пренебречь и что можно в каждый отдельный момент продолжать

² Шпанн О. Философия истории. СПб., 2000. С. 224—225.

³ Вейль Э. Гегель и государство. СПб., 2009. С. 103.

⁴ Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли. М.: Квадрига, 2014. С. 69.

⁵ Арндт Х. О революции. С. 222—223.

импровизировать, учреждая и создавая все новые и новые эфемерные законы: «Ведь если между нормальной жизнью и революцией нет особой разницы, то тогда каждый момент можно сделать революционным» (Бенедетто Кроче)⁶.

Революционное движение вполне с точки зрения новой легальности может заявлять о необходимости создания новой нормы, которая аннулирует действие институтов, противоречащих ее требованиям. В этой связи обращение к крайней необходимости и подразумевает как раз некую моральную или политическую внеправовую оценку, при помощи которой выносится суждение о правопорядке: «достойны ли он сохранения или усиления даже ценой его возможного нарушения». Принцип необходимости — это по сути революционный принцип.

В период чрезвычайных положений государство продолжает существовать, тогда как право отступает на задний план. Именно в учредительной власти и проявляется та крайняя форма чрезвычайного положения, которая обычно называется диктатурой⁷. Тогда «легальное правительство само решает, кто является врагом, против которого должна бороться армия: тот же, кто берется определять, кто является врагом, тем самым притязает на собственную, новую легальность, «если не желает присоединиться к определению врага прежним легальным правлением»⁸. Самой сущностью политического, полагал Карл Шмитт, является противопоставление «друг — враг» — в условиях революции это проявляется особенно определенно и последовательно.

В революции за периодом произвольно-го действия всегда следует период произвольной нормы. Эта норма, обычно декларативная по форме, определяется самим «правомочным властителем», который сумел произвольно и насильственно захватить общественную власть, поэтому и источник власти здесь сам по себе противозаконен, а законность как таковая вообще теряет всякий смысл. «Произвольные нормы ни к чему не обязывают самого законодателя ... он может применять норму там, где это кажется ему целесообразным», он может даже придерживаться такой нормы, которая вообще не была введена в действие, или вовсе не придерживаться никаких установленных норм. По сути же «революция всегда правонарушительна и праворазрушительна. Она нарушает не только земное позитивное право, но и суть самого права, ибо к сущности права принадлежит способность обновляться и совершенствоваться собственными, заранее сложившимися правовыми путями, и в частности, с помощью постоянно наблюдаемой полноценной лояльности»⁹.

Участь непрерывной перманентной революции такова, что она вводит в жизнь и упреждает именно те обычаи и законы, о которых «новый человек больше не желает заботиться»: принуждение и удобство заменяют ему земной и божественный источник. Подчинение закону, признание абсолютного авторитета власти — все это результаты некоего соглашения, на основании которого государство оказывает гражданину свои услуги, суть которых состоит в обязательной охране его безопасности. «Большая форма», объявляющая себя божественной, при этом немедленно обнажается, раскрывает себя, как это делает идол — и лишь как таковой она и может функционировать»¹⁰.

В институтах, законах и обычаях таится некая притягательная сила традиции и прошлого. Если же правительство опирается не на право, а только на обстоятельства и увиденные им факты, то оно «не пускает корней». Поэтому еще древние народы особо почитали законодателей и основателей и проклинали тех, кто наносил урон традиции их непрерывности и легальности¹¹. Сам факт рождения, исток еще не указывают на значимый исторический факт, но относятся к самой идее государства, поэтому, как полагал Б. Кроче, нет смысла делить цельное историческое явление на «исток» и «развитие» (то, что О. Шпанн предлагал рассматривать как «основание» и «развертывание») — само по себе государство не есть только факт, но духовная категория.

Проблема легальности новых законов, нуждавшихся в базовом «источнике и верховном господине», некоем «внешнем законе», из которого они бы впрямь производили свою законность, предполагала необходимость формирования некоей воображаемой «национальной воли», которая сама располагалась бы вне и над всеми формами правления и законами. Сама же такая воля, оставшаяся только фикцией, позволила бы манипулировать собой и неизбежно привела бы к рождению диктатуры: «Установление новых законов и основание нового политического организма не завершилось и не могло завершиться установлением республики в смысле «господства законов, а не людей», но лишь заменило монархию, т. е. власть одного, демократией — властью большинства». Принцип большинства стал как бы присущим самому процессу принятия решений и поэтому актуально присутствовал во всех формах правления, включая и деспотизм: технический прием решения большинства превращался тем самым в принцип господства большинства¹², и еще точнее — в господство массы и политической техники.

Революция влечет за собой предусмотренную «базовой нормой», воплощающей собой принцип: «к правотворчеству призывается тот, кто спосо-

⁶ Кроче Б. Политический смысл // Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 104.

⁷ Агамбен. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011. С. 51–52.

⁸ Шмитт К. Теория партизан. М., 2007. С. 130.

⁹ Иакин И.А. О революции // Собр. соч. М., 2001. С. 210–211.

¹⁰ Каччари М. Геофилософия Земли. М., 2004. С. 118.

¹¹ Кроче Б. Политический смысл // Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 105.

¹² Арендт Х. О революции. С. 226.

бен его осуществлять», — уже вполне реальную смену социальных сил на вершине власти. И над всеми этими структурными элементами начинает незримо царить сама основная норма. Благодаря ей новое революционное правительство выступает правопреемником старого легитимного правительства», только таким образом революционные изменения государственного строя не затрагивают самого института государства¹³.

Революция, даже если она вводит справедливые законы, рождает их в результате потрясений существующей законности, разрушения веры в право как таковое, правосознания и правопорядка: чтобы «создать более здоровый организм», она «вливает в организм отраву, разрушающую самую сущность, самое естество органической жизни». Поэтому революция всегда разрушительна и для права, и для государ-

ства, и не только для устаревших форм, но для самого естества права, правопорядка, государственности и правосознания¹⁴.

После революции традиция оказывается прерванной, прежняя конституция больше не существует, и если народу предлагается какая-то новая, то это означает, что часть суверенитета вновь уже осуществляется теми, кто ее предлагает. Суждение народа ограничивается необходимостью поддерживать порядок. И только это оправдывает в его глазах существование временной, переходной власти: революционное упразднение существующего порядка напрямую связывается с установлением учредительной власти¹⁵. В таком творческом учредительном акте только и рождается нечто новое и цельное.

¹³ Радбрух Г. *Философия права*. М., 2004. С. 108.

¹⁴ Ильин И.А. *О революции* // Собр. соч. М., 2001. С. 199.

¹⁵ Шмитт К. *Диктатура*. СПб., 2005. С. 166.

Литература

1. Агамбен Дж. *Homo sacer. Чрезвычайное положение* / Дж. Агамбен. М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
2. Арндт Х. *О революции* / Х. Арндт. М.: Европа, 2011. 464 с.
3. Вейль Э. *Гегель и государство* / Э. Вейль. СПб.: Владимир Даль, 2009. 284 с.
4. Иванова Ю.В., Соколов П.В. *Кроме Макиавелли* / Ю.В. Иванова, П.В. Соколов. М.: Квадрига, 2014. 320 с.
5. Ильин И.А. *Собрание сочинений*. [Доп. Т. 7]: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / И.А. Ильин. М.: Русская книга, 2001. 576 с. Доп. т. к собр. соч.: в 10 т.
6. Каччари М. *Геофилософия Земли* / М. Каччари. М., 2004. С. 118.
7. Каччари М. *Геофилософия Европы* / М. Каччари; пер. с итал. и пред. С.А. Мальцевой. СПб.: Издательство «Пневма», 2004. 186 с.
8. Кроче Б. *Антология сочинений по философии* / Б. Кроче. СПб.: Пневма, 1999. 480 с.
9. Радбрух Г. *Философия права* / Г. Радбрух; пер. с нем. Ю.Юмашев. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
10. Шмитт К. *Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы* / К. Шмитт; пер. с нем. Ю. Коренца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
11. Шмитт К. *Теория партизана* / К. Шмитт; пер. с нем. Ю.Ю. Коренца. М.: Praxis, 2007. 301 с.
12. Шпанн О. *Философия истории* / О. Шпанн; пер. с нем. К.В. Лошчевского. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 485 с.

References

1. Agamben G. *Homo sacer. Chhezvychajnoe polozhenie* / G. Agamben [Homo Sacer. State of Exception / G. Agamben]. Moskva: Izdatel'stvo «Evropa» — Moscow: Europe publishing house, 2011. 148 p.
2. Arendt H. *On revoljutsii* / H. Arendt [On Revolution / H. Arendt]. Moskva: Evropa — Moscow: Europe, 2011. 464 p.
3. Weil E. *Gegel' i gosudarstvo* [Hegel and the State]. St. Petersburg: Vladimir Dal' — St. Petersburg: Vladimir Dal, 2009. 284 p.
4. Ivanova Yu.V., Sokolov P.V. *Krome Machiavelli* / Yu.V. Ivanova, P.V. Sokolov [Besides Machiavelli / Yu.V. Ivanova, P.V. Sokolov]. Kvadriga — Quadriga, 2014. 320 p.
5. Ilyin I.A. *Sobranie sochinenij*. [Dop. T. 7]: Kto my? O revoljutsii. O religioznom krizise nashikh dnei [Collection of works. [Supplement. Volume 7]: Who Are We? On Revolution. On Religious Crisis of Our Time] — Moskva: Russkaya kniga — Moscow: Russian Book, 2001. 576 p. Supplement to a collection of works: in 10 volumes.
6. Cacciari M. *Geofilosofiya Zemli* [Geophilosophy of the Earth]. Moskva — Moscow, 2004. P. 118.
7. Cacciari M. *Geofilosofiya Evropy* / per. s ital'yanskogo i pred. S.A. Maltsevoj / M. Cacciari [Geophilosophy of Europe / translation from Italian and foreword by S.A. Maltseva / M. Cacciari]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Pnevma» — St. Petersburg: Pnevma publishing house, 2004. 186 p.
8. Croce B. *Antologiya sochinenij po filosofii* / B. Croce [Anthology of Essays on Philosophy / B. Croce]. St. Petersburg: Pnevma — St. Petersburg: Pnevma, 1999. 480 p.
9. Radbruch G. *Filosofiya prava* / G. Radbruch; per. s nemetskogo Yu. Yumashev [Legal Philosophy / G. Radbruch; translated from German by Yu. Yumashev]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya — Moscow: International Relations, 2004. 240 p.
10. Schmitt C. *Diktatura. Ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj bor'by* / C. Schmitt; per. s nemetskogo. Yu. Korintsa; pod red. D. Kuznitsyna [Dictatorship: From the Origin of the Modern Concept of Sovereignty to Proletarian Class Struggle / C. Schmitt; translated from German by Yu. Korenets, edited by D. Kuznitsyn]. St. Petersburg: Nauka — St. Petersburg: Science, 2005. 326 p.
11. Schmitt C. *Teoriya partizana* / C. Schmitt; per. s nem. Yu.Yu. Korintsa [Theory of the Partisan / C. Schmitt; translated from German by Yu.Yu. Korenets]. Moskva: Praxis — Moscow: Praxis, 2007. 301 p.
12. Spann O. *Filosofiya istorii* / O. Spann; per. s nem. K.V. Loschevskogo [Philosophy of History / O. Spann; translated from German by K.V. Loschevsky]. St. Petersburg: izd-vo SPbGU — St. Petersburg: publishing house of the Saint Petersburg State University, 2005. 485 p.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-7-11

Октябрьская революция с позиции норм позитивного и естественного права

Трофимова Галина Анатольевна,
эксперт научно-исследовательского объединения
«Правовая инициатива»
Trofimova_Galy@mail.ru

Статья посвящена столетию Октябрьской социалистической революции. Дается анализ события с точки зрения соответствия действий советского руководства, направленных на захват власти и установление нового порядка в стране, нормам позитивного и естественного права; делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: Октябрьская революция, естественное право, права человека, право народа на самоопределение, ограничение права собственности, Декрет о земле, Декрет о мире, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, первое советское руководство.

The October Revolution from the Standpoint of Positive and Natural Law Provisions

Trofimova Galina A.
Expert of the Legal Initiative research association

The article is dedicated to the centenary of the October Socialist Revolution. The analysis of the event is given in terms of the conformity of the actions of the Soviet leadership aimed at seizing power and establishing a new order in the country, norms of positive law and natural law; appropriate conclusion are drawn.

Key words: the October revolution, natural law, human rights, people's right to self-determination, restriction of property right, the Decree on Land, the Decree on Peace, the Declaration of the Rights of the working and exploited people, the first Soviet leadership.

Октябрьская революция 1917 г. является, особенно в преддверии юбилея, событием широко обсуждаемым¹, в том числе в контексте недавнего российского прошлого и сегодняшнего дня². Между тем само событие до сих пор связывается, как правило, либо с положительной его характеристикой, либо с отрицательной. То есть и через 100 лет не удалось выработать наиболее объективного, независимого от личностных оценок подхода. Как видится, наиболее верным является анализ Октябрьской революции относительно нарушения, соблюдения и восстановления правовых норм.

Право можно рассматривать с двух сторон: как позитивное право, изложенное в нормах за-

кона; и как естественное право, представляющее собой совокупность норм, выработанных отечественной и зарубежной философско-юридической мыслью, причем основывающихся на предпосылке о разумно-естественном характере такого рода прав, не нуждающихся в прямом изложении законодателя как непосредственно связанных с природой человека³. К числу позитивных норм, касающихся указанного события, следует отнести нормы о компетенции органов Советов, методах получения властных полномочий и соблюдении положений о собственности, а также международных обязательств о создании военной коалиции. К числу естественно-правовых — те, что провозглашают такие незыблемые ценности, как право на жизнь, право на здоровье, правовое равенство, право по управлению делами государства или принцип народовластия; свобода личности, запрет эксплуатации одним человеком другого, свобода слова,

¹ См., например: Черных В.Ю., Черных Л.Н. От Октябрьской революции к февральскому перевороту, или Что такое революция? // Философия и общество. 2012. № 3. С. 85–93.

² См., в частности: Игрицкий Ю.И. Революции 1917 года: уроки для радикалов, либералов и консерваторов // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 116–124.

³ Подробнее см.: Проблемы теории права и право-реализации: учебник / отв. ред. А.Т. Бакулина. М., 2017. С. 24–39.

право народа на самоопределение и право народа на сохранение государственной целостности.

Исходя из того, что любое историческое событие можно трактовать только лишь определив его рамки, попробуем указать их и применительно к Октябрьской революции. Нельзя допустить имеющий место узкий подход, констатирующий лишь захват Советами власти и свержение Временного правительства, т.к. конечной целью большевиков являлось еще и установление нового порядка в стране. В то же время не стоит рассматривать Октябрьскую революцию и как растянувшееся на десятилетия явление, начавшееся задолго до 1917 г.: предваряющие Октябрьскую революцию события еще не являлись непосредственно ею и могли к ней не привести и вовсе; или продолжавшееся в период правления И.В. Сталина, а то и других руководителей советского государства, — то были уже новые вехи развития страны. Поэтому Октябрьскую революцию можно очертить рамками следующих ключевых моментов:

1) приход к власти большевиков:

а) вооруженное восстание и свержение Временного правительства (октябрь 1917);

б) установление власти исключительно большевиками как представителями советов в результате разгона Учредительного собрания (январь 1918);

2) издание первых декретов⁴ с последующим претворением их в жизнь, к которым относятся:

— Декрет о мире (26 октября);

— Декрет о земле (26 октября);

— Декрет о власти (26 октября);

— Декрет о печати (27 октября);

— Декрет о 8-часовом рабочем дне (29 октября);

— Декларация прав народов России (2 ноября);

— Декрет об уничтожении сословий, гражданских, придворных и военных чинов (11 ноября);

— Декрет об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (7 декабря);

— Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918);

— Декрет о роспуске Учредительного собрания (январь 1918);

— Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах (январь 2018)⁵.

Итак, первая составляющая революционно-го события связана с получением власти боль-

шевиками. Началось оно с насильственного свержения Временного правительства, т.е. неправомерного с точки зрения позитивного права действия. Если исходить из норм естественного права, а именно — права на жизнь, то солдаты в большинстве своем сразу перешли на сторону Советов, и пострадало лишь несколько человек, продолжавших нести охрану; право на жизнь членов Временного правительства затронуто не было.

Декрет о власти предполагал переход ее к Советам и формирование Советского правительства (СНК), которое должно было просуществовать до созыва Учредительного собрания; контроль над деятельностью СНК отдавался Съезду Советов, а в перерывах между съездами — Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК). С подобным положением, однако, были согласны не все социалистические партии, представлявшие Советы, а потому в знак протеста правые эсеры, меньшевики и представители ряда других партий покинули Съезд Советов.

Таким образом, Декрет о власти констатировал переход власти к тем представителям Совета, что приняли переворот, предлагал легитимацию полномочий СНК на основе свершившегося факта. Подобные легитимации происходили и позже — в декабре 1991 г., в октябре 1993 г. Разумеется, они являлись прямым нарушением норм позитивного права.

На втором этапе установления власти за большевиками был принят Декрет о роспуске Учредительного собрания, чем были нарушены нормы позитивного права, оставляющие право всеобщей власти именно за этим органом.

На январском Всероссийском съезде Советов была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа — первый конституционный акт Советской Республики, определявший форму правления в виде Республики Советов. Так как парламентская республика значит одна из прогрессивных форм существования государства, то закрепление статуса Советской (т.е. осуществляющей руководство страной через представительные органы — Советы) Республики не уронило этого фактора.

Однако объявление России Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов наводит на мысль о лишении гражданских прав представителей иных занятий — священнослужителей, ученых, писателей, врачей, юристов и т.д. Между тем название и содержание Декларации доказывают, что власть признавалась принадлежащей трудящимся массам и их полномочным представителям, а вследствие объявления всеобщей трудовой повинности к трудящимся были отнесены все граждане.

Вместе с тем признание прав только за трудящимися являлось дискриминационным. Нарушения норм позитивного права в данном случае не было, т.к. декларация была принята

⁴ Во внимание принимаются лишь наиболее существенные документы (иной вариант изложения не позволяют рамки статьи).

⁵ Хрестоматия по истории отечественного государства и права: Форма государственного единства в отечественной истории XX века / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутыгина. М., 2010; СПС «Гарант» (<http://constitution.garant/history/act>).

Съездом советов — представительным органом, легитимировавшим собственные полномочия. Но вот относительно норм естественного права этого уже сказать нельзя. С одной стороны, введение трудовой повинности было направлено на искоренение эксплуатации одним человеком другого, т.е. на восстановление одного из естественных прав. С другой стороны, нарушалось другое естественное право — право на свободу личности, которую можно определить как жизнедеятельность индивида, не наносящую вред другим людям. То есть это естественное, опять же, имеющее определенные границы право.

Так как существование нетрудящегося человека может основываться не только на эксплуатации других, но и на добровольном для него пожертвовании материального содержания (например, матери сыну), то, скорее всего, можно оправдать требование со стороны общества о наличии у человека какого-либо полезного дела. И поэтому следует констатировать нарушение норм естественного права относительно свободы личности в той части, в которой на гражданина возлагалась безусловная трудовая обязанность.

Несколько ранее появившийся Декрет об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем предлагал применение чрезвычайных мер при противодействии новому порядку управления. Современные правовые системы мира, в том числе российская, также содержат нормы, направленные на поддержание и защиту государственной власти, а потому Декрет за исключением отсутствующего положения о соблюдении основных прав человека и гражданина при применении чрезвычайных мер ничем не отличается от действующих теперь аналогов.

Декрет о печати также основывался на поддержании власти: устанавливал запрет на издание ряда правых газет, выступавших против Советов. Этим требованием нарушались такие естественные права человека, как свобода слова и равенство граждан в части выражения собственного мнения.

Вторая составляющая Октябрьской революции была связана с учреждением декретов, существенно менявших уже частноправовую жизнь граждан и влиявших на реализацию ими ряда фундаментальных прав.

Декрет о мире содержал призыв к воюющим странам заключить демократический мир без аннексий и контрибуций. Был направлен на сохранение высшей естественно-правовой ценности — права человека на жизнь. Отказ стран коалиции поддержать инициативу России вынудил Советское правительство нарушить международные обязательства о поддержке союзников, что, разумеется, стало нарушением норм позитивного права.

Декрет о земле устанавливал право безземельных и малоземельных крестьян на бесплат-

ное получение надела, необходимого для прокорма семьи. В результате значительная часть населения получила право на обеспечение финансовой дееспособности (т.е. права на наличие возможности собственными силами — путем обработки земли — приобретать необходимые средства существования), неразрывно связанное с реализацией права на жизнь, на здоровье и другие права, требующего материального наполнения.

Но в то же время Декрет ущемлял права иных лиц — собственников земли, т.к. помещичье землевладение ликвидировалось: провозглашалась отмена частной собственности на землю, национализация всей земли и ее недр. Новая власть обладала полномочием по изменению позитивного права на землю. Однако можно ли право собственности (его установление и отмену) интерпретировать исключительно как позитивное право? Думается, что нет. Представить его в качестве естественного абсолюта также нельзя по той простой причине, что сужение числа собственников неизменно приводит к зависимости от них других членов общества, а то и к рабскому положению (тем более этот вопрос был актуален в аграрной стране). Таким образом, право собственности можно толковать как естественное право в той степени, в какой оно соответствует принципу ненарушения прав других лиц. Так как в царской России границы этого права не были установлены, то основания приобретения и сохранения права собственности не соответствовали соблюдению прав всех граждан в равной степени, и необходимо было подвергнуть их изменению, однако не столь разрушительным способом, как было предпринято.

Одним из декретов, направленных на восстановление прав рабочих, являлся Декрет о 8-часовом рабочем дне. Им, в частности, провозглашалось, что рабочее время не должно превышать 8 рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю, включая время, употребляемое на чистку машин и на приведение в порядок рабочего помещения; не более как через 6 часов после начала работ должен устанавливаться свободный перерыв в работе не короче часа для отдыха и принятия пищи; малолетние, не достигшие 14 лет, не должны допускаться к работе по найму, а рабочее время не достигших 18 лет не должно превышать 6 часов в сутки; не должны допускаться к подземным работам женщины и подростки обоего пола в возрасте до 18 лет; а к сверхурочным работам — все лица женского пола и лица мужского пола, не достигшие 18 лет. Удивительно, что ряд из этих положений граничит с положениями Трудового кодекса РФ; а развитие указанных гарантий к дню сегодняшнему не произошло. Безусловно, указанные правила стали одними из значимых, действительно обеспечивающих защиту таких естественных прав как право на здоровье граждан и связанное с ним право на жизнь.

Декларация прав народов России провозгласила право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения; равенство и суверенность, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

Признание права народов на самоопределение, безусловно, воспроизводило одно из естественных прав человека (человеческой общности). Но тут же возникает вопрос: а как это право корреспондирует с правом народа на сохранение государственной целостности? Представляется, что эти права не противоречат друг другу в случае их толкования с учетом соблюдения иных, более весомых прав. На наш взгляд, нужно отказаться от идеалистического представления о равенстве всех прав и равенстве конституционных ценностей; права могут носить как равноправный характер, так и отличаться по уровню значимости. Право на самоопределение может быть реализовано в случае сохранения за гражданами отделяемой территории права на жизнь и ряда других фундаментальных прав. Кроме того, в контексте соблюдения права народа на государственную целостность реализация права народа на самоопределение оправдана лишь в случае преследования значимых целей — восстановления ранее нарушаемых прав этого народа или же значительного улучшения имеющихся. Так как в 1917 г. шла речь о самоопределении народов, проживающих на тех территориях, где свободы до присоединения к Российской империи было больше, то реализация права на самоопределение являлась реализацией естественного права с соблюдением обозначенных выше критериев.

Отмена разного рода привилегий и ограничений (в частности, ограничений при поступлении в высшие учебные заведения и на службу, выборе места жительства, заключении брака) служило восстановлению равенства прав представителей разных народов и национальностей.

Такой же — правовосстановительный — характер был и у Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов, обозначивший юридическое равенство граждан независимо от происхождения, имущественного положения и т.д.

Самый поздний Декрет — о свободе совести, церковных и религиозных обществах провозглашал свободу вероисповедания, т.е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, а также свободное исполнение религиозных обрядов без нарушения общественного порядка. Кроме того, Декрет был направлен на отделение церкви от государства: акты гражданского состояния должны были вести исключительно гражданской властью, а преподавание религии — частным образом и вне школ.

Нетрудно заметить, что эти правила соответствуют ныне имеющимся конституционным

и законодательным актам, указывая на свободное положение личности. Таким образом, Декретом было восстановлено естественное право человека на свободу совести; а провозглашение России светским государством послужило одной из гарантий реализации этого права.

Можно сделать выводы.

1. В результате Октябрьской революции были нарушены следующие нормы позитивного права:

1) о законной смене власти;

2) о передаче власти Учредительному собранию как органу учредительной (и как конституируется в современном правоведении — высшей власти);

3) о соблюдении международных договоров об участии в военных действиях в рамках военного союза «Антанты».

2. В результате Октябрьской революции были восстановлены следующие нормы естественного права:

1) о праве на жизнь (на основе Декрета о мире);

2) о праве на здоровье (на основе Декрета о 8-часовом рабочем дне);

3) о праве на финансовую дееспособность (право, возникающем одновременно с оформлением государства), реализованном для крестьян путем предоставления им права на землю (на основании Декрета о земле, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа);

4) о праве народа на самоопределение (на основе Декларации прав народов России);

5) о запрете на эксплуатацию одним человеком другого (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа).

3. В результате Октябрьской революции в определенной мере были восстановлены следующие нормы естественного права:

1) о праве на управление делами государства (народовластии) путем учреждения в качестве главного органа законодательной (представительной) власти Съезда Советов, в перерывах между Съездами также выборного органа — ВЦИК (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа);

2) о равенстве прав граждан (на основе Декрета об уничтожении сословий, гражданских, придворных и военных чинов, Декларации прав народов России).

4. В результате Октябрьской революции были нарушены следующие нормы естественного права:

1) о праве собственности путем искажения сущности данного права и недостаточной объективности в определении критериев для его ограничения и отмены (на основании Декрета о земле, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа);

2) о равенстве прав граждан в части ограничения права по осуществлению управления делами государства для представителей иных со-

циальных классов, кроме тех, кто поддерживал Советы (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа); в части осуществления свободы слова (на основе Декрета о печати);

3) о свободе личности — в части введения всеобщей трудовой повинности независимо от нарушения прав иных лиц (на основе Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа).

Таким образом, Октябрьскую социалистическую революцию можно определить как неоднозначное контекстовое событие, связанное с нарушением норм позитивного права при осуществлении прихода к власти большевиков; а также с восстановлением норм естественно-права и нарушением ряда из них при реализации государственно-управленческой деятельности.

Литература

1. Игрицкий Ю.И. Революции 1917 года: уроки для радикалов, либералов и консерваторов / Ю.И. Игрицкий // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 116–125.
2. Проблемы теории права и правореализации : учебник / отв. ред. Л.Т. Бакулина. М. : Статут, 2017. 384 с.
3. Хрестоматия по истории отечественного государства и права: Форма государственного единства в отечественной истории XX века / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М. : Издательство «Юрайт»; ИД «Юрайт», 2010. 698 с.
4. Черных В.Ю., Черных Л.Н. От Октябрьской революции к февральскому перевороту, или Что такое революция? // Философия и общество. 2012. № 3. С. 85–93.

References

1. Igritsky Yu.I. Revolyutsii 1917 goda: uroki dlya radikalov, liberalov i konservatorov [Revolutions of 1917: Lessons for Radicals, Liberals and Conservatives] // Rossiya i sovremennyy mir — Russia and the Modern World. 2008. No. 1 (58).
2. Problemy teorii prava i pravorealizatsii : uchebnik / otv. red. L.T. Bakulina [Issues of Law Theory and Law Enforcement : textbook / editor-in-chief L.T. Bakulina]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2017.
3. Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava: Forma gosudarstvennogo edinstva v otechestvennoy istorii XX veka / sost. O.I. Chistyakov, G.A. Kutyina [Anthology on History of Russian State and Law: Form of State Unity in National History of the XX Century / compiled by O.I. Chistyakov, G.A. Kutyina]. Moskva : Izdatel'stvo Yurajt; ID Yurajt — Moscow : Urait publishing house, 2010.
4. Chernykh V.Yh., Chernykh L.N. Ot Oktyabr'skoj revolyutsii k fevral'skomu perevorotu, ili chto takoe revolyutsiya? [From the October Revolution to the February Coup or What Revolution Is] // Filosofiya i obshchestvo — Philosophy and Society. 2012. No. 3.

Единство юридической теории и практики в российском правоведении: положительный исторический опыт

Желдыбина Татьяна Анатольевна,
доцент кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
tatyana130802@yandex.ru

В статье представлен анализ развития юридической науки России дореволюционного периода в аспекте взаимодействия теории и практики. Рассмотрена деятельность ученых-юристов, занимавшихся вопросами теории, успешно применивших полученные знания на практике. Изучены взгляды известных правоведов по данному вопросу. Показаны примеры разумного баланса между теоретической и практической деятельностью.

Ключевые слова: юридическая наука, юридическая практика, образование, правовая мысль.

Unity of Legal Theory and Practice in Russian Legal Science: Positive Historical Experience

Zheldybina Tatyana A.
Assistant Professor of the Department of History of State and Law of the Saratov State Law Academy
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor

The article presents the analysis of the development of legal science of Russia of pre-revolutionary period in terms of the interaction of theory and practice. Review the activities of scholars working on issues of theory, successfully implemented the acquired knowledge in practice. Studied the views of renowned legal experts on this issue. Shows examples of a reasonable balance between theoretical and practical activities.

Key words: legal science, legal practice, education, legal thought.

Различные аспекты истории юридической науки и юридического образования в последнее время вызывают интерес у исследователей¹. Прежде всего оживление в изучении данного

вопроса связано с модернизацией российского образования, в том числе с реформой высшего юридического образования, появлением новых государственных образовательных стандартов, переходом на двухуровневую систему образования, возникновением учебной дисциплины «История и методология юридической науки».

Повышение качества российского юридического образования, с нашей точки зрения, возможно только с учетом фундаментальных основ и положительного опыта, сложившегося в России дореволюционного периода.

Отметим, что изменение общественного и государственного строя во второй половине XIX — начала XX в. активизировало интерес к конкретному, а не абстрактному рассмотрению права и государства. Кроме того, именно потребности практической деятельности сыграли значительную роль в становлении такого направления как российское законоведение.

¹ См.: Андреасян Е.А. Становление юридического образования в России // *Философия права*. 2007. № 2; Лафитский В.И. Юридическая наука: история и современность // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2010. № 3; Ахметова Д.И., Лазарева Е.В. Юридическое образование в России: история и современность // *Правовая культура*. 2011. № 1; Карева А.В. Из истории развития юридической науки // *Право и общество*. 2014. № 3; Соборнов П.Е. История политических и правовых учений: из опыта преподавания в системе юридического образования в 1920–1930-х годов // *История государства и права*. 2014. № 6; Небратенко Г.Г. История юридической науки в постсоветский период // *История государства и права*. 2015. № 10; и др.

На это обстоятельство указывает профессор С.В. Кодан, отмечая, что «...выработка механизмов и процедур законодательного процесса, а также систематизация узаконений, например, в 1820-е гг. способствовали разработке теоретических основ системы российского законодательства, юридической техники, терминологии, языка»².

Российская научно-правовая среда формировалась во многом в связи с принадлежностью ученых-юристов к университетам, при которых и были открыты Юридические общества (прежде всего Московское, Петербургское, Казанское). Значительную роль в процессе формирования направлений юридической научной мысли России сыграл первый съезд русских юристов. «К сожалению, — напишет впоследствии А. Леонтьев, — первый съезд русских юристов в 70-х годах в Москве был до сих пор и последним съездом, несмотря на то, что он оказался чрезвычайно плодотворным и дал могущественный толчок русской юридической мысли»³.

Университетское сообщество в то время ценило в преподавателе не узкого специалиста, а широко образованного педагога, узкая специализация не поощрялась⁴.

О связи теоретического и практического компонентов в образовании писал К. Дыновский. По его мнению, мероприятия, направленные на сближение теории с практикой, на подъеме гражданского правосудия, должны прежде всего коснуться фундамента, т.е. системы университетского цивилистического образования. Наши юридические факультеты должны стремиться к подготовке юристов, пригодных для практической деятельности, т.е. обладающих силой мысли, приспособленной к пониманию правовых явлений и разрешению практических задач соответственно потребностям и условиям русской жизни. Образование юридической мысли слушателей в практическом направлении путем теоретического, научного по содержанию и по форме преподавания составляет весьма трудную и ответственную задачу преподавания права. Преподаватель теоретик должен быть знаком с постановкой вопросов в жизни, и непосредственная практическая деятельность как лучшее средство ознакомления приобрета-

ет для него громадное значение. Это осознается выдающимися теоретиками на Западе (Иеринг, Гольдшмидт, Колер и др.), которые требуют от преподавателя-цивилиста предварительной практической подготовки, указывая на соединение преподавательской деятельности с практической (судебной службой или адвокатурой) как на одно из самых надежных средств для рациональной постановки преподавания и для правильного развития юриспруденции⁵.

Здесь важно отметить, что зачастую ученые-юристы имели не только базовую теоретическую подготовку, но и практическую направленность, были разработчиками законопроектов, практическими деятелями.

Так, например, П.П. Цитович, специалист в области гражданского и торгового права, реализовал свои теоретические изыскания на практике. В 1894 г. он назначен членом Совета министра финансов. Ученый анализировал нормативно-правовые акты по конкретным проблемам в рамках отраслей права, преимущественно гражданского и гражданско-процессуального. Разрабатывая вопросы отраслевых юридических наук, он вносил предложения по совершенствованию действующего законодательства. Сопоставив отечественные законы с иностранными, пытался выявить общие тенденции развития права. Поездка с научной целью за границу и изучение иностранного законодательства не могли не сказаться и на его законотворческой работе. Так, ему была поручена разработка целого ряда законопроектов: например, в области акционерного, вексельного права, торговой регистрации.

По замечанию А. Каминка, «...деятельность Цитовича является тесным сочетанием деятельности его как преподавателя, ученого и чиновника, специально занятого разработкой законопроектов»⁶.

Другой известный ученый, К.И. Малышев, был также командирован с ученой целью за границу, где прослушал выдающихся профессоров Германии, Австрии, посетил Италию, работал в Париже, Лондоне и отправился (едва ли не первый, да и не последний из русских цивилистов) в Америку, где побывал в Бостоне, Вашингтоне, Филадельфии, Нью-Йорке и т.д.⁷

По возвращении его в 1873 г. из-за границы служебная деятельность его происходила частью в университете, частью при Государственном Совете, сначала старшим чиновником вновь учрежденного Кодификационного Отдела, затем, по преобразовании его в 1893 г.

² Кодан С.В. Юридическое образование и наука в России (первая половина XIX в.) // Материалы юбилейной Всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете» (г. Казань, 13–14 мая 2004 г.). Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 56.

³ Леонтьев А. К вопросу о съезде русских юристов // Юрист. 1903 № 6. С. 185.

⁴ См.: Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань, 2003. С. 6.

⁵ См.: Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса, 1896. С. 53, 58–59.

⁶ См.: Каминка А. Петр Павлович Цитович // Право. 1913. № 48. С. 2530.

⁷ См.: Колоножников Г. Памяти Кронида Ивановича Малышева (1841–1907 гг.). Томск, 1917. С. 3.

в Отделение Свода Законов Государственной Канцелярии, в качестве статс-секретаря; и наконец, за выходом его в 1895 г. в отставку, деятельность его сосредоточилась на работах в Редакционной Комиссии по составлению проекта Гражданского Уложения. В то же время он состоял членом консультации при Министерстве Юстиции.

Следует отметить, что К.И. Малышев, находясь на практической работе, не прекращал занятий научной деятельностью. Издавая целый ряд фундаментальных работ («Курс гражданского судопроизводства», «Курс общего гражданского права России», «Приложение к курсу гражданского права» и др.), он сделал многочисленные ценные замечания на проект общей части обязательственного права (В.И. Голевинского), статей об акционерных обществах (Э.Э. Пирвица), проект Вотчинного Устава, Опекунского Устава и др.; им пересмотрены и исправлены проект статей о метрических книгах (П.А. Муллова), об авторском праве, напечатана объяснительная записка к проекту статей о продаже, запродаже и мене и т.д. К.И. Малышев принимал деятельное участие в комиссии для пересмотра вексельного устава (вместе с Книримом и Туром), в комиссии генерал-лейтенанта Веселого по составлению положения о лоцманах, в комиссии статс-секретаря Селифонтова для пересмотра старых законов судопроизводства, в комиссии для кодификации основных законов Финляндии. Но самыми главными памятниками законодательного творчества К.И. Малышева остались опубликованный им в 1898 г. проект книги I Гражданского Уложения, Положения Общие с объяснительной запиской и напечатанное в 1904 г. «Положение о введении в действие Гражданского Уложения», проект которого, составленный Кронидом Ивановичем, принят был Редакционной Комиссией с самыми незначительными изменениями. Этот же период деятельности ученого ознаменован появлением в 1906 г. труда в 3 томах по англо-американскому праву под названием «Гражданские Законы Калифорнии в сравнительном изложении с законами Нью-Йорка и других восточных штатов и с общим правом Англии и Северной Америки»⁸.

Совмещал теоретическую и практическую деятельность основатель казанской цивилистической школы, специалист в области международного частного права Д.И. Мейер. Был командирован в Германию для совершенствования в науках, по возвращении в Петербург направлен в Казанский университет адъюнктом по кафедре гражданских законов. В 1853 г. в «Ученых записках Казанского университета» помещено его исследование «О юридических вымыслах и предположениях,

о скрытых и притворных действиях», а в 1855 — монография «О значении практики в системе юридического образования»⁹. Подготовил двух аспирантов-цивилистов — А.И. Вицына и А.В. Соколова, ставших известными учеными. П. Мулов написал о Д. Мейере, что таких юристов немного в России, которые одновременно были бы и хорошими теоретиками, и практиками, и педагогами, притом с горячей любовью к науке и полной преданностью своим слушателям¹⁰.

Именитый цивилист С.В. Пахман, кроме преподавательской и научной работы (в Казанском, Харьковском, Петербургском университетах), участвовал в законодательных работах. В 1861 г. он был вызван в Петербург для участия в комиссии для пересмотра университетского устава. В 1869 г. он принимал участие в двух состоявшихся при бывшем Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии комиссиях: для перевода польского гражданского кодекса и для пересмотра закона о духовных завещаниях. Результатом работ первой было издание в 1870 г. «Собрания гражданских законов губерний Царства Польского». В 1873 г. С.В. Пахман был определен на службу во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где в круг его обязанностей входило составление отзывов и заключений по вопросам гражданского права. Также работал в комиссии по составлению гражданского уложения.

Как впоследствии отзывался о нем А. Гольмстен, как ученый, как цивилист С.В. Пахман являл собой образец гармоничного сочетания юриста техника, строгого догматика и юриста, проникнутого реальными, жизненными научными интересами¹¹.

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, специалист по уголовному праву и тюремоведению И.Я. Фойницкий активно занимался научной работой. В 1881 г. защитил докторскую диссертацию «Ссылка на западе», затем был назначен экстраординарным профессором, а в 1882 г. — ординарным профессором по кафедре уголовного судопроизводства.

Практическая деятельность также была близка И.Я. Фойницкому. В 1873 г. он приглашен Министерством Юстиции для выработки рациональной системы статистических данных, в 1876 г. назначается на должность товарища обер-прокурора Уголовного Кассационного Департамента Сената. В 1900 г. он был назначен на

⁸ См.: Колоножников Г. Памяти Крониды Ивановича Малышева (1841–1907 гг.). Томск, 1917. С. 4–6.

⁹ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. М., 2000. С. 20–22.

¹⁰ Мулов П. О практическом юридическом образовании // Юридический вестник. 1861. № 17. С. 46.

¹¹ См.: Гольмстен А. Семен Викентьевич Пахман. Некролог // Журнал министерства юстиции. 1911. Март. С. 225, 223.

пост сенатора того же Департамента и занимал его до 1911 г. Кроме того, он работал в составе гласных Петербургской городской думы, где пребывал от 1904 до 1909 г.¹² (гласные — члены городских дум в дореволюционной России. — *Прим. автора*).

И.Я. Фойницкий проводил блестящий анализ действующего уложения о наказаниях, предлагая объединить все виды похищения насильственного (грабеж первого рода) в одном общем понятии разбоя, а ненасильственного (грабеж второго рода) — в краже. Эта точка зрения нашла полное осуществление в уголовном уложении 1903 г. (в котором имущественные преступления им были редактированы). Ученый устанавливает общее понятие злоупотребления доверием, ранее не известное, как родовое, выделяя шантаж как особый вид наказуемой недобросовестности по имуществу, в зависимости от употребляемых для этого средств.

В качестве выдающегося теоретика, как представитель Министерства Юстиции, он был назначен для участия в разработке двух важнейших законодательных актов — проекта уголовного уложения 1903 г. и проекта устава уголовного судопроизводства 1900 г. Участвуя с 1881 г. в трудах редакционной комиссии по составлению проекта нового уголовного кодекса, редактировал VII том объяснительной записки к проекту, при этом его научные взгляды, касающиеся имущественных преступлений, вошли в содержание соответствующих определений в этой части уголовного уложения 1903 г.¹³

История становления и развития российского юридического образования дает современным исследователям прекрасный материал. «Наука права, — писал Г.Ф. Шершеневич, — слишком тесно связана с жизнью, чтобы она могла существовать, не будучи вызвана к тому самой жизнью»¹⁴. Как авторитетный профессор и блестящий знаток права, Г.Ф. Шершеневич часто избирался в различные «советские и общеуниверситетские комиссии и учреждения» (профессорский дисциплинарный суд и др.). Кроме того, он исполнял обязанности секретаря юридического факультета. Осенью-зимой 1893/1894 учебного года по инициативе Г.Ф. Шершеневича юридический факультет выступил с конкретными предложениями о необходимости и путях реформирования издательской деятельности.

Совершенно справедливым следует признать замечание И.А. Кистяковского, который считал, что Г.Ф. Шершеневич, трудясь над догмой права, всю свою жизнь тем самым работал над сближением теории и практики¹⁵.

Подводя итог, следует отметить, что российская дореволюционная юридическая наука находилась на высочайшем уровне развития. Потребности практической деятельности, способствовавшие формированию направлений научных исследований ученых-юристов, предопределяли взаимосвязь юридической теории и практики, их гармоничное развитие.

¹² См.: Плетнев В. И.Я. Фойницкий: Некролог // Журнал Министерства Юстиции. 1913. № 9. Ноябрь. С. 335, 318.

¹³ См.: там же. С. 323.

¹⁴ Шершеневич Г.Ф. Критика и библиография. Труды г. Цитовича в области торгового права // Журнал гражданского и уголовного права. 1888. Кн. 3. С. 76.

¹⁵ Кистяковский И.А. Г.Ф. Шершеневич как цивилист // Юридический вестник. 1913. Кн. I. С. 134.

Литература

1. Андреасян Е.А. Становление юридического образования в России / Е.А. Андреасян // Философия права. 2007. № 2. С. 7–11.
2. Астафьев В.В. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете / В.В. Астафьев, Д.М. Галиуллина, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Казань, 2003. 180 с.
3. Ахметова Д.И. Юридическое образование в России: история и современность / Д.И. Ахметова, Е.В. Лазарева // Правовая культура. 2011. № 1. С. 154–158.
4. Гольмстен А. Семен Викентьевич Пахман. Некролог / А. Гольмстен // Журнал министерства юстиции. 1911. Март. С. 220–227.
5. Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия / К. Дыновский. Одесса, 1896. 64 с.
6. Каминка А. Петр Павлович Цитович / А. Каминка // Право. 1913. № 48. С. 2525–2533.
7. Карева А.В. Из истории развития юридической науки / А.В. Карева // Право и общество. 2014. № 3. С. 63–67.
8. Кодан С.В. Юридическое образование и наука в России (первая половина XIX в.) / С.В. Кодан // Материалы юбилейной Всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете» (г. Казань, 13–14 мая 2004 года). Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 54–60.
9. Колоножников Г. Памяти Кронида Ивановича Малышева (1841–1907 гг.) / Г. Колоножников. Томск, 1917. 22 с.
10. Лафитский В.И. Юридическая наука: история и современность / В.И. Лафитский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3. С. 26–29.
11. Леонтьев А. К вопросу о съезде русских юристов / А. Леонтьев // Юрист. 1903. № 6. С. 183–188.
12. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.) / Д.И. Мейер. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. М., 2000. 831 с.
13. Муллов П. О практическом юридическом образовании / П. Муллов // Юридический вестник. 1861. № 17. С. 26–61.

14. Небратенко Г.Г. История юридической науки в постсоветский период / Г.Г. Небратенко // История государства и права. 2015. № 10. С. 22–25.
15. Пашенцев Д.А. История юридического образования и юридической науки в России. Учебное пособие / Д.А. Пашенцев. М. : Московский городской педагогический университет, 2015. 81 с.
16. Плетнев В. И.Я. Фойницкий: Некролог / В. Плетнев // Журнал Министерства Юстиции. 1913. № 9. Ноябрь. С. 313–336.
17. Соборнов П.Е. История политических и правовых учений: из опыта преподавания в системе юридического образования 1920–1930-х годов / П.Е. Соборнов // История государства и права. 2014. № 6. С. 26–30.

References

1. Andreyasyan E.A. Stanovlenie yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii [Establishment of Legal Education in Russia] // Filosofiya prava — Philosophy of Law. 2007. No. 2. P. 7–11.
2. Astafyev V.V., Galiullina D.M., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. Izuchenie i prepodavanie otechestvennoj istorii v Kazanskom universitete [Study and Teaching of National History in the Kazan University]. Kazan' — Kazan, 2003. 180 p.
3. Akhmetova D.I., Lazareva E.V. Yuridicheskoe obrazovanie v Rossii: istoriya i sovremennost' [Legal Education in Russia: History and Modern Time] // Pravovaya kul'tura — Legal Culture. 2011. No. 1. P. 154–158.
4. Golmsten A. Semen Vikent'evich Pakhman. Nekrolog [Semen Vikentyevich Pakhman. Obituary] // Zhurnal ministerstva yustitsii — Journal of the Ministry of Justice. 1911. March. P. 220–227.
5. Dynovsky K. Zadachi tsivilisticheskogo obrazovaniya i znachenie ego dlya grazhdanskogo pravosudiya [Civil Law Education Tasks and Its Significance for Civil Justice]. Odessa — Odessa, 1896. 64 p.
6. Kaminka A. Petr Pavlovich Tsitovich [Petr Pavlovich Tsitovich] // Pravo — Law. 1913. No. 48. P. 2525–2533.
7. Kareva A.V. Iz istorii razvitiya yuridicheskoy nauki [From Legal Science Development History] // Pravo i obshchestvo — Law and Society. 2014. No. 3. P. 63–67.
8. Kodan S.V. Yuridicheskoe obrazovanie i nauka v Rossii (pervaya polovina XIX v.) // Materialy yubilejnoy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii «Dva veka yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v Kazanskom universitete» (g. Kazan', 13–14 maya 2004 goda) [Legal Education and Science in Russia (First Half of the XIX Century)] // Files of the Anniversary All-Russian Scientific Conference: Two Centuries of Legal Education and Science in the Kazan University (Kazan, May 13–14, 2004). Kazan' : Tsentr innovatsionnykh tekhnologij — Kazan : Center of Innovative Technologies, 2004. P. 54–60.
9. Kolonozhnikov G. Pamyati Kronida Ivanovicha Malysheva (1841–1907 gg.) [In Memory of Kronid Ivanovich Malyshev]. Tomsk — Tomsk, 1917. 22 p.
10. Lafitsky V.I. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' [Legal Science: History and Present-Day State] // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya — Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2010. No. 3. P. 26–29.
11. Leontyev A. K voprosu o s'ezde russkikh yuristov [On Convention of Russian Lawyers] // Yurist — Lawyer. 1903. No. 6. P. 183–188.
12. Meyer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2 ch.). Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd., 1902. Izd. 2-e, ispr [Russian Civil Law (in 2 parts). According to the 8th revised and extended edition, 1902. 2nd edition, revised]. Moskva — Moscow, 2000. 831 p.
13. Mullov P. O prakticheskom yuridicheskom obrazovanii [On Practical Legal Education] // Yuridicheskij vestnik — Legal Bulletin. 1861. No. 17. P. 26–61.
14. Nebratenko G.G. Istoriya yuridicheskoy nauki v postsovet'skij period [History of Legal Science in the Post-Soviet Period] // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2015. No. 10. P. 22–25.
15. Pashentsev D.A. Istoriya yuridicheskogo obrazovaniya i yuridicheskoy nauki v Rossii. Uchebnoe posobie [History of Legal Education and Legal Science in Russia. Textbook]. Moskva : Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet — Moscow : Moscow City Pedagogical University, 2015. 81 p.
16. Pletnev V. I.Ya. Foynitskiy: Nekrolog [I.Ya. Foynitskiy: Obituary] // Zhurnal Ministerstva Yustitsii — Journal of the Ministry of Justice. 1913. No. 9. November. P. 313–336.
17. Sobornov P.E. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: iz opyta prepodavaniya v sisteme yuridicheskogo obrazovaniya 1920–1930-kh godov [History of Political and Legal Doctrines: from History of Teaching in Legal Education System of the 1920's to 1930's] // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. No. 6. P. 26–30.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-17-22

Народный контроль в 20–30-е годы советской власти: нормативное закрепление, правовые средства, особенности

Тепляшин Иван Владимирович,
доцент кафедры конституционного,
административного и муниципального права
юридического института
Сибирского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
ivt-sl@yandex.ru

В статье дается анализ формирования института народного контроля в 20–30-е годы в СССР и РСФСР. Раскрываются основные нормативные правовые акты, закрепляющие народный контроль в период его начального формирования. Автор статьи показывает необходимость научного осмысления механизма влияния советских граждан на хозяйственную и управленческую деятельность государства, формирования организационно-правовой практики в данной сфере. В этой связи в современных условиях развития института общественного контроля исторический опыт относительно реализации первичных основ осуществления исследуемой формы публичного управления может внести определенные коррективы в процесс его претворения в правовую жизнь.

Ключевые слова: народный контроль, общественный контроль, советская власть, пролетарское правосознание, правовые средства, социалистическая демократия.

People's Control in the 1920's to 1930's of Soviet Power: Statutorization, Legal Means, Peculiarities

Teplyashin Ivan V.,
Assistant Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law
Institute of the Siberian Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor

The article analyzes the formation of the people's control institution in the 20–30s in the USSR and the RSFSR. It develops the main normative legal acts enshrining people's control within its initial formation period. The author of the article shows the necessity of scientific comprehension of the mechanism of Soviet citizens' influence on the economic and administrative activities of the state, the formation of organizational and legal practice in this sphere. In this connection, in the current conditions of the development of the institution of public control, historical experience concerning the realization of the initial foundations to implement the form of public administration under consideration can introduce certain amendments to the process of its implementation into the legal life.

Key words: People's control, public control, Soviet power, proletarian legal consciousness, legal means, socialist democracy.

Произошедшие в начале XX столетия изменения социально-политического устройства России потребовали создания новых политических, идеологических, правовых средств модернизации государственного аппарата, внедрения в систему общественного развития социалистических идей, деклараций и норм, создания модели государственного управления с широким народным участием. В период становления со-

ветской власти особое внимание уделялось процессу вовлечения различных общественных коллективов, групп, сообществ в новые социалистические организационно-управленческие механизмы и систему взаимодействия граждан с государственным аппаратом.

Так, уже в первые годы становления советской власти отдельные начала общественного развития и системы взаимодействия государ-

ственных и общественных структур легли в основу развития законодательства о народном контроле. Для наиболее полного понимания особенностей становления и развития народного контроля можно выделить несколько этапов формирования данного института.

Первый этап (первые годы становления советской власти)

В России в результате двух государственных переворотов — в феврале и октябре 1917 г. — изменилась система государственного управления, появились новые формы общественной деятельности. В революционный период имеет место политизация закона, определение новой роли принципа приоритета права, революционной политики и законодательства¹. В новой России особую роль в политико-правовой жизни заняли политические движения и группы. Активно формировались общественные организации трудящихся, которые осуществляли свои стремления в молодом советском государстве и обществе.

Этот период характеризуется началом формирования системы органов рабочего контроля. 27 ноября 1917 г. было принято Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле². Предусматривалось, что народный (рабочий) контроль осуществляли все рабочие предприятия через свои выборные учреждения: заводские, фабричные комитеты, советы старост. Органы рабочего контроля наделялись правом обследования финансовой и технической стороны предприятия, наблюдения за производством и установления норм выработки предприятия.

С принятием Конституции РСФСР 1918 г.³ нормируются общие правовые основы института общественного контроля и правового статуса общественных организаций. Официально Конституция закрепила институт рабочего контроля в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами, провозгласила идею устранения всех препятствий рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, наделила других субъектов обязанностью оказывать всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации. В силу этого на местном уровне в соответствии с Декретом от 11 июня

1918 г.⁴ формируются так называемые комбеды. Главной целью комбедов являлась борьба с кулацким влиянием в деревне в период 1918–1920 гг. Комбеды под руководством партийных организаций и исполкомов губернских и уездных центров проводили борьбу против кулацкого влияния в советах, используя систематический контроль над ними. Этот контроль выражался в том, что реализация каждого мероприятия совета должна была иметь санкцию комитета бедноты. В необходимых случаях комбеды инициировали переизбрание состава местных советов и удаление из них нежелательных членов (контрреволюционных элементов)⁵.

Далее с переходом предприятий в собственность советского государства и созданием государственных органов управления (заводоуправления, системы совнархозов) правовая технология рабочего контроля развивалась. Так, на протяжении всего 1919 г. действовали рабочие контрольные комиссии. В дальнейшем, с 1920 г. создавались рабоче-крестьянские инспекции, контроль которых распространялся на многие области государственной жизни. Производственный контроль стал осуществляться по соответствующей схеме: профсоюзы, не создавая специальных органов, непосредственно контролировали производство на предприятиях без права отмены распоряжений администрации, а рабоче-крестьянские инспекции проводили отдельные административно-хозяйственные ревизии, опираясь на ячейки профсоюзов⁶.

В 1918 г. создается Российский коммунистический союз молодежи. В последующем, в связи с образованием в 1922 г. нового союзного государства — СССР и принятием Конституции СССР 1924 г.⁷, в марте 1926 г. данная организация переименована во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). Организация обладала определенной перспективой в части объединения интересов молодого поколения советских граждан и являлась своеобразным резервом для пополнения активной части общества. В этот период ВЛКСМ начинает принимать участие в работе учреждений, предприятий и даже органов власти, через формирование и деятельность своих предста-

¹ Исаев И.А. Историческая школа права и революция // История государства и права. 2017. № 11. С. 6.

² Положение ВЦИК, СНК РСФСР о рабочем контроле 27 ноября 1917 г. / Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4723. Л. 1–3.

³ Конституция РСФСР 1918 года : принята V Всероссийским съездом советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

⁴ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» от 11 июня 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 43. Ст. 522–524.

⁵ Аверьев В. Перестройка местных органов власти в связи с принятием Конституции 1918 г. // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 108–109.

⁶ Смыкалин А.С. Советские профсоюзы в 1920-е гг. // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 1 (91). С. 38.

⁷ Основной закон (Конституция) СССР : утв. ЦИК СССР 6 июля 1923 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 2. Ст. 45.

вительств (первичных организаций) выступая главным образом проводником между определенными группами общества и новой советской властью.

Второй этап (1920-е гг.)

В 1920-е годы деятельность профессиональных союзов и их организаций получает широкое распространение и оказывает существенное влияние на развитие политической системы советского государства. Профессиональные союзы осуществляли контроль и инспекцию над ходом и состоянием производства на предприятиях путем непосредственного наблюдения через свои отделы за выполнением производственных программ.

В советской России термин «общественная организация» использовался в очень широком смысле, применялся к объединениям самого разного масштаба, характера и направления деятельности. В 1922 г. детализирован порядок утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядок надзора за ними⁸.

Союзные республики приводили свои внутренние нормативные правовые акты в соответствие и общесоюзному законодательству, регулирующему деятельность общественных организаций. Основным средством народного контроля здесь являлось обсуждение вопросов выполнения трудовыми коллективами своих нормативов в производственной, сельскохозяйственной и прочих сферах. По мере необходимости составлялись протоколы народных собраний с направлением их в высшие органы⁹.

Следует отметить общие собрания (сходы) граждан, которые берут начало своего существования в РСФСР с 1927 г.¹⁰ Они представляли собой институт, предназначенный для обсуждения и рассмотрения вопросов, касающихся жизни села, а также для обсуждения общих вопросов государственного, краевого, областного, губернского, окружного, уездного и волостного значения в сельских поселениях. Общие собрания (сходы) граждан созывались сельским советом или уполномоченным сель-

ского совета по поручению последнего, по мере надобности.

В целях вовлечения крестьян, батраков, рабочих, служащих и трудовой деревенской интеллигенции в практическую работу районных и волостных исполнительных комитетов и сельских советов, а также для предварительной проработки вопросов по различным отраслям деятельности данных комитетов и сельских советов на уровне сельского управления создавались народные комиссии (секции). Могли быть созданы: а) сельскохозяйственная; б) культурно-просветительная; в) здравоохранения; г) финансово-налоговая; д) местного хозяйства и благоустройства; е) торгово-кооперативная секции¹¹.

С 1928 г. городские советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов образуются во всех городах и рабочих поселках¹². Предметом ведения городских советов в городах, не имевших крупного городского хозяйства и промышленного пролетариата, являлось осуществление функции общественного контроля в отношении деятельности соответствующего исполнительного комитета и его различных учреждений и предприятий. Также в этот период при исполнительных комитетах и советах создавались постоянные комиссии, которые принимали активное участие в проверке хозяйственной деятельности соответствующих предприятий и учреждений.

Особого внимания заслуживает финансовый контроль, осуществляемый с участием граждан. В СССР еще с 1923 г. был закреплен механизм контроля исполнения государственного бюджета¹³. В РСФСР с 1921 г. также были определены общие направления контроля в финансовой сфере¹⁴. К данной деятельности привлекались и граждане, наделяясь правом проведения ревизий финансовых и хозяйственных операций, обследования состояния денежных и ма-

⁸ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» от 3 августа 1922 г. // *Собрание узаконений РСФСР*. 1922. № 49. Ст. 622.

⁹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли» от 6 февраля 1928 г. // *Собрание узаконений РСФСР*. 1928. № 22. Ст. 157.

¹⁰ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях» от 14 марта 1927 г. // *Собрание узаконений РСФСР*. 1927. № 51. Ст. 333.

¹¹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения о постоянных комиссиях (секциях) при районных и волостных исполнительных комитетах и сельских советах» от 21 марта 1927 г. // *Собрание узаконений РСФСР*. 1927. № 39. Ст. 250.

¹² Постановление Президиума ЦИК СССР «Основные положения об организации в Союзе ССР городских советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» от 8 февраля 1928 г. // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1928. № 36.

¹³ Постановление Наркомфина СССР «Общие правила финансового контроля» от 21 декабря 1923 г. // *Собрание узаконений РСФСР*. 1924. № 21. Ст. 210; Постановление СНК СССР «О реорганизации финансового контроля» от 16 ноября 1926 г. // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1926. № 285.

¹⁴ Декрет СНК РСФСР «Об утверждении контроля в учреждениях Народного Комиссариата Финансов» от 19 июля 1921 г. // *Собрание узаконений РСФСР*. 1921. № 56. Ст. 349.

териальных ценностей бюджетных учреждений. К 1929 г. начали организовываться постоянные комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу¹⁵. На данные комиссии возлагалась задача по осуществлению общественного контроля над работой кредитных и других учреждений по обслуживанию держателей займов и вкладчиков сберегательных касс.

Тем не менее отмечались отдельные недостатки народного контроля в финансовой сфере. Так, в данной контрольной деятельности в реальности принимало участие не более четверти из числа зарегистрированных общественных инспекторов, а сама правовая деятельность с участием контрольных постов признавалась недостаточно результативной. Причинами такого состояния финансового народного контроля назывались: низкая квалификация ревизорских кадров, игнорирование причин и условий выявленных правонарушений, наличие фактов укрывательства¹⁶.

Третий этап (1930-е гг.)

5 октября 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР издадут Постановление «Об утверждении Положения о бытовых секциях при городских и сельских советах»¹⁷. Задачи бытовых секций были достаточно обширными. Это, например, наблюдение за соблюдением общих гигиенических условий и общемедицинских правил при строительстве рабочих поселков возле крупных промышленных предприятий; контроль в отношении функционирования общественных столовых, яслей, детских садов, механических прачечных в пределах рабочих и иных промышленных поселков. В рамках своей работы бытовые секции собирали и в обобщенном виде направляли в уполномоченные органы выявленные недостатки и предложения по их устранению.

В целях привлечения широких масс трудящихся к активному участию в работе органов милиции и уголовного розыска по борьбе с нарушениями общественного порядка, хулиганством, шинкарством также принимались соответствующие правовые акты¹⁸. Были созданы добровольные общества содействия органам

милиции и уголовного розыска в городах, рабочих поселках и сельских поселениях, которые принимали участие в охране общественного порядка, а также контроле за работой местных советов в части обеспечения правопорядка на своей территории.

В дальнейшем добровольные общества содействия органам милиции и уголовного розыска были реорганизованы в бригады содействия милиции¹⁹. Заметим, что подобная форма участия граждан в охране общественного порядка просуществовала вплоть до конца 50-х гг., когда на смену бригадам содействия милиции пришли добровольные народные дружины по охране общественного порядка.

При органах власти с начала 1930-х гг. продолжали создаваться различные общественные институты, например, ревизионные комиссии при горсоветах. Они являлись органами общественного контроля над финансово-хозяйственной деятельностью исполнительных органов городов, не являющихся административными центрами, а также рабочих, курортных и дачных поселков. Основной задачей ревизионных комиссий являлась проверка финансово-хозяйственной деятельности исполнительных органов горсовета, в том числе его президиума, отделов, а также городских частей отделений райисполкомов и состоящих в ведении горсовета учреждений и предприятий²⁰.

Также советский законодатель нормировал возможность участия в контрольной деятельности и депутатского корпуса, который наделялся правом осуществлять общественный контроль в отношении учреждений, проводящих культурно-бытовое обслуживание рабочих предприятий²¹. Заметим, что подобная форма народного контроля была модернизирована в 70-х гг. и продолжала действовать в дальнейшем.

В этот период, как и в 20-х гг., продолжилась работа по созданию и деятельности сельскохозяйственных секций, которые осуществляли народный контроль в сфере сельского хозяйства. В сельской местности образовывались народные ревизионные комиссии, осуществляющие контроль в отношении хозяйственно-финансовой деятельности сельских советов и подведомственных им учреждений и предприятий²².

¹⁵ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Положение о постоянных комиссиях содействия государственному кредиту и сберегательному делу» от 26 августа 1929 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 65. Ст. 645.

¹⁶ Крынская Б. Финансовый контроль и финансовая дисциплина // Советское государство. 1938. № 3. С. 97–98.

¹⁷ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения о бытовых секциях при городских и сельских советах» от 5 октября 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 53. Ст. 643.

¹⁸ Постановление СНК РСФСР «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» от 25 мая 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 25. Ст. 324.

¹⁹ Постановление СНК РСФСР «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска» от 29 апреля 1932 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1932. № 38. Ст. 173.

²⁰ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения о ревизионных комиссиях при горсоветах» от 20 февраля 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 11. Ст. 136.

²¹ Постановление ВЦИК РСФСР «Об утверждении Положения о городских советах» от 20 января 1933 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1933. № 29. Ст. 103.

²² Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об утверждении Положения о ревизионных комиссиях при

Так, создавались сельскохозяйственные секции полеводства, животноводства, огородничества, семеноводства и др. Основными методами, применяемыми данными отраслевыми секциями, являлись: ежемесячные заседания; контроль и проверка работы колхозов, ферм, скотных дворов; заслушивание докладов председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами, агрономов, зоотехников; подготовка к пленумам сельсоветов важнейших вопросов сельского хозяйства; образование бригад для обследования отдельных объектов²³.

С принятием Конституции СССР в 1936 г.²⁴ институт народного контроля укрепился посредством гарантирования права на общественные организации. К общественным организациям были отнесены: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические, научные общества.

В конце 30-х гг. народный контроль осуществлялся в налоговой сфере. Здесь на граждан могли возлагаться полномочия помощника налогового инспектора. Помощник, например, осуществлял проверку правильности исчисления и своевременности перечисления в бюджет платежей по подоходному налогу и сбору на нужды жилищного и культурно-бытового строительства с рабочих и служащих на отдельных предприятиях, в учреждениях и организациях²⁵.

В итоге при формировании и развитии института народного контроля в первые годы становления советской власти можно обозначить следующие особенности:

1. В рассматриваемый период отсутствовало кодифицированное законодательство в области народного контроля. Законодательство СССР в основном закрепляло общие принципы и направления осуществления народного контроля. ВЦИК и СНК РСФСР в своих нормативных правовых установлениях фрагментарно устанавливали порядок осуществления института народного контроля. В отдельных случаях вопросы общественного (народного) присутствия в работе хозяйственных учреждений и предприятий обсуждались на местном уровне, в т.ч. с учетом национальных традиций, состояния кадрового ресурса, уровня социально-экономического развития и прочих объективных осо-

бенностей развития регионов и муниципальных образований.

2. В рамках законодательства в этот период практически не использовался термин «общественный контроль». Основными юридическими дефинициями выступали: «рабоче-крестьянский контроль», «пролетарский контроль», «народный контроль», «рабочий контроль».

3. Народный контроль преимущественно осуществляли такие коллективные субъекты как рабочие, казачество, молодежь, депутатский корпус, трудовая интеллигенция, в некоторых случаях сельское население. Это в основном активная часть социалистического общества, включенность которой в формирование нового правового порядка и правовой системы в свою очередь было крайне необходимым и перспективным.

4. Объектом народного контроля выступали главным образом исполнительные органы власти первичного звена, хозяйственные, коммунальные, кредитные учреждения, бюджетные предприятия, а также городские и сельские советы. Предметом воздействия являлся общественный порядок, строительные и сельскохозяйственные работы, распределение материальных средств, надлежащее оказание услуг населению, исполнение доходной и расходной части бюджетов организаций и пр.

5. Основными правовыми средствами народного контроля выступали: наблюдение и выявление нарушений в ходе строительной и иной хозяйственной деятельности, сбор и проверка материалов и сведений о деятельности советов, учреждений и пр., заслушивание отчетов о работе должностных лиц, подготовка вопросов должностным лицам, обращение в вышестоящие исполнительные органы. Применялось также: составление отчетов (протоколов) проверки, участие в охране общественного порядка, доведение конфиденциальной информации до органов власти и др.

6. Системность и значительная масштабность народного контроля обеспечивалась стремлением граждан участвовать в механизмах устанавливаемой социалистической демократии, в работе предприятий и учреждений, внесения своего вклада в повышение их эффективности. Это также подкреплялось молодым пролетарским правосознанием, сопряженным с чувством долга и ответственности за достижения и результаты свершившейся в 1917 г. революции.

7. На пути эффективной реализации народного контроля выступали отдельные препятствия: необоснованные репрессии, групповые судебные процессы, низкий уровень образования граждан, факты прямого укрывательства нарушений. Свои коррективы вносили последствия коллективизации и индустриализации, которые при действительно положительном производственном и экономическом эффекте

сельских советах» от 10 мая 1935 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1935. № 16. Ст. 162.

²³ Тихонов А. Сельскохозяйственные секции сельсоветов // Советское государство. 1938. № 1. С. 170–171.

²⁴ Конституция (Основной Закон) СССР: утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

²⁵ Постановление СНК СССР «Об утверждении Положения о налоговых инспекторах и налоговых ревизорах» от 29 апреля 1937 г. № 697 // Собрание законодательства СССР. 1937. № 30. Ст. 122.

тем не менее «тормозили» процесс включения граждан в общественно-политическую и правовую жизнь нового государства и общества.

В итоге народный контроль являлся эффективным способом вовлечения граждан в организационно-управленческие механизмы, позволяя выявлять просчеты в деятельности органов и учреждений, способствовал формированию

трудовой дисциплины и законности в социалистической модели управления. Появление института народного контроля, наряду с иными нововведениями в правовой жизни молодого социалистического государства, позволило обеспечить стабильное и поступательное социально-политическое развитие общества и жизни советских граждан.

Литература

1. Аверьев В. Перестройка местных органов власти в связи с принятием Конституции 1918 г. / В. Аверьев // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 97–113.
2. Исаев И.А. Историческая школа права и революция / И.А. Исаев // История государства и права. 2017. № 11. С. 3–7.
3. Крынская Б. Финансовый контроль и финансовая дисциплина / Б. Крынская // Советское государство. 1938. № 3. С. 93–101.
4. Смыкалин А.С. Советские профсоюзы в 1920-е гг. / А.С. Смыкалин // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 1 (91). С. 37–40.
5. Тихонов А. Сельскохозяйственные секции сельсоветов / А. Тихонов // Советское государство. 1938. № 1. С. 170–180.

References

1. Averyev V. Perestrojka mestnykh organov vlasti v svyazi s prinyatiem Konstitutsii 1918 g. [Restructuring of Local Government Authorities due to Adoption of the Constitution of 1918] // Sovetskoe gosudarstvo — Soviet State. 1937. № 3–4. P. 97–113.
2. Isaev I.A. Istoricheskaya shkola prava i revolyutsiya [Historical School of Law and Revolution] // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 11. P. 3–7.
3. Krynskaya B. Finansovyy kontrol' i finansovaya distsiplina [Financial Control and Financial Discipline] // Sovetskoe gosudarstvo — Soviet State. 1938. № 3. P. 93–101.
4. Smykalin A.S. Sovetskie profsoyuzy v 1920-e gg. [Soviet Labor Unions in the 1920's] // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka — Russian Law: Education, Practice, Science. 2016. № 1 (91). P. 37–40.
5. Tikhonov A. Sel'skokhozyajstvennyye sektsii sel'sovetov [Agricultural Divisions of Rural Councils] // Sovetskoe gosudarstvo — Soviet State. 1938. № 1. P. 170–180.

Роль прокурорских органов в защите прав крестьян (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.)

Кулачков Вадим Витальевич,

доцент кафедры философии, истории и социологии

Брянского государственного инженерно-технологического университета,

кандидат исторических наук, бакалавр юриспруденции

vad2517@yandex.ru

В данной статье рассматривается роль прокурорских органов в защите прав крестьян Брянской губернии 1920-х гг. Работниками прокурорского ведомства проводилась деятельность, связанная с общим надзором за соблюдением законности, они должным образом реагировали на содержание газетных заметок рабочих и сельских корреспондентов. При этом проводилась системная работа, связанная с пропагандой юридических знаний, осуществлялись регулярные проверки деятельности советских органов власти и жалоб населения. Однако к концу 1920-х гг. в деятельности прокуратуры все более стали доминировать вопросы, связанные с решением политических и идеологических задач, что было связано с усилением тоталитарных тенденций в деятельности пролетарского государства.

Ключевые слова: прокуратура, крестьянство, Брянская губерния, новая экономическая политика, правовая культура, законность.

Role of Prosecutorial Bodies in Protection of Peasant's Rights (Based on Files of the Bryansk Governorate in the 1920's)

Kulachkov Vadim V.

Assistant Professor of the Department of Philosophy History and Sociology of the Bryansk State Technological University of Engineering, Candidate of Historical Sciences

Bachelor of Jurisprudence

This article examines the role of the Prosecutor in protecting the rights of peasants in Bryansk province the 1920s, Employees of the Prosecutor's office conducted activities related to General supervision of compliance with the law-in particular, they properly respond to the content of newspaper articles RA-working and rural correspondents. This was done by systematic work related to propaganda legal knowledge, carried out regular inspections of the activities of Soviet bodies and public complaints. However, by the end of the 1920s. in the activities of prosecutors increasingly began to dominate the issues related with political and ideological objectives, which was associated with the strengthening of authoritarian tendencies in the activities of the proletarian state.

Key words: the Prosecutor's office, peasantry, Bryansk province, the new economic policy, legal culture, legality.

К одной из основных задач прокурорских органов относится активная защита интересов личности, общества и государства. В эпоху 1920-х гг., вошедших в историю как период новой экономической политики, прокуратура играла одну из главных ролей в защите прав и законных интересов граждан. Так, И.А. Гридунова обоснованно считает, что «единственным, если не считать рабоче-крестьянской инспекции, органом, защищающим права граждан, являлась прокуратура»¹. В изучаемый период большинство населения

Брянской губернии составляли крестьяне, поэтому основные усилия прокурорских работников в правозащитном смысле были связаны с этой категорией населения. Целью данной статьи является изучение роли прокурорских органов в защите прав крестьян Брянской губернии 1920-х гг.

Современные исследователи отмечают важное значение прокурорского ведомства в защите прав и законных интересов граждан. В частности, А.В. Беляков на основе анализа регио-

¹ Гридунова И.А. Роль прокурорского надзора в защите прав граждан от произвола властей в 1920-е гг.

(на материалах Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–3. С. 77.

нальных материалов приходит к выводу, что «прокуратура Нижегородской губернии только за второе полугодие 1925 г. провела более 400 обследований деятельности советского аппарата в сельской местности»². С.А. Летнев в результате изучения роли прокурорских органов в советском избирательном процессе резюмировал, что происходило усиление роли прокуратуры в процессе волеизъявления граждан³. По мнению Г.Т. Камаловой, в деятельности советской прокуратуры изучаемого периода преобладал общий надзор за соблюдением законности, что выражалось «в просмотре распоряжений и постановлений советских и административных органов, обследовании советских учреждений и органов охраны правопорядка, рассмотрении жалоб трудящихся, газетных заметок»⁴.

Активную исследовательскую позицию по изучению деятельности органов прокуратуры занимает А.В. Крыжан, которая объективно оценивает ее достижения и просчеты⁵. Она приходит к выводу, что «с момента своего возникновения прокуратура приняла ориентацию на обеспечение прав и интересов трудящихся, сохраняя импульс правоохранительной деятельности, заданный Наркомюстом в первые пять лет после революции.... Однако уже к началу 30-х годов властные тенденции начали приобретать более четкие контуры, что привело к окончательной политизации прокуратуры и обретению ею статуса репрессивного органа»⁶.

² Беляков А.В. Прокуратура РСФСР в борьбе за законность в деятельности местных органов власти и управления в 1920-е годы (по материалам Нижегородской губернии) // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Нижний Новгород, 2016. С. 362.

³ Летнев С.А. «Оживление советов»: рост значения органов прокуратуры в советском избирательном процессе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2010. № 7–9. С. 299–303.

⁴ Камалова Г.Т. Функции советской прокуратуры в период ее становления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 7. С. 92.

⁵ Крыжан А.В. Борьба местных советских прокуроров за соблюдение законных прав граждан в конце 20-х — начале 30-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3 (31). С. 28–34; Её же. Советская прокуратура в социально-политической повседневности 20–30-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2–1. С. 95–98.

⁶ Крыжан А.В. Советская прокуратура в социально-политической повседневности 20–30-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2–1. С. 98.

Мнение А.В. Крыжан об усилении репрессивной составляющей в деятельности прокуратуры поддерживает И.А. Гридунова. Она справедливо считает, что «к концу 1920-х гг. произошли существенные изменения как в экономическом, так и в политическом курсе страны. Все чаще не закон, а волевые решения и указания высшего руководства начинают определять развитие общества. Прокуратура являлась элементом пролетарского государства, тоталитарной, идеологической системы, выполняла ту роль и те функции, которые определялись самой системой. К концу 1920-х гг. она лишилась возможности эффективно отстаивать права граждан»⁷. Таким образом, деятельность прокуратуры достаточно активно изучается, но остаются пробелы в плане региональной специфики данной темы.

Прокурорские работники в 1920-е гг. активно использовали в своей борьбе с нарушениями законности информацию из газетных заметок рабочих и сельских корреспондентов. Эти заметки рассматривали злободневные проблемы, характерные для того времени — спекуляцию, взяточничество, бюрократизм, растраты и хищения денежных средств и т.д. При этом должная прокурорская реакция на их содержание способствовала повышению правового сознания населения.

В материалах Государственного архива Брянской области отложилась переписка с редакциями газет «Брянский рабочий» и «Наша деревня» за 1927–1928 гг. Так, например, в газете «Наша деревня» от 5 октября 1927 г. под № 73 была опубликована заметка «Рука руку моет», в которой рассказывалось об использовании служебного положения в личных целях одним из работников сельского совета. Иначе говоря, сотрудник Сельцовского сельского совета Артюхов, пользуясь покровительством своего двоюродного брата, члена Дубровского волостного исполнительного комитета Степных, брал с крестьян взятки. Сначала речь шла о сумме 120 руб., по сути, за махинации с землей, потом Артюхов смог получить от крестьян еще 160 руб. за оплату судебной тяжбы. В итоге крестьяне были обмануты, и многочисленные жалобы в вышестоящие структуры не помогли⁸.

Свою правозащитную роль здесь сыграли прокурорские органы, что подтверждает ответ помощника прокурора Брянской губернии Курникова. В письме от 20 апреля 1928 г. на имя губернского прокурора и в редакцию газеты «Наша деревня» он сообщал, что «народным следователем 5 участка Бежицкого уезда было вынесено постановление о прекращении дозна-

⁷ Гридунова И.А. Роль прокурорского надзора в защите прав граждан от произвола властей в 1920-е гг. (на материалах Алтая) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–3. С. 77.

⁸ ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 271. Оп. 2. Д. 427. Л. 101.

ния, возникшего по заметкам «Среди друзей и родственников» и «Рука руку моет». С данным постановлением я не согласен, и мной 3 апреля этого года направлено ходатайство об отмене данного постановления и направлении его для исследования»⁹. К сожалению, больше в архивном материале не удалось найти информации о дальнейшем движении по делу, но отрадно, что прокуратура не осталась в стороне и проявила себя как государственный орган, действительно стоящий на страже закона.

Кроме того, прокурорские работники осуществляли активную деятельность, направленную на повышение правового сознания крестьян. В частности, применялись следующие формы и методы работы: «постановка докладов на правовые темы, проведение бесед и вечеров вопросов и ответов; расширение оказания юридической помощи населению, особенно в деревне; усиление работы с народными заседателями, общественными обвинителями и членами административно-правовых секций по ознакомлению их с основами советского законодательства; постановка отчетных докладов о работе суда (с содокладами народных заседателей), прокуратуры и следователей; освещение работы органов юстиции в печати; привлечение для работы по пропаганде права работников других ведомств... устройство показательных процессов»¹⁰.

При этом в циркулярах прокурорского ведомства красной нитью прослеживается мысль о системности и плановости в работе по повышению правовой культуры населения. Так, в переписке прокурора Брянской губернии с губернским судом за 1928 г. отмечается, что «необходимо вести наблюдение за работой юридических консультаций при Домах крестьянина, производить в плановом порядке обследования»¹¹.

Весьма актуальной для 1920-х гг. была и проблема слабой эффективности местных органов власти. Так, по мнению А.В. Белякова, «организация и деятельность органов власти на местах имела проблемы в качественном составе, малограмотности, профессиональной необученности. Многие покоились на традиции. Не последнюю роль играл и личный имущественный интерес. В рассмотрении подобных вопросов значительна роль прокуратуры»¹².

В связи с этим прокурорские работники осуществляли систематические проверки деятель-

ности советских органов власти. В частности, в акте ревизии деятельности участкового помощника прокурора по Стародубскому уезду за период с 1 января по 1 сентября 1928 г., произведенной заместителем прокурора Брянской губернии Рудаковым 14–18 сентября 1928 г., указывается, что «при выездах в деревню было произведено обследований: ВИК — 4; ВЗК — 4; сельсоветов — 42; волостных милиций — 2. Сделано докладов на собраниях крестьян — 39, на заседаниях ВИК и волостных комитетов — 6. Из них: на правовые темы — 26, отчетных — 11, по борьбе с преступностью — 8. При выездах принято 117 жалоб...»¹³. В других регионах нашей страны прокуратура также активно работала. Так, по данным Г.Т. Камаловой, «только за второе полугодие 1926 г. прокуратурой Уральской области было проведено 1281 обследование»¹⁴.

Следующим направлением деятельности прокуратуры была проверка жалоб населения, в которых затрагивались самые разные вопросы. Будет уместным привести в тексте данной статьи выдержку из одной из крестьянских жалоб, которую опубликовала в своей работе А.В. Крыжан. Она отмечает, что «простые крестьяне при написании жалоб были не менее эмоциональны, чем партийные идеологи, сопровождая свои претензии пассажами, скажем, такого рода: «Я состоял секретарем деревенского Комбеда и, несмотря на свое сейчас состояние здоровья как физического так и душевного, я был стойкий за бедный и голодный народ и вообще работал в интересах нашего революционно-го Правительства»¹⁵.

Исследователь Г.Т. Камалова также отмечает, что основную массу жалобщиков составляли крестьяне, т.к. к концу 1920-х нарастали тенденции роста произвола и насилия в деревне. Она обоснованно считает, что «органами прокурорского надзора после расследования жалоб принимались конкретные меры. Из общего количества жалоб, принятых прокуратурой РСФСР от крестьян, в первом полугодии 1926 г. удовлетворено 78,1%, а во втором полугодии 1926 г. — 85,4%»¹⁶.

Таким образом, прокурорские органы в 1920-е гг. играли важную роль в защите прав и

⁹ ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 427. Л. 106.

¹⁰ ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 192. Л. 11–12.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Беляков А.В. Прокуратура РСФСР в борьбе за законность в деятельности местных органов власти и управления в 1920-е годы (по материалам Нижегородской губернии) // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Нижний Новгород, 2016. С. 368.

¹³ ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 436. Л. 2, 7.

¹⁴ Камалова Г.Т. Функции советской прокуратуры в период ее становления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 7. С. 93–94.

¹⁵ Крыжан А.В. Обыватель и советская юстиция: из опыта использования политической демагогии в повседневном общении с властью (Курская губерния, 1920-е гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 34. С. 39.

¹⁶ Камалова Г.Т. Функции советской прокуратуры в период ее становления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 7. С. 95.

законных интересов граждан. Работники прокуратуры прилагали значительные усилия, которые были направлены на защиту прав крестьян. С этой целью они реагировали на газетные заметки рабочих и сельских корреспондентов. При этом проводилась системная работа, связанная с пропагандой юридических знаний, осу-

ществлялись регулярные проверки деятельности советских органов власти и жалоб населения. Однако к концу 1920-х гг. в деятельности прокуратуры стало акцентироваться внимание на решении политических и идеологических задач, что было связано с усилением тоталитарных тенденций в деятельности пролетарского государства.

Литература

1. Беляков А.В. Прокуратура РСФСР в борьбе за законность в деятельности местных органов власти и управления в 1920-е годы (по материалам Нижегородской губернии) / А.В. Беляков // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Нижний Новгород, 2016. С. 358–368.
2. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 271. Оп. 2. Д. 192.
3. ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 427.
4. ГАБО. Ф. 271. Оп. 2. Д. 436.
5. Гридунова И.А. Роль прокурорского надзора в защите прав граждан от произвола властей в 1920-е гг. (на материалах Алтая) / И.А. Гридунова // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–3. С. 74–77.
6. Камалова Г.Т. Функции советской прокуратуры в период ее становления // Вестник Челябинского государственного университета / Г.Т. Камалова. Серия: Право. 2007. № 7. С. 91–99.
7. Крыжан А.В. Борьба местных советских прокуроров за соблюдение законных прав граждан в конце 20-х — начале 30-х гг. / А.В. Крыжан // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3 (31). С. 28–34.
8. Крыжан А.В. Советская прокуратура в социально-политической повседневности 20–30-х гг. XX в. / А.В. Крыжан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2–1. С. 95–98.
9. Крыжан А.В. Обыватель и советская юстиция: из опыта использования политической демагогии в повседневном общении с властью (Курская губерния, 1920-е гг.) / А.В. Крыжан // Новый исторический вестник. 2012. № 34. С. 38–47.
10. Летнев С.А. «Оживление советов»: рост значения органов прокуратуры в советском избирательном процессе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2010. № 7–9. С. 299–303.

References

1. Belyakov A.V. Prokuratura RSFSR v bor'be za zakonnost' v deyatel'nosti mestnykh organov vlasti i upravleniya v 1920-e gody (po materialam Nizhegorodskoj gubernii) [Prosecutor's Office of RSFSR in Fight for Legality of Activities of Local Government and Administration Bodies in the 1920's (Based on Files of the Nizhny Novgorod Governorate)] // Narod i vlast': vzaimodejstvie v istorii i sovremennosti. Nauchnyj ezhegodnik fakul'teta prava Nizhegorodskogo filiala Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki». Nizhny Novgorod — People and Power: Interaction in History and the Modern Time. Scientific yearbook of the Law Faculty of the Nizhny Novgorod branch of the National Research University "Higher School of Economics". Nizhny Novgorod, 2016. S. 358–368.
2. Gosudarstvennyj arkhiv Bryanskoy oblasti (GABO) [State Archive of the Bryansk region]. Corpus 271. List 2. File 192.
3. GABO [State Archive of the Bryansk region]. Corpus 271. Inventory 2. File 427.
4. GABO [State Archive of the Bryansk region]. Corpus 271. Inventory 2. File 436.
5. Gridunova I.A. Rol' prokurorskogo nadzora v zashchite prav grazhdan ot proizvola vlastej v 1920-e gg. (na materialakh Altaya) [Role of Prosecutorial Supervision in Protection of Civil Rights from Arbitrary Rule in the 1920's (Based on Files of the Altai Territory)] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta — News of the Altai State University. 2008. 3 4–3. S. 74–77.
6. Kamalova G.T. Funktsii sovetskoj prokuratury v period ee stanovleniya [Functions of Soviet Literature in Its Establishment Period] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo — Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2007. № 7. S. 91–99.
7. Kryzhan A.V. Bor'ba mestnykh sovetskikh prokurorov za soblyudenie zakonnykh prav grazhdan v kontse 20-kh — nachale 30-kh gg. [Struggle of Local Soviet Prosecutors for the Observance of Legal Civil Rights in Late the 1920's — Early 1930's] // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta — Scholarly Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University. 2014. № 3 (31). S. 28–34.
8. Kryzhan A.V. Sovetskaya prokuratura v sotsial'no-politicheskoj povsednevnosti 20–30-kh gg. XX v. [Soviet Prosecutor's Office in Sociopolitical Everyday Life of the 1920's to 1930's] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. 2013. № 2–1. S. 95–98.
9. Kryzhan A.V. Obyvatel' i sovetskaya yustitsiya: iz opyta ispol'zovaniya politicheskoj demagogii v povsednevnom obshchenii s vlast'yu (Kurskaya guberniya, 1920-e gg.) [Common Men and Soviet Justice: from Experience of Using Political Demagoguery in Everyday Communications with Authorities (Kursk Governorate, 1920s)] // Novyj istoricheskij vestnik — New Historical Bulletin. 2012. № 34, S. 38–47.
10. Letnev S.A. «Ozhivlenie sovetov»: rost znacheniya organov prokuratury v sovetskom izbiratel'nom protsesse [Council Revival: Growth of Significance of Prosecution Authorities in Soviet Electoral Procedure] // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo — Issues of Modern Science and Practice. V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 2010. № 7–9. S. 299–303.

Кампания по борьбе с авариями и крушениями на транспорте в 1930-е гг.

Шкаревский Денис Николаевич,
доцент института государства и права
Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
shkarden@mail.ru

В течение 1930-х гг. вновь созданными органами транспортной юстиции (ТЮ) был проведен ряд уголовно-правовых кампаний. Одной из таких кампаний являлась кампания по борьбе с крушениями и авариями. На протяжении 1930-х гг. кампания проводилась с разной степенью интенсивности. В ходе кампании органы ТЮ неоднократно критиковались за ее некачественное проведение, и, вероятно, перед руководством стоял вопрос об их ликвидации или преобразовании. Несмотря на все усилия, предпринимаемые органами ТЮ по искоренению данного вида правонарушений, вероятно, достичь положительных результатов не удалось.

Ключевые слова: транспортная юстиция, уголовно-правовые кампании на транспорте.

Campaign against Transport Accidents and Incidents in 1930's

Shkarevsky Denis N.
Assistant Professor of the Institute of State and Law of the Surgut State University
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor

During the 1930s, newly established bodies of transport justice (TU), a number of criminal legal campaigns were carried out. One such campaign was a campaign to combat crashes. During the 1930s, the campaign was conducted with varying degrees of intensity. In the course of the campaign, TU bodies were repeatedly criticized for its poor quality conduct and, probably, the leadership faced the issue of their liquidation or transformation. Despite all the efforts made by the bodies of the TU to eradicate this type of offense, it was probably not possible to achieve a positive result.

Key words: transport justice, criminal legal campaigns on transport.

Органы ТЮ были созданы в начале 1930-х гг. для борьбы с преступлениями на транспорте¹. Однако вопрос о борьбе с крушениями и авариями на транспорте был поставлен еще в июле 1930 г., т.е. до создания органов ТЮ². К примеру, отмечалось что «Крушения, столкновения поездов ... значительно увеличились по сравнению с тем, что было полтора-два года тому назад»³.

¹ См. подробнее: Козинцев А.Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX века // Транспортное право. 2007. № 4. С. 38–40; Шкаревский Д.Н. О некоторых причинах создания органов ТЮ в СССР в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 23. С. 16–19.

² См.: О борьбе с крушениями на железнодорожном транспорте: циркуляр НКЮ № 83 от 9 июля 1930 г. // Советская юстиция (СЮ). 1930. № 19. С. 4; Глузман А. Суды должны повернуться лицом к транспорту // СЮ. 1930. № 20. С. 10.

³ А.Б. Прорывы на транспорте по судебным материалам // СЮ. 1931. № 1. С. 17–18.

К крушениям относили «катастрофы, в результате которых последовали уничтожения или повреждения поездных составов. Случаи сходжений с рельсов, не повлекшие этих последствий, сюда не включаются. Таким образом, под крушения мы подводим лишь катастрофы крупные... Денежное выражение последствий этих крушений составляет больше миллиона рублей»⁴.

Кампания проводилась характерными для 1930-х гг. методами. К примеру, Г. Сегал в письме от ноября 1933 г. требовал до 5 декабря 1933 г. «провести ... ряд показательных процессов над виновниками невыполнения сигналов и неисправного содержания»⁵. Однако это не помогло: важных происшествий в октябре 1932 г. насчитывалось 4 535, в октябре 1933 г. — 4 885 (рост на 7,5%). Несмотря на это, в 1933 г. количество

⁴ Померанцев В. Преступления на транспорте // СЮ. 1931. № 15. С. 6.

⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д. 105. Л. 88.

осужденных поквартально снижалось: «в 1 кв. 1933 г. — 2 227 чел.; в 3 кв. — 1 814 чел. Из них к лишению свободы от 3 лет и выше приговорено 13–14% осужденных; к лишению свободы до 3 лет в 1 квартале — 20,1%, во 2 квартале — 14,9%, в 3 квартале — 11,8%⁶. При этом «за счет снижения примененные лишения свободы до 3 лет выросло применение принудительных работ: в 1 кв. — 47,1%, в 3 кв. — 55,4%. Причем применение принудработ сопровождалось лишением права занимать на транспорте должности, связанные с безопасностью движения»⁷. Связано это было с предложением Верховного суда (ВС) и Прокуратуры, которые также запретили рассматривать дела о крушениях в народных судах⁸.

В итоге деятельность органов ТЮ при проведении этой кампании в начале 1930-х гг. была оценена неудовлетворительно: «...отсталые представители транспортников встречали приговоры линсуда проявлением хвостистских настроений («суд судит жестоко», «суд не щадит рабочих» и т.п.). В деятельности линсуда и ... транспортной прокуратуры не было достаточной инициативы... удар был направлен исключительно на преступления в области движения и мало затронул самый аппарат управления не транспорте. ... Не был нанесен удар против сопротивления аппарата, которое, безусловно, имеет место»⁹.

В 1934 г. Г. Сегал также раскритиковал данную кампанию за поверхностность борьбы с крушениями (привлечение только непосредственных виновников к ответственности без привлечения руководства) и «за отсутствие четкости в нанесении ударов, распыленность и массовость репрессии»¹⁰. Одновременно с такой критикой для стимулирования работников ТЮ объявлялись благодарности за хорошо подготовленные процессы по делам о крушениях. Например, работники органов ТЮ получили благодарности в октябре 1933 г. за подготовку процессов по ряду дел¹¹.

Однако в целом ситуация с авариями на ж.д. кардинально не менялась. В приказе по транспортной прокуратуре (ТП), который был озаглавлен «Катастрофическое положение с крушениями и авариями» от 25 февраля 1935 г. отмечались следующие обстоятельства: «а) борьба транспортных прокуратур с крушениями и авариями до сих пор идет в порядке самотека. Реагирование со стороны органов прокуратуры вызывают лишь крупные аварии и

крушения. До сих пор имеют место случаи направления отдельных дел о хищениях и авариях в нарсуды, несмотря на прямое запрещение... б) прокуроры не проявляют должной оперативности в борьбе с крушениями и авариями, полагаются на органы ГУГБ, некоторые прокуроры не выезжают даже на крупные аварии; в) сроки следствия по делам о крушениях остаются безобразными. За декабрь — 435 дел расследовались в срок свыше 10 дн.; г) качество следствия по делам о крушениях находится на особенно низком уровне. Протоколы допросов и обвинительные заключения — поверхностны, технические заключения — неграмотны. Отсутствуют формулировки обвинения в отношении каждого из привлеченных к ответственности в отдельности; неточно выясняется социальное и производственное положение привлеченного; д) процессы в линсудах по основной массе дел о крушениях не подготавливаются в массах, проводятся в пустых залах, наспех, без мобилизации внимания железнодорожников к выносимым приговорам. Дела о крушениях не выдвигаются в особую очередь...»¹².

После назначения Наркомом путей сообщения Л. Кагановича и издания им 19 марта 1935 г. приказа «О борьбе с крушениями и авариями» репрессии в отношении железнодорожников усилились не сразу. Например, отмечалось, что «...ряд прокуратур... дорог не поняли приказа наркома как следует. Мы иногда понимаем приказ ... как директиву о полном отказе от судебных репрессий по делам о крушениях на транспорте...»¹³. В ходе майского (1935 г.) совещания сотрудников ТП и линсудов кампания по борьбе с крушениями и авариями была охарактеризована как «выполняющаяся так же формально, так же бюрократически, как работали сами органы управления транспортом ... Дисциплинарные взыскания и судебные приговоры ... стали обыденным явлением, ... потеряли в значительной степени свою силу. ... Результат такой практики ... охарактеризован в приказе т. Л. Кагановича: “Прокуроры обвиняют, суды судят, а число крушений растет”»¹⁴.

В 1935 г. вскрылись неприглядные факты. В одной из директив Главной транспортной прокуратуры (ГТП) отмечалось, что «Путевые работники (обходчики, стрелочники) в целях получения вознаграждения за якобы предотвращенное крушение кладут на рельсы шпалы и др. предметы, а затем сами их убирают». Было приказано «квалифицировать эти действия по ст.ст. 59-3-в УК РСФСР»¹⁵. Аналогич-

⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 21и. Л. 139.

⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 21и. Л. 139.

⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 2. Л. 3.

⁹ Померанцев В. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Сегал Г. Осенне-зимние перевозки и задачи транспортных органов юстиции // Социалистическая законность (СЗ). 1934. № 10. С. 3–5.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 8. Д. 157. Л. 29.

¹² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 8. Д. 157. Л. 5.

¹³ Элькинд Ю. Как перестроилась прокуратура МББ ж.д. в борьбе с крушениями // СЮ. 1935. № 29. С. 6.

¹⁴ Сегал Г. К итогам майского совещания судебно-прокурорских работников ж.д. транспорта // СЗ. 1935. № 7. С. 7–9.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 8. Д. 158. Л. 5.

ную директиву дала и Транспортная коллегия (ТК ВС СССР), которую возглавлял Ю. Межин. Отмечу, что в 1938 г. после репрессирования Ю. Межина и Г. Сегала данная директива была охарактеризована как «направленная к смазыванию к.р. характера этих вредительских преступлений». Зам. Наркома юстиции 27.3.1938 М. Грановский приказал «случаи умышленной порчи пути наложением на рельсы посторонних предметов, могущих вызвать крушение поездов ... квалифицировать по ст. 58-7 или 59-9 УК РСФСР. В остальных случаях суд должен руководствоваться ... точным смыслом ст. 59-3-в УК РСФСР»¹⁶.

Во второй половине 1930-х гг. проведение данной кампании активизировалось. В 1936 г. ТК ВС СССР рекомендовала линсудам прекратить практику применения *массовой судебной репрессии* по борьбе с крушениями, сосредоточить удар на главных виновниках крушений, применяя к ним, как правило, лишение свободы. Усилить меры борьбы с крушениями, сделать все процессы показательными, не допускать механического принятия дел о крушениях¹⁷. При этом на фоне снижения количества дел о крушениях (с 1 754 в 1 полугодии 1935 г. до 1 000 во 2 полугодии 1936 г.) резко выросла доля лиц, приговоренных к реальному лишению свободы: с 34,7% в 1 полугодии 1935 г., до 90,2% во 2 полугодии 1936 г., также резко выросли и сроки лишения свободы: если в 1 полугодии 1936 г. к 10 г. приговаривалось 1,2%, то во 2 полугодии 1936 г. — 13,8%¹⁸.

Также произошли изменения в процедуре расследования такого рода преступлений. Циркуляром от 5 апреля 1937 г. № 20/15 был ликвидирован порядок, при котором первоначальное расследование и составление акта о крушении производилось местной и дорожной комиссиями, состоящими из представителей служб. Эти действия были возложены на участкового ж.д. прокурора¹⁹.

Под данную категорию дел все чаще стали подводить к.р. составляющую, т.к. «выяснилось (по процессу Параллельного центра), что часть крушений и аварий явилась результатом к.р. вредительской работы». В результате ТК дала директиву «резко усилить судебную репрессию по делам о крушениях». К тому же была дана директива резко сократить сроки расследования и рассмотрения по этим делам. В результате за вторую половину ноября 1936 г. из 203 дел в срок до 10 дней судами было рассмотрено 194 дела. При этом ТК взяла под свой контроль

все дела о крушениях, получая ежедневные сводки от линсудов об этих делах²⁰.

В 1937 г. центральное руководство было явно недоволено деятельностью прокуроров дорог по расследованию аварий и крушений. В СМИ отмечалось, что прокуроры дорог несвоевременно или вовсе не выезжали к месту крушения; не изучали инструкции о новом порядке расследования крушений и приказ № 134/ц/468; бездействуют в вопросе комплектования кадров участковых прокуроров и следователей²¹. При этом отмечалось «непонимание некоторыми прокурорами районов всей важности и ответственности задач, возложенных на них» и «непринятие прокурорами ж.д. и участковыми прокурорами исчерпывающих мер к обеспечению выполнения приказа № 134/ц/468...»²². В августе 1938 г. появился приказ прокурора СССР, критиковавший работников ТП за затягивание расследования, поверхностное расследование «без привлечения компетентных экспертов — работников ж.д. транспорта, неправильное разрешение дел, несоставление актов первоначального расследования «за редким исключением»²³. Отмечалось, что суды не оценивают критически материалы предварительного следствия и выносят обвинительные приговоры «при недоследованном материале»; привлечение и осуждение лиц за нарушения, которые не «составляют уголовно-наказуемого деяния»²⁴.

В 1938 г. ограничиваются репрессии в рамках этой кампании. Работникам ТЮ напомнили о существовании примечания к ст. 6 УК РСФСР, «которое требует от нас не рассматривать как преступления действия, которые формально хотя и содержат в себе признаки преступления, но, в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий, не должны повлечь за собой уголовной ответственности»²⁵.

Вероятно, в связи с такой критикой прокуроры проявляли нежелание заниматься расследованием таких дел: «Если у прокурора на участке случилось крушение, виновники которого находятся здесь же, на его участке — в этих случаях он проявляет максимум энергии, чтобы провести следствие по делу как можно лучше, исследовать обстоятельно все детали, провести, если нужно, ряд экспертиз и т.д. Но если виновники крушения где-то далеко, на чужой дороге, или, например, на заводе, изготовившем вагонную ось ... то в этих случаях наблюдается

²⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 46, 45, 44.

²¹ Ба. О расследовании крушений // СЗ. 1937. № 10. С. 125–126.

²² Сб. приказов прокуратуры СССР / сост. Б. Солерс, Д. Орлов. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 43–44.

²³ Там же. С. 44–45.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 16. Д. 152. Л. 29.

²⁵ Шарлот С. Прокуратура ж.д. транспорта в борьбе с крушениями и авариями // СЗ. 1938. № 4. С. 21–25.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 141. Л. 165.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

¹⁹ Сборник приказов прокуратуры СССР / сост. Б. Солерс, Д. Орлов. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 160–161.

стремление как-нибудь поскорее оформить материал следствия и сплавить его прокурору другой дороги...»²⁶.

В 1939 г. по сравнению с 1938 г. число осужденных за крушения снизилось на 25% (2 025 против 2 700 осужденных). При этом отмечалось, что «часто линсуды относят аварии к крушениям и наоборот»²⁷. Если в 1938 г. основной причиной крушений были «прием и отправление на занятый путь», то в 1939 г. — «неисправность пути».

Подобная же кампания проводилась и на водном транспорте. В ходе одного из совещаний в мае 1935 г. было заявлено, что «впредь беспорядка, расхлябанности и разгильдяйства на водном транспорте партия и правительство терпеть не будут. Водники получили боевой приказ — навести порядок на водных путях...». Также было отмечено, что за аварийность и простои на водном транспорте должны отвечать и *руководители* водного транспорта. Критиковалась длительность следствия по этим делам (по 16% дел из числа направленных в суд, следствие производилось свыше месяца, а 25% дел отсеивались в распорядительных заседаниях). Обсуждалось поверхностное утверждение обвинительных заключений и материалов следствия и дознаний, отмечалось, что «по большинству дел об авариях прокуроры не участвуют в процессах»²⁸. В целом на водном транспорте наблюдалась похожая динамика, сходные проблемы и пути их решения²⁹. На водном транспорте в 1939 г. по сравнению с 1937 г. число работников, осужденных за аварии, снизилось вдвое³⁰. В 1939 г. существенно снизилась доля осужденных к лишению свободы свыше 3 лет — практически в 5 раз! Существенно выросла доля осужденных к ИТР и условно.

Следует отметить, что во второй половине 1930-х гг. появился новый вид преступлений — предотвращенные крушения. В 1939 г. число осужденных за предотвращенные крушения снизилось по сравнению с 1938 г. с 1 011 до 550. Также наблюдалась тенденция смягчения репрессивной политики по данному виду преступлений: снижение длительных сроков лишения свободы и увеличение доли ИТР.

В 1939 г. изменяется и практика ЖДК по делам данной категории, которая стала обращать внимание на четкое выяснение причин крушения и действительное влияние действий под-

судимого на факт крушения³¹. Таким образом, можно утверждать, что в 1938–1939 гг. произошло существенное смягчение карательной политики на транспорте по данной категории дел. Наблюдается «сворачивание» этой уголовно-правовой кампании.

Однако в сентябре 1939 г. Н. Рычков издал приказ 16/31с, отмечавший, что крушения продолжают оставаться бичом ж.д. транспорта» и что «некоторые линейные суды, *неправильно поняв указания о недопустимости необоснованного обвинения и осуждения честных производственников, сильно ослабили борьбу с крушениями и авариями* и допускают либеральное отношение к нарушителям ПТЭ ... Такая судебная практика не отвечает задачам борьбы с расхлябанностью»³².

В свою очередь в 1939 г. А. Вышинский отмечал: «Нет надлежащей борьбы с таким злом как аварии. Расследование дел об авариях ведется недопустимо медленными темпами... Нет необходимой борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, с дезорганизаторами, рвачами, хулиганами, вредителями всякого рода...». Он приказал: «Не ослабляя работы по окончательному выкорчевыванию остатков враждебных, вредительских элементов на водном транспорте, повести решительную борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, аварийщиками, расхитителями грузов, дезорганизаторами ... привлекая к строжайшей ответственности администрацию ...»³³. Также в сентябре 1939 г. прокуратура требовала «Усилить борьбу с крушениями и авариями». Причем в приказе отмечалось, что «Крушения и аварии устраивают враги народа»³⁴. Тем самым создавались предпосылки для новой репрессивной кампании.

Отмечу, что с декабря 1940 г. по Указу «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» разрешалось с 12-летнего возраста привлекать к судебной ответственности с применением всех мер уголовного наказания лиц, уличенных в совершении действий (развинчивании рельсов, подкладывании на рельсы разных предметов и т.п.), могущих вызвать крушение поездов³⁵. При этом работникам ТЮ приказывалось выявлять взрослых подстрекателей и организаторов преступлений несовершеннолетних. При рассмотрении этих дел в суде следовало руководствоваться указаниями ВС и Прокуратуры

²⁶ Батяев И. Заметки о расследовании дел о крушениях // СЗ. 1938. № 10. С. 70–71.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 16. Д. 152. Л. 17.

²⁸ Янский С. На борьбу с авариями и простоями на водном транспорте // СЗ. 1935. № 7. С. 10–13.

²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 17, 16; ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1 а. Д. 2 Л. 49, 52; ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 13; ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 12–9.

³⁰ Б.а. Задачи прокуратуры в навигацию 1940 г. // СЗ. 1940. № 4. С. 1–6.

³¹ Сб. постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР / под ред. И. Голякова. М.: Юр. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 128, 130.

³² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1 а. Д. 6. Л. 48.

³³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 16. Д. 2. Л. 141.

³⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 16. Д. 2. Л. 373.

³⁵ Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов: указ ПВС СССР от 10 декабря 1940 г. // Ведомости ВС СССР. 1940. № 52.

ры СССР от 21 июля 1935 г. за № 36/71 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», которые в т.ч. предусматривали и назначение вмсз (расстрела)³⁶.

Итак, кампания по борьбе с авариями, крушениями на транспорте проводилась с разной степенью интенсивности. Наиболее активное ее проведение наблюдалось в 1932–1933 гг., (период массовой, «беспорядочной», «не очень жестокой» репрессии); в 1936–1937 гг. (период организованной, жесткой репрессии). При этом

особенно в начале 1930-х гг. делался акцент на привлечении к ответственности именно администрации транспорта.

Во второй половине 1939 г. наблюдается подготовка очередного этапа проведения данной кампании. Однако, вероятно, напряженная внешнеполитическая обстановка помешала проведению данной кампании на всей территории страны (за исключением вновь присоединенных западных областей). Поток критики органов ТЮ на протяжении всей кампании свидетельствует, что данные органы показали себя недостаточно хорошо. Вероятно, в конце 1930-х гг. руководство задумывалось о преобразовании или ликвидации данных органов.

³⁶ Сб. приказов и инструкций МЮ СССР 1936–1948. М. : Изд-во МЮ СССР. С. 197–198.

Литература

1. А.Б. Прорывы на транспорте по судебным материалам // Советская юстиция. 1931. № 1. С. 17–18.
2. Ба. Задачи прокуратуры в навигацию 1940 г. // Социалистическая законность. 1940. № 4. С. 1–6.
3. Ба. О расследовании крушений // Социалистическая законность. 1937. № 10. С. 125–126.
4. Батяев И. Заметки о расследовании дел о крушениях / И. Батяев // Социалистическая законность. 1938. № 10. С. 70–71.
5. Государственный архив РФ. Ф. 8131. Оп. 10. Д. 105. Л. 88.
6. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 21и. Л. 139.
7. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 11. Д. 21и. Л. 139.
8. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 16. Д. 2. Л. 141.
9. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 16. Д. 2. Л. 373.
10. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 38. Д. 2. Л. 3.
11. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 8. Д. 157. Л. 29.
12. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 8. Д. 157. Л. 5.
13. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 8. Д. 158. Л. 5.
14. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 141. Л. 165.
15. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1 а. Д. 2. Л. 49, 52.
16. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1 а. Д. 6. Л. 48.
17. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 12–9.
18. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
19. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 17, 16.
20. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 46, 45, 44.
21. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.
22. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.
23. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 16. Д. 152. Л. 17.
24. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 16. Д. 152. Л. 29.
25. Глузман А. Суды должны повернуться лицом к транспорту / А. Глузман // Советская юстиция. 1930. № 20. С. 10.
26. Кодицев А.Я. Органы транспортной юстиции СССР в 30-е годы XX века / А.Я. Кодицев // Транспортное право. 2007. № 4. С. 38–40.
27. О борьбе с крушениями на железнодорожном транспорте: циркуляр НКЮ № 83 от 9 июля 1930 г. // Советская юстиция. 1930. № 19. С. 4.
28. Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов : указ ПВС СССР от 10 декабря 1940 г. // Ведомости ВС СССР. 1940. № 52.
29. Померанцев В. Преступления на транспорте / В. Померанцев // Советская юстиция. 1931. № 15. С. 6.
30. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий ВС СССР / под ред. И. Голякова. М. : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1940. 190 с.
31. Сборник приказов и инструкций МЮ СССР 1936–1948. М. : Изд-во МЮ СССР, 1949. 315 с.
32. Сборник приказов прокуратуры СССР / сост. Б. Солерс, Д. Орлов. М. : Юр. изд-во НКЮ СССР, 1939. 230 с.
33. Сегал Г. К итогам майского совещания судебно-прокурорских работников ж.д. транспорта / Г. Сегал // Социалистическая законность. 1935. № 7. С. 7–9.
34. Сегал Г. Осенне-зимние перевозки и задачи транспортных органов юстиции / Г. Сегал // Социалистическая законность. 1934. № 10. С. 3–5.
35. Шарлот С. Прокуратура ж.д. транспорта в борьбе с крушениями и авариями / С. Шарлот // Социалистическая законность. 1938. № 4. С. 21–25.
36. Шкаревский Д.Н. О некоторых причинах создания органов ТЮ в СССР в 30-е гг. XX в. / Д.Н. Шкаревский // История государства и права. 2013. № 23. С. 16–19.
37. Элькинд Ю. Как перестроилась прокуратура МББ ж.д. в борьбе с крушениями / Ю. Элькинд // Советская юстиция. 1935. № 29. С. 6.
38. Янский С. На борьбу с авариями и простоями на водном транспорте / С. Янский // Социалистическая законность. 1935. № 7. С. 10–13.

References

1. A.B. Proryvy na transporte po sudebnym materialam [Transport Accidents Based on Judicial Files] // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1931. № 1. S. 17–18.
2. B.a. Zadachi prokuratury v navigatsiyu 1940 g. [Tasks of Prosecutor's Office in Navigation Period of 1940] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1940. № 4. S. 1–6.
3. B.a. O rassledovanii krushenij [On Accident Investigation] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1937. № 10. S. 125–126.
4. Batyayev I. Zametki o rassledovanii del o krusheniyyakh [Notes on Accident Cases Investigation] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1938. № 10. S. 70–71.
5. Gosudarstvennyy arkhiv RF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 10. File 105. List 88.
6. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 11. File 21i. List 139.
7. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 16. File 2. List 141.
8. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 16. File 2. List 373.
9. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 38. File 2. List 3.
10. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 8. File 157. List 29.
11. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 8. File 157. List 5.
12. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 8131. Inventory 8. File 158. List 5.
13. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9474. Inventory 16. File 141. List 165.
14. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1 a. File 2. List 49, 52.
15. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1 a. File 6. List 48.
16. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1. File 10. List 12-9.
17. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1. File 10. List 13.
18. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1. File 10. List 17, 16.
19. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1. File 10. List 46, 45, 44.
20. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1. File 10. List 47.
21. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 1. File 10. List 48.
22. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 16. File 152. List 17.
23. GARF [State Archive of the Russian Federation]. Corpus 9492. Inventory 16. File 152. List 29.
24. Gluzman A. Sudy dolzhny povernut'sya litsom k transport [Courts Need to Face Transport] // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1930. № 20. S. 10.
25. Kodintsev A.Ya. Organy transportnoj yustitsii SSSR v 30-e gody XX veka [Bodies of Transport Justice of the USSR in 1930's] // Transportnoe pravo — Transport Law. 2007. № 4. S. 38–40.
26. O bor'be s krusheniyami na zheleznodorozhnom transporte: tsirkulyar NKYU № 83 ot 9 iyulya 1930 g. [On Struggle against Railway Accidents: Circular of the People's Commissariat of Justice № 83 of July 9, 1930] // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1930. № 19. S. 4.
27. Ob ugolovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnikh za dejstviya, mogushchie vyzvat' krushenie poezdov: ukaz PVS SSSR ot 10 dekabrya 1940 g. [On Criminal Liability of Juveniles for Actions Which May Result in Railway Accidents: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 10, 1940] // Vedomosti VS SSSR — News of the Supreme Soviet of the USSR. 1940. № 52.
28. Pomerantsev V. Prestupleniya na transporte [Transport Crimes] // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1931. № 15. S. 6.
29. Sbornik postanovlenij Plenuma i opredelenij kolegij VS SSSR / pod red. I. Golyakova [Collection of the Plenum Resolutions and Rulings of the Supreme Court Collegiums of the USSR / edited by I. Golyakov]. Moskva : «Yur. izd-vo NKYU SSSR» — Moscow : Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. 190 p.
30. Sbornik prikazov i instruksij MYU SSSR 1936-1948 [Collection of Orders and Instructions of the Ministry of Justice of the USSR, 1936–1948]. Moskva : «Izd-vo MYU SSSR» — Moscow : Publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 1949. 315 p.
31. Sbornik prikazov prokuratury SSSR / sost. B. Solers, D. Orlov [Collection of Orders of the Prosecutor's Office of the USSR / compiled by B. Solers, D. Orlov]. Moskva : «Yur. izd-vo NKYU SSSR» — Moscow : Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1939. 230 p.
32. Segal G. K itogam majskogo soveshchaniya sudebno-prokurorskich rabotnikov zh.d. transporta [On Results of May Meeting of Judicial and Prosecution Officers of Railway Transport] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1935. № 7. S. 7–9.
33. Segal G. Osenne-zimnie perezozki i zadachi transportnykh organov yustitsii [Transportations during Autumn and Winter Periods and Tasks of Transport Justice Bodies] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1934. № 10. S. 3–5.
34. Sharlot S. Prokuratura zh.d. transporta v bor'be s krusheniyami i avariymi [Prosecutor's Office of Railway Transport Struggling against Accidents and Incidents] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1938. № 4. P. 21–25.
35. Shkarevsky D.N. O nekotorykh prichinakh sozdaniya organov TYU v SSSR v 30-e gg. XX v. [On Some Reasons for Establishment of Transport Justice Bodies in the USSR in the 1930's] // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 23. S. 16–19.
36. Elkind Yu. Kak perestroilas' prokuratura MBB zh.d. v bor'be s krusheniyami [Restructuring of Prosecutor's Office of the Moscow-Belarus-Baltic Railway Line in Struggle against Accidents] // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1935. № 29. S. 6.
37. Yansky S. Na bor'bu s avariymi i prostoyami na vodnom transporte [Struggle against Water Transport Accidents and Standby Periods] // Sotsialisticheskaya zakonnost' — Socialist Legality. 1935. № 7. P. 10–13.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-33-43

Влияние деструктивных взглядов, учений и идеологий на безопасность общества

Кузнецова Наталья Николаевна,
аспирант Международного юридического института
main@lawinst.ru

Чердаков Олег Иванович,
проректор по научной и инновационной работе,
доктор юридических наук, профессор
olegtui@mail.ru

В статье обсуждается проблема влияния деструктивных взглядов, идей, теорий, учений и идеологий на безопасность общества. Предлагается авторская точка зрения на деструктивизм как самостоятельное политико-правовое явление.

Ключевые слова: деструктивизм как явление, разрушающее общество; правовые проблемы деструктивизма; деструктивность общественных отношений; идеологии деструктивной направленности — анархизм, фашизм, нацизм, коммунизм, национализм, шовинизм, либеральный тоталитаризм.

Influence of Destructive Views, Doctrines and Ideologies on Social Security

Kuznetsova Natalya N.
Postgraduate Student of the International Law Institute

Cherdakov Oleg I.
Vice-Rector for Research and Innovations
Doctor of Law, Professor

The article discusses the impact of destructive views, ideas, theories, doctrines and ideologies on the security of society. It is proposed that an author's point of view on destructivity as an independent politico-legal phenomenon.

Key words: destructivity as a phenomenon of destroying society, legal issues of destructivity, the destructiveness of public relations, ideology of the destructive direction-anarchism, fascism, nazism, communism, nationalism, chauvinism, liberal totalitarianism.

В истории политических и правовых учений деструктивизм как самостоятельное политико-правовое явление комплексно не исследовался. В результате не определено содержание этого феномена, не систематизированы причины, способствующие появлению деструктивизма, не выявлены негативные последствия воздействия деструктивных взглядов, идей, теорий, учений и идеологий на социально-правовую среду, не разработаны меры противодействия и защиты от распространения деструктивизма в обществе.

Исследование деструктивизма через призму права позволяет выявить грани данного яв-

ления, определить причины и закономерности распространения и узаконивания деструктивных концепций и идеологий на уровне государств, систематизировать деструктивные взгляды и учения.

Отдельные вопросы деструктивизма рассматривались в философско-правовых учениях рядом исследователей, среди которых можно выделить У.М. Шелера¹, У.Г. Плесснера²,

¹ Шелер У.М. Избранные произведения. М., 1994.

² Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

А. Гелена³, К. Лоренца⁴, З. Фрейда⁵, К.Г. Юнга⁶, М. Хайдеггера⁷ и др.

Появляющиеся в последние годы в отечественной юридической науке работы посвящены некоторым аспектам деструктивизма⁸. В большинстве публикаций авторы концентрируют внимание на деструктивной деятельности человека, связанной с разрушением социально-политической и правовой основы государства. В то же время понятие деструктивизм с позиций правовой науки в работах не раскрыто.

В отличие от правоведов толкование деструктивизма предложено психологами, социологами, политологами и историками. Все они существенно отличаются друг от друга, т.к. выражают содержание и задачи отраслевых наук.

В психологии деструктивное поведение человека различается по направленности и характеру проявления. Деструктивизм обозначает отрицательное отношение человека, которое он направляет на некие внешние объекты (вовне) либо, как вариант, на самого себя (внутри), а также поведение, которое соответствует указанным взглядам⁹.

Несмотря на то, что деструктивность является одним из базовых понятий философии постмодернизма, в классической философии нет четкого определения природы данного явления¹⁰. Проблема человеческого деструктивизма раскрывается через морально-этические нормы и ограничивается констатацией наличия в чело-

веке доброго и злого начал, которые сопутствуют друг другу на протяжении всей человеческой истории и конкретной человеческой жизни. При этом «добро всегда побеждает зло», как бы ни пыталось зло утвердить себя в качестве могучей, влиятельной и труднопобеждаемой силы. По существу, решение проблемы добра и зла, как правило, лежит в русле их дуализма, когда и поскольку признается, что на всякое добро найдется свое зло и наоборот¹¹.

В социологической литературе встречается определение деструктивности как особого типа целенаправленного воздействия социального субъекта (личности, социальной группы, социума в целом) на личностные, общественные и природные структуры, в результате которого происходит их полное или частичное разрушение (саморазрушение)¹².

Деструктивное воздействие права на функционирование национальных интересов России рассматривается некоторыми исследователями как неспособность правовых механизмов решать задачи по своевременному выявлению, формулированию и обеспечению реализации национальных интересов¹³.

В политологическом контексте деструктивизм определяется как действие, главной целью которого является нарушение, ослабление, разрушение или уничтожение чего-либо созидательного, а также создание и усиление негативных явлений и процессов в человеке, семье, обществе и природе¹⁴.

В истории деструктивизм связывается с агрессивными действиями личности. В основе агрессии лежит страх перед другими людьми. Страх заставляет видеть потенциального врага в каждом человеке. Борьба с противниками является главной составляющей существования деструктивной личности. Люди этой категории искренне считают себя борцами за добро и справедливость, ибо эти понятия у них прочно связаны с представлением о себе. Одержимые идеей угрозы со стороны окружающих, они испытывают особенно сильный страх при появлении рядом сильной и талантливой личности¹⁵.

³ Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

⁴ Лоренц К. Агрессия: Так называемое зло. М., 1994.

⁵ Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1997.

⁶ Юнг К. Г. Человек и его символ. М., 1997.

⁷ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 25–32.

⁸ Баранов В.М. Деструктивное воздействие права на национальные интересы // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 84–87; Джаназян В.Г. Деструктивное влияние идеологии террора на правовую семью мусульманского права // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3. С. 69–73; Джаназян В.Г., Чердаков О.И. Влияние идеологических концептов деструктивной направленности на правовую среду современной России // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 12–15; Нечевин Д.К. Правовое регулирование деструктивных информационных воздействий, оказывающих негативное влияние на формирование психосферы человека // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 2-1. С. 326–331; Рыков А.Н. Деструктивное воздействие средств массовой информации на правосознание граждан: Правовые проблемы формирования информационного общества: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

⁹ Энциклопедия. URL: <http://sociology-encyclopedia.academic.ru>

¹⁰ Сатыбалова Е.В. Человеческая деструктивность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002. С. 4.

¹¹ Сатыбалова Е.В. Метаморфозы человека в мире: между негативностью и позитивностью. Екатеринбург, 2006. С. 6.

¹² Царев А.С. Социальные стереотипы и социальные инновации в системе деструктивных общественных отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2011. С. 7.

¹³ Баранов В.М. Деструктивное воздействие права на национальные интересы // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 84.

¹⁴ Краткий словарь определений некоторых универсалий, категорий и понятий, значимых для проблем духовной и религиозной безопасности. URL: <http://lektii.org/5-57015.html>

¹⁵ Жебит В. Человек-разрушитель, или Кое-что о деструктивных личностях. URL: <http://vladalex.livejournal.com/3105.html>

В отечественной научной литературе имеет место толкование понятия деструктивная идеология, которое дал Л.А. Калинин. Он в частности отметил, что деструктивная идеология есть идеология (система теорий, взглядов, норм, ценностей и методов распространения их в обществе, отражающая интересы определенной социальной группы), способствующая разрушению тех общественных отношений, которые объективно необходимы в данных объективных условиях развития общества¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что различные подходы в определении понятия деструктивизм не позволяют выявить его содержание. В этой связи предлагается авторское понимание данной дефиниции. Деструктивизм — это совокупность взглядов, теорий, учений и идеологий, в основу которых положены идеи разрушения, отрицания общепринятых ценностей, идеалов, норм нравственности, культуры, установленного общественного порядка, суверенитета, негативно оценивающие роль государства и права в регулировании общественных отношений, способствующие развитию социального антагонизма, агрессии, ненависти и нетерпимости между людьми.

Деструктивизм выражается в разрушении и неприятии правовой организации установленного порядка и социальных отношений, поэтому к деструктивным взглядам, идеям, теориям, учениям и идеологиям можно отнести концепции, в которых определены соответствующие задачи.

В любом выражении феномен деструктивности затрагивает одну из важнейших сфер — сферу общественных отношений. По мнению А.С. Царева, деструктивные общественные отношения — это такие негативные взаимодействия и связи между индивидами, различными социальными группами или общностями, которые разрушают или подрывают установленный в обществе и природе порядок. К основным формам деструктивных общественных отношений относятся вандализм, единичное или массовое убийство, геноцид, каннибализм, терроризм, насильственная революция, государственный переворот, война, экоцид¹⁷.

Автор данного суждения, безусловно, прав, относя к деструктивным общественным отношениям названные негативные проявления, однако, помимо обозначенных, имеют место явления не менее опасные, нежели перечисленные, а

именно: разрушение личности, рабство¹⁸, наркомания, алкоголизм¹⁹ и др.

Перечисленные деструктивные компоненты выражают поведенческие особенности деятельности отдельной личности или определенных социальных групп. Деструктивными их можно назвать потому, что они направлены на разрушение традиционных ценностей, устоев, менталитета, правоотношений, манипуляцию человеком, создают в обществе хаос и вселяют неуверенность в перспективе.

Деструктивное состояние общества определяется его агрессивностью, которая является реакцией на деградацию власти, не справляющейся с государственным управлением. Деструктивность социума проявляется в активном или пассивном поведении. Активное поведение выражается в открытых выступлениях против действующей власти, уличных беспорядках, столкновениях с инакомыслящими, призывах к радикальной смене установленного правопорядка, государственным переворотам, революциям и гражданским войнам. Пассивное поведение проявляется в создании и распространении деструктивных взглядов, идей, теорий, учений и идеологий. Общество, зараженное деструктивной идеей, не имеет перспективы, т.к. в нем насаждаются антагонистические противоречия, в конечном итоге уничтожающие его устои. Примеров пагубного воздействия деструктивной идеологии, способствующей дестабилизации общества, в истории государства и права достаточно.

Среди известных идеологий деструктивной направленности можно выделить: анархизм, фашизм, нацизм, коммунизм, национализм, шовинизм и другие учения, в которых доминирует идеология терроризма, появившаяся в XIX–XXI вв. Их основу составляют программы по разрушению устоявшихся социально-экономических укладов, принятых общественных отношений, правового устройства, государственности посредством насильственных действий.

Анархизм как тип политико-правового сознания возник с появлением государственности и развивался в виде идей и движений. Его деструктивное содержание основано на отрицании государственной власти и официальной религии как источников экономического, политического и духовного подавления личности. Основными носителями идеологии анархизма были М. Штирнер в Германии, П. Прудон во Франции, М.А. Бакунин в России.

¹⁶ Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2007.

¹⁷ Царев А.С. Социальные стереотипы и социальные инновации в системе деструктивных общественных отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2011. С. 7.

¹⁸ Линькова О.В. Сущность современного рабства // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2.

¹⁹ Харсеева В.А. Молодежная наркомания как фактор разрушения социальной структуры. URL: <http://docplayer.ru/48879031-Molodezhnaya-narkomaniya-kak-faktor-razrusheniya-socialnoy-strukturny.html>

М. Штирнер в работе «Единственный и его собственность» изложил доктрину своего понимания анархизма, основанную на отрицании государства, которое он считал злом, орудием человеческой несвободы и призывал к его уничтожению. Автор считал, что сущность государства проявляется в силовом воздействии на личность. Он писал: «Государство всегда занято тем, чтобы ограничивать, обуздывать, связывать, подчинять себе отдельного человека, делать его «подданным» чего-нибудь всеобщего, используя культуру и образование, оно воспитывает послушных и полезных ему граждан»²⁰.

Деструктивизм П. Прудона также основывался на отрицании государства, упразднении всех форм угнетения человека и замене «политической конституции», выгодной только господствующему меньшинству, «социальной конституцией», соответствующей справедливости и природе человека. Однако его идеи были более умеренными, автор допускал автономию личности и свободное объединение людей в обществе. Под свободой П. Прудон понимал равновесие между правами и обязанностями человека²¹.

Несколько иные суждения в отношении устройства общества высказывал М.А. Бакунин. Он распространял идеи коллективистского анархизма одного из движений ультрареволюционного социализма.

Мировоззрение М.А. Бакунина строилось на деструктивной бунтарской основе, определявшей формой анархической социальной революции «всенародный бунт» как универсальную силу человеческой эмансипации на пути развития от животности к человечности. В своих работах он акцентировал внимание на разрушении всего, что подавляло личность. М.А. Бакунин допускал применение методов заговора и террора, как истинного смысла социальной революции²². Бакунинские идеи были использованы при формулировании бунтарских программ в русском народничестве.

По отношению к праву анархистские теории можно разделить на аномистские, отрицающие право для будущего, либо номистские, признающие право в будущем.

Объединяющим деструктивным началом всех доктрин анархизма независимо от страны происхождения, являлось отрицание государственной и всякой иной власти, пропаганда неограниченной свободы личности, непризна-

ние правопорядка в общественных отношениях. Основа мировоззрения анархизма построена на индивидуализме. По мнению идеологов анархизма, анархия символизирует подлинный общественный порядок, основанный на свободном самоуправлении и взаимодействии различных ассоциаций индивидов и отсутствии всякого принуждения в отношениях между людьми.

Критикуя власть, анархисты указывали на ее развратную сущность, которая проявлялась в отношении как обласканных властью, так и подвластных, с той разницей, что первых она делала честолюбивыми и корыстолюбивыми деспотами, эксплуататорами общества, вторых оставляла рабами.

В отличие от анархизма деструктивизм фашистской идеологии проявляется в человеконенавистничестве, отрицании демократии, установлении культа вождя, применении насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдании войны как средства решения межгосударственных проблем.

Деструктивная фашистская идеология была легализована, получив правовое закрепление в 30-х, 40-х годах XX в. в Италии, Германии, Австрии, Венгрии, Испании, Португалии, Румынии²³.

В современной историографии можно встретить различные суждения о происхождении и концепциях фашизма. Одни авторы относят данную идеологию в разряд правоконсервативных²⁴, другие — в разряд тоталитарных²⁵, третьи, как Д.С. Моисеев, — к «условно консервативным»²⁶.

Существует мнение о том, что фашизм есть «новоевропейское специфическое явление культуры, находящееся в оппозиции модернизму и космополитизму буржуазной реальности. Его идеология напрямую связана с отрицанием либерализма и «механизированного», атомизированного типа человека, которому свойственна абстрактная форма опыта, не исчерпывающего всего совокупного знания»²⁷.

Предложенная точка зрения не совсем объективна, т.к. относит фашизм к «новоевропейской специфической культуре», это не так, во-первых, потому, что фашизм активно раз-

²⁰ Штирнер М. Единственный и его собственность [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/shtir01/txt11.htm>

²¹ Прудон П.Ж. Что такое собственность. М., 1998 ; Прудон П.Ж. Французская демократия. СПб., 1867.

²² Социологический анархизм М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. URL: https://studme.org/129312/096010/sotsiologiya/sotsiologicheskiy_anarhizm_bakunina_kropotkina

²³ Випперман В. Европейский фашизм в сравнении: 1922–1982. Новосибирск, 2000.

²⁴ Галкин А.А. О фашизме — его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. Политические исследования. 1995. № 2. С. 10.

²⁵ Мазуров И. Фашизм как форма тоталитаризма // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 39–52.

²⁶ Моисеев Д.С. Интеллектуальная история итальянского фашизма: Современные подходы // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 196.

²⁷ Сахибгоряев В.Х. Фашизм как явление и концепция философии культуры : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 4.

вивался на американском континенте и в частности в США²⁸, во-вторых, потому, что всякая культура специфична.

Полагаем, что точнее всего фашизм во всех его проявлениях отражает сущность деструктивизма, т.к. в его основу заложено разрушение системы ценностей, определенных в религиях, культурах и традициях общества.

В одном порядковом ряду с фашизмом стоит идеология национал-социализма (нацизма). Хотя сторонники нацизма не отождествляют себя с фашистами, их концепции похожи и базируются на расизме и экстремизме.

В научной литературе нет точного определения нацизма, поэтому понятия фашизм и нацизм часто микшируются. В нашем понимании нацизм — это деструктивное мировоззрение, основывающееся на идее превосходства одной расы над другими. Ценностная система нацизма строилась на принципах социализма, объединенного с расизмом и национализмом, изложенных в расовой теории Жозефа Артюра де Гобино²⁹, Жоржа Ваше де Лапужа³⁰ и их последователей.

Идеология нацизма сформирована на платформе деструктивизма, она выражает концепцию расового превосходства, сегрегации негодных рас и национальностей.

В отличие от нацизма неонацизм как течение деструктивизма опирается на ревизионистские идеи, реваншизм, антиглобализм и расиализм. Набор основных компонентов неонацизма не изменился, по-прежнему на первом плане стоят шовинизм, расизм, ксенофобия, гомофобия и антисемитизм.

Неонацистская идеология в большинстве стран вне закона, однако тенденции последних лет показывают, что в ряде европейских государств, в частности в Прибалтике, на Украине, в Молдавии, неонацизм получил государственную правовую поддержку³¹.

В отношении деструктивности коммунистической идеи существует множество диаметрально противоположных суждений. В зарубежной литературе, особенно в послевоенный период, появились материалы, в которых отождествлялась идеология коммунизма и фашизма, а сталинизм как советское учение признавался опаснее нацизма в гитлеровской интерпретации³².

В последнее время получили распространение критические работы, не признающие названные выше точки зрения. Одной из таких публикаций является статья французского историка Франсуа-Ксавье Кокена, в ней автор высказался против их отождествления³³.

Оценивая пропагандистскую кампанию по дискредитации коммунизма, С. Кара-Мурза писал: «идеологи никогда не доходят до рационального анализа сходства и различий, ибо анализ даже самых сходных технологий в «сталинизме» и фашизме показывает, что речь идет о совершенно разных явлениях, лежащих на двух разных цивилизационных путях. Их сравнительный анализ очень полезен для понимания и Запада, и советского государства, и права вообще и особенно в его тоталитарный период»³⁴.

В советской и постсоветской литературе многие исследователи осуждали тезис о деструктивности коммунистического учения, считая его антикоммунистической пропагандой. Однако в последние десятилетия произошла ревизия мировоззрения. Появились публикации³⁵, указывающие на то, что коммунистическая идеология имела деструктивную направленность, выражающуюся в отрицании эволюционного и признании революционного пути развития общества (теория перманентной революции), в уничтожении буржуазной демократии, в непримиримой классовой борьбе, в гегемонии и диктатуре пролетариата, в отрицании идеологического плюрализма.

В послевоенном мировом идеологическом пространстве, помимо перечисленных выше

²⁸ Корнеева Л., Терехов О. Фашизм и правый радикализм в исторической ретроспективе // Свободная мысль. 2016. № 195 ; Иванов Н. Американский фашизм — темные полосы истории. URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1431513974

²⁹ Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/3998-zhozef-artjur-de-gobino-opyt-oneravenstve-chelovecheskikh-ras-kratkoe-soderzhanie>

³⁰ Лапуж Ж.В. Ариец и его социальная роль. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/06/70/63/06706326.a4.pdf>

³¹ Фашизм на Украине и в Прибалтике. Уроки Холокоста. Доклад Президента ВКРЕ Б.И. Шпигеля на Международной конференции «Уроки второй мировой войны и Холокоста». URL: <https://scepticus.livejournal.com/2402492.html> ; Полонский И. Румынский национализм: от «Железной гвардии» до наших дней // Военное обозрение. 2014. 23 октября. URL: <https://topwar.ru/61004-rumynskiy-nacionalizm-ot-zheleznoy-gvardii-do-nashih-dney.html>

³² Kristof K. Boris I. Nicolaevsky, the Formative Years // Rabinovich. A&J. Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B. Nicolaevsky. Indiana University Press, 1972. P. 27.

³³ Coquin Fr.-X. Réflexions sur l'assimilation du stalinisme à l'hitlérisme // Europe. 2006, janvier — février. P. 283–307.

³⁴ Кара-Мурза С. Коммунизм и фашизм: братья или враги? URL: <https://profilib.com/chtenie/127449/sergey-kara-murza-kommunizm-i-fashizm-bratya-ili-vragi.php>

³⁵ Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6 (56). С. 13–30 ; Верт Н. История Советского государства. М., 1995 ; Буддаков В.П. Эра советской диктатуры в России // Россия и Германия: На пути к анти тоталитарному согласию. М., 2000. С. 105–130 ; Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 475–497.

учений и доктрин, появилось множество радикальных идеологий, способствующих наращению деструктивных настроений в обществе. Такими идеологическими концепциями были национализм и его версия шовинизм.

В отличие от коммунизма, пропагандированного интернационализм, деструктивное начало национализма кроется в доктрине, провозглашающей тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в государствообразующем процессе, что позволяет отдельной нации ставить свои интересы выше других. В условиях европейской толерантности данная концепция способствует разжиганию национальной розни, а национальная самоидентификация провоцирует появление радикальных националистических идеологий, таких как агрессивный национализм, опирающийся на концепцию одностороннего восприятия действительности, пропагандирующий принцип великодержавности и превосходства одной нации над другими.

Национализм как концепция, с одной стороны, представляет эффективный механизм этнической мобилизации, форму этносоциальной жизни и инструмент ее регуляции, а также специфический способ социальной коммуникации. Причем во всех этих качествах национализм проявляет себя и деструктивно, и конструктивно³⁶. С другой стороны — это инструмент для запугивания власти и создания условий, дестабилизирующих правопорядок в обществе.

Не все исследователи рассматривают национализм как деструктивную идеологию. Например, Джордж Оруэлл воспринимал национализм как привычку человека отождествлять самого себя с одной-единственной нацией или какой-либо другой группой и ставить ее выше добра и зла, не признавая за собой никакого иного долга, кроме служения ее интересам³⁷. Он предложил классификацию английского национализма, разделив его на позитивный, переходный, негативный национализм, тем самым показав его движение от позитива к негативу.

По утверждению В.А. Гусева и С.В. Шишкова, в западной политологии национализм никогда не относили к антиценностям, преимущественно понимая под ним культурно-политическую солидарность внутри общностей, именуемых нациями. Да и в советском идеологическом пространстве националистическим идеологиям не отказывали в их возможности служить прогрессивному развитию человечества, особенно в 1950-е — 1960-е гг., когда освободительные движения против колониальной зависимости во множестве стран широко ис-

пользовали националистические лозунги и программы³⁸.

Оценивая плюсы и минусы националистической идеологии, Л.А. Тихомиров писал: «недостаток сознательности препятствует, во-первых, созданию практической программы деятельности, во-вторых, дает полную возможность входить в ряды «националистов» людям, проникнутым совершенно противоположными взглядами и симпатиями. Таким образом, под флагом национализма может развиваться деятельность даже и прямо ему враждебная»³⁹.

И. Чернышевский обращал внимание и на мировоззренческую сторону национализма, непосредственно не связанную с политической практикой: Он отмечал: «национализм — не столько учение, сколько особое устройство взгляда: национальная идея — не картинка, а окно, сквозь которое смотрят на мир, выискивая там интересное для национального интереса: хороший националист видит свой интерес везде. Поэтому интенсивные поиски национальной идеи — очень плохой признак. Если на эту тему много говорят и пишут, это означает одно из двух: либо этой идеи нет и неизвестно, где ее взять, либо она есть, но через предлагаемое окошко ничего не видно, или ее почему-то стыдятся, как стыдятся рассматривания неприличностей. Но вообще-то идеальная форма бытования национальной идеи — секрет полишинеля: то, о чем все причастные прекрасно знают (ибо видят) и молчат»⁴⁰.

По мнению А.Н. Гузя, до середины XX в. для концепций национализма были характерны примордиалистские (объективистские) подходы. Начиная с 70-х гг. они выявили свою непригодность, после того как массовые этнические движения в США 70-х гг. показали несостоятельность теории «плавильного котла», утверждавшей, что этничность будет преодолена в процессе создания национального государства⁴¹.

Национализм в последние годы все больше трансформируется в шовинизм, который иногда рассматривается в качестве национализма в крайней степени⁴². Отличие национализма от шовинизма не всегда уловимо, в связи с

³⁶ Коробейникова Т.Ю. Национализм как проблема управления и социального регулирования: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Пятигорск, 2007. С. 7.

³⁷ Оруэлл Дж. Заметки о национализме. URL: http://orwell.ru/library/essays/nationalism/russian/r_nat

³⁸ Гусев В.А., Шишков С.В. Национализм в ряду других понятий политической этнологии и современные подходы к его пониманию. URL: http://www.cisdf.org/TRM/TRM7/gusev_shishkov_7.html

³⁹ Тихомиров Л.А. Что такое национализм // Московские ведомости. 1910. № 174.

⁴⁰ Чернышевский И. Русский национализм: несостоявшееся пришествие // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 3.

⁴¹ Гузь А.Н. Модернизм в теориях национализма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=353&Itemid=85

⁴² Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2004.

чем нет четкого выделения грани между данными явлениями. Одни считают, что национализм выражается в стремлении нации защитить свой суверенитет, культурное и духовное наследие. В то время как шовинизм приводит к агрессивному национальному доминированию за счет ущемления прав и свобод других народов⁴³. Другие полагают, что национализм — это гипертрофированная форма национальной (государственной) идеи, на определенном этапе трансформировавшаяся в шовинизм, который в определенной исторической обстановке отделился от национальной идеологии за счет привнесения дополнительных идей и превратился в отдельную форму общественного сознания, политической идеологии — национал-социализм. Поэтому национализм и шовинизм не могут быть признаны отдельными, самостоятельными политическими идеологиями, т.к. они являются не более чем составляющими, гипертрофированными разновидностями государственной (национальной) политической идеологии⁴⁴.

В Советской исторической энциклопедии шовинизм трактуется как проповедь национальной исключительности; противопоставление интересов одной нации интересам всех других наций, распространение национального чванства, разжигание национальной вражды и ненависти; крайняя форма национализма⁴⁵.

Жерар де Пюимеж считал, что шовинизм, основывающийся на долговечном и мощном мифе, не может быть назван ни простым и чистым отражением реальности, ни идеологией. От последней его отличает отсутствие жесткости, теоретических выкладок, притязаний на объяснительную и научную ценность. В основе шовинизма лежат не идеи, а образы, рассказы и символы, он всецело принадлежит сфере не рационального, а эмоционального. Автор не считал шовинизм синонимом национализма — идеологии, которой неоднократно давались самые различные и порой даже противоречащие одно другому определения и которая, в зависимости от места и времени действия, нередко наполнялась разным содержанием⁴⁶.

Несмотря на разность в оценке национализма и шовинизма, можно констатировать, что оба направления деструктивны по своей идеологии, которая опирается на неприятие в качестве полноценных социальных образований иных наций. В этом состоит потенциальная опасность данных философско-правовых мировоззрений.

В современной научной литературе появились публикации, в которых подвергаются ревизии устоявшиеся философско-правовые учения и, в частности, либерализм, отождествляющийся с деструктивизмом⁴⁷. Данные умозаключения не бесспорны, хотя в них имеется определенная доля истины.

В работе «Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития» авторы, отвечая на вопрос, почему либерализм относится к деструктивизму, выделили несколько причин. В качестве первого основания они взяли концепцию устаревания философских, этических, идеологических систем, считая их ретроградными в отношении новых идей. Вторая причина связана с абсолютизацией идеологической системы, что приводит ее в разряд тоталитарных, «любая идеологическая система по своей направленности тоталитарна»⁴⁸.

С.В. Ковалева и Д.В. Мастеров полагают, что инерционность либерализма определяется полным отсутствием идеальной цели, присутствующей в других идеологиях. Концепция свободы личности, пропагандируемая либералами, таким идеалом считаться не может, поскольку свобода в понимании либералов в рамках общества не может быть реализована: либо будет ограничивать личность, либо произойдет разрушение общества. Поэтому практический либерализм сводится к постоянной борьбе за все большую свободу личности, доходящей до абсурда⁴⁹.

Раскрывая сущность деструктивного либерализма, Зоран Видоевич ввел новую дефиницию «либеральный тоталитаризм». Автор выделил базовые элементы названного явления, они вытекают из связи и взаимодействия трех ключевых факторов: неолиберального капитализма, планетарного насилия и сверхсовременных технологий; на этой основе создается экономическое, политическое и военное превосходство, с помощью которого «новый порядок» или правит миром, или стремится править. Сверхсовременная технология, атрибут сильнейших корпораций, находится в непосредственной функции капитала, который становится все

⁴³ Нагорнюк О. Чем отличается шовинизм от национализма? URL: <http://megapois.com/shovinizm-opredelenie-ponjatija>

⁴⁴ Неоснованное изобретение новых идеологий. URL: <http://megaobuchalka.ru/1/26812.html>

⁴⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1976.

⁴⁶ Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма. М., 1999. С. 363.

⁴⁷ Ковалева С.В., Мастеров Д.В. Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития // Евразийский союз ученых. 2015. № 12–4 (21). С. 73–77 ; Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 39–49 ; Вахитов Р.Р. Либеральный тоталитаризм: репрессивные механизмы современного западного общества и их критический анализ в зарубежной философии XX века // Альманах «Восток». 2003. Выпуск № 3. URL: http://www.situation.ru/app/j_arp20.htm

⁴⁸ Ковалева С.В., Мастеров Д.В. Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития // Евразийский союз ученых. 2015. № 12–4 (21). С. 74.

⁴⁹ Там же. С. 75.

более милитаризованным. Так, в обществах, которые считают себя исключительно либеральными, зарождается новое полицейское государство⁵⁰.

Р.Р. Вахитов на примерах современных философско-правовых концепций, разработанных А. Грамши (теория гегемонии), Г. Маркузе (концепция общества нетеррористического тоталитаризма), Р. Барта (теории размонтирования мифологии капитализма), Э.Ги Дебора (теории общества спектакля) показал деградацию идей либерализма, скатывание на позиции деструктивного тоталитаризма⁵¹.

⁵⁰ Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 44.

⁵¹ Вахитов Р.Р. Либеральный тоталитаризм: репрессивные механизмы современного западного общества и их критический анализ в зарубежной философии

Подтверждая обоснованность авторских суждений, можно констатировать, что насаждение деструктивного тоталитарного либерализма в глобальном масштабе осуществляется с помощью международного права, которое конвертирует его основные ценности в международных правовых нормах.

Приведенные выше размышления позволяют сделать вывод о том, что деструктивизм — это явление, характерное для современной политико-правовой мысли. Его корни лежат в основных политико-правовых учениях XIX–XX веков. Деструктивное состояние общества представляет собой ответную реакцию недовольных социальных слоев на проводимую внутреннюю политику государства.

XX века // Альманах «Восток». 2003. Выпуск № 3. URL: http://www.situation.ru/app/j_arp_20.htm

Литература

1. Баранов В.М. Деструктивное воздействие права на национальные интересы / В.М. Баранов // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 84–87.
2. Булдаков В.П. Эра советской диктатуры в России / В.П. Булдаков // Россия и Германия: На пути к антиоталитарному согласию. М., 2000. С. 105–130.
3. Вахитов Р.Р. Либеральный тоталитаризм: репрессивные механизмы современного западного общества и их критический анализ в зарубежной философии XX века / Р.Р. Вахитов // Альманах «Восток». 2003. Выпуск № 3. URL: http://www.situation.ru/app/j_arp_20.htm
4. Верт Н. История Советского государства / Н. Верт. М., 1995. 543 с.
5. Видоевич З. Либеральный тоталитаризм / З. Видоевич // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 6.
6. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении: 1922–1982 / В. Випперман. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 239 с.
7. Галкин А.А. О фашизме — его сущности, корнях, признаках и формах проявления / А.А. Галкин // Полис. Политические исследования. 1995. № 2. С. 6–15.
8. Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. 552 с.
9. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж.А. Гобино. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/3998-zhofez-artur-de-gobino-opyt-o-neravenstve-chelovecheskikh-ras-kratkoe-soderzhanie>
10. Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 6 (56). С. 13–30.
11. Гузь А.Н. Модернизм в теориях национализма / А.Н. Гузь // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=353&Itemid=85
12. Гусев В.А. Национализм в ряду других понятий политической этнологии и современные подходы к его пониманию / В.А. Гусев, С.В. Шишков. URL: http://www.cisdf.org/TRM/TRM7/gusev_shishkov_7.html
13. Джаназян В.Г. Деструктивное влияние идеологии террора на правовую семью мусульманского права / В.Г. Джаназян // Вестник Международного юридического института. 2016. № 3. С. 69–73.
14. Джаназян В.Г. Влияние идеологических концептов деструктивной направленности на правовую среду современной России / В.Г. Джаназян, О.И. Чердаков // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 12–15.
15. Жебит В. Человек-разрушитель, или Кое-что о деструктивных личностях / В. Жебит. URL: <http://vladalex.livejournal.com/3105.html>
16. Иванов Н. Американский фашизм — темные полосы истории / Н. Иванов. URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1431513974
17. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. Ильин. М., 1996. 252 с.
18. Искендеров А.А. Закат империи / А.А. Искендеров. М., 2001. 704 с.
19. Калинин Л.А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Л.А. Калинин. Нижний Новгород, 2007. 26 с.
20. Кара-Мурза С. Коммунизм и фашизм: братья или враги? / С. Кара-Мурза. URL: <https://proflib.com/chtenie/127449/sergey-kara-murza-kommunizm-i-fashizm-bratya-ili-vragi.php>
21. Ковалева С.В. Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития / С.В. Ковалева, Д.В. Мастеров // Евразийский союз ученых. 2015. № 12–4 (21). С. 73–77.
22. Корнеева Л. Фашизм и правый радикализм в исторической ретроспективе / Л. Корнеева, О. Терехов // Свободная мысль. 2016. № 195. С. 195–210.
23. Коробейникова Т.Ю. Национализм как проблема управления и социального регулирования : автореф. дис. ... канд. социолог. наук / Т.Ю. Коробейникова. Пятигорск, 2007.
24. Краткий словарь определений некоторых универсалий, категорий и понятий, значимых для проблем духовной и религиозной безопасности. URL: <http://lektisii.org/5-57015.html>

25. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. СПб. 2004. 428 с.
26. Лапуж Ж.В. Ариец и его социальная роль / Ж.В. Лапуж. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/06/70/63/06706326.a4.pdf>
27. Линькова О.В. Сущность современного рабства / О.В. Линькова // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 62–67.
28. Лоренц К. Агрессия: Так называемое зло / К. Лоренц, М., 1994. 272 с.
29. Мазуров И. Фашизм как форма тоталитаризма / И. Мазуров // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 39–52.
30. Моисеев Д.С. Интеллектуальная история итальянского фашизма: Современные подходы / Д.С. Моисеев // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 194–207.
31. Нагорнюк О. Чем отличается шовинизм от национализма? / О. Нагорнюк. URL: <http://megapoisik.com/shovinizm-opredelenie-ponjatija>
32. Нечевин Д.К. Правовое регулирование деструктивных информационных воздействий, оказывающих негативное влияние на формирование психосферы человека / Д.К. Нечевин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 2-1. С. 326–331.
33. Оруэлл Дж. Заметки о национализме / Дж. Оруэлл. URL: http://orwell.ru/library/essays/nationalism/russian/r_nat
34. Полонский И. Румынский национализм: от «Железной гвардии» до наших дней / И. Полонский // Военное обозрение. 2014. 23 октября. URL: <https://topwar.ru/61004-rumynskiy-nacionalizm-ot-zheleznoj-gvardii-do-nashih-dney.html>
35. Прудон П.Ж. Что такое собственность / П.Ж. Прудон. М., 1998. 367 с.
36. Прудон П.Ж. Французская демократия / П.Ж. Прудон. СПб., 1867. 388 с.
37. Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Ж. де. Шовен Пюимеж. М., 1999. 400 с.
38. Рыков А.Н. Деструктивное воздействие средств массовой информации на правосознание граждан: Правовые проблемы формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Рыков. Ростов н/Д, 2002. 23 с.
39. Сатыбалова Е.В. Метаморфозы человека в мире: между негативностью и позитивностью / Е.В. Сатыбалова. Екатеринбург, 2006. 100 с.
40. Сатыбалова Е.В. Человеческая деструктивность : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е.В. Сатыбалова. Екатеринбург, 2002. 23 с.
41. Сахибгоряев В.Х. Фашизм как явление и концепция философии культуры : автореф. дис. ... докт. филос. наук / В.Х. Сахибгоряев. Ростов н/Д, 2008. 50 с.
42. Социологический анархизм М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. URL: https://studme.org/129312096010/sotsiologicheskij_anarhizm_bakunina_kropotkina
43. Тихомиров Л.А. Что такое национализм / Л.А. Тихомиров // Московские ведомости. 1910. № 174.
44. Фашизм на Украине и в Прибалтике. Уроки Холокоста. Доклад Президента ВКРЕ Б.И. Шпигеля на Международной конференции «Уроки второй мировой войны и Холокоста». URL: <https://sceptic-rus.livejournal.com/2402492.html>
45. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. М., 1997.
46. Харсеева В.А. Молодежная наркомания как фактор разрушения социальной структуры / В.А. Харсеева. URL: <http://docplayer.ru/48879031-Molodezhnaya-narkomaniya-kak-faktor-razrusheniya-socialnoy-struktury.html>
47. Царев А.С. Социальные стереотипы и социальные инновации в системе деструктивных общественных отношений : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.С. Царев. Саранск, 2011. 23 с.
48. Чернышевский И. Русский национализм: несостоявшееся пришествие / И. Чернышевский // Отечественные записки. 2002. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_15-pr.html
49. Шелер У.М. Избранные произведения / У.М. Шелер. М., 1994. 490 с.
50. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/shtir01/txt11.htm>
51. Энциклопедия. URL: http://sociology_encyclopedia.academic.ru
52. Юнг К.Г. Человек и его символ / К.Г. Юнг. М., 1997. 367 с.
53. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116–122.
54. Coquin Fr.-X. Réflexions sur l'assimilation du stalinisme à l'hitlérisme // Europe. 2006, janvier — février. P. 283–307.
55. Kristof K. Boris I. Nicolaevsky, the Formative Years / K. Kristof // Rabinovich. A&J. Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B. Nicolaevsky. Indiana University Press, 1972.

References

1. Baranov V.M. Destrktivnoe vozdejstvie prava na natsional'nye interesy [Destructive Influence of Law on National Interests] // Zhurnal Rossijskogo prava — Russian Law Journal. 2005. № 12.
2. Buldakov V.P. Era sovetsoj diktatury v Rossii // Rossiya i Germaniya: Na puti k antitotalitarnomu soglasiyu [Era of Soviet Dictatorship in Russia // Russia and Germany: on the Way to Anti-Totalitarian Consensus]. Moskva — Moscow, 2000. S. 105–130.
3. Vakhitov R.R. Liberal'nyj totalitarizm: repressivnye mekhanizmy sovremennogo zapadnogo obshchestva i ikh kriticheskij analiz v zarubezhnoj filosofii XX veka [Liberal Totalitarianism: Repressive Mechanisms of Contemporary Western Society and Their Critical Analysis in Foreign Philosophy of the XX Century] // Al'manakh «Vostok» — Vostok anthology. 2003. Issue: № 3. URL: http://www.situation.ru/app/j_arp_20.htm.
4. Werth N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva [History of Soviet State]. Moskva — Moscow, 1995. 543 s.
5. Vidoevich Z. Liberal'nyj totalitarizm [Liberal Totalitarianism] // Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Research. 2007. № 12. S. 6.

6. Wippermann W. Evropejskij fashizm v sravnenii: 1922–1982 [European Fascism: Comparison 1922–1982]. Novosibirsk — Novosibirsk.
7. Galkin A.A. O fashizme — ego sushchnosti, kornyakh, priznakakh i formakh proyavleniya [Fascism: Essence, Roots, Attributes and Manifestations] // Polis. Politicheskie issledovaniya — Polis. Political Research. 1995. № 2.
8. Gehlen A. O sistematike antropologii // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii [Anthropology Systematization // Problem of Human in Western Philosophy]. Moskva — Moscow, 1988.
9. Gobineau J.A. Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras [The Inequality of Human Races]. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/3998-zhozef-artyur-de-gobino-opyt-o-neravenstve-chelovecheskikh-ras-kratkoe-soderzhanie>
10. Gudkov L. «Totalitarizm» kak teoreticheskaya ramka: popytki revizii spornogo ponyatiya [Totalitarianism as Theoretical Framework: Attempts at Disputable Notion Revision] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2001. № 6 (56).
11. Guz A.N. Modernizm v teoriyakh natsionalizma [Modernism in Nationalism Theories] // Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie — Science and Education: Business and Economy; Entrepreneurship; Law and Management. 2011. URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=353&Itemid=85
12. Gusev V.A., Shishkov S.V. Natsionalizm v ryadu drugihkh ponyatij politicheskoy etnologii i sovremennye podkhody k ego ponimaniyu [Nationalism among Other Political Ethnology Notions and Contemporary Approaches to Its Understanding]. URL: http://www.cisdf.org/TRM/TRM7/gusev_shishkov_7.html
13. Dzhazanyan V.G. Destruktivnoe vliyanie ideologii terrora na pravovuyu sem'yu musul'manskogo prava [Destructive Influence of Terror Ideology on Legal System of Islamic Law] // Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta — Bulletin of the International Law Institute. 2016. № 3.
14. Dzhazanyan V.G., Cherdakov O.I. Vliyanie ideologicheskikh kontseptov destruktivnoj napravlenosti na pravovuyu sredu sovremennoj Rossii [Influence of Destructive Ideological Concepts on Legal Environment of Present-Day Russia] // Yuridicheskaya nauka — Legal Science. 2016. № 1.
15. Zhebit V. Chelovek-razrushitel', ili koe-chto o destruktivnykh lichnostyakh [Destroyer or Something about Destructive People]. URL: <http://vladalex.livejournal.com/3105.html>
16. Ivanov N. Amerikanskij fashizm — temnye poloski istorii [American Fascism — Shadows of History]. URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1431513974
17. Ilyin I. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Post-Structuralism. Deconstructivism. Post-Modernism]. Moskva — Moscow, 1996.
18. Iskenderov A.A. Zakat imperii [Decline of the Empire]. Moskva — Moscow, 2001.
19. Kalinin L.A. Destruktivnaya ideologiya kak sotsial'nyj fenomen: sotsial'no-filosofskij analiz : avtoref. dis. ... kand. filos. Nauk [Destructive Ideology as Social Phenomenon: Social and Philosophical Analysis. Author's abstract of thesis ... of Candidate of Philosophical Sciences]. Nizhnij Novgorod — Nizhny Novgorod, 2007.
20. Kara-Murza S. Kommunizm i fashizm: brat'ya ili vragi? [Communism and Fascism: Brothers or Enemies?] URL: <https://profilib.com/chtenie/127449/sergey-kara-murza-kommunizm-i-fashizm-bratya-ili-vragi.php>
21. Kovaleva S.V., Masterov D.V. Liberal'naya ideologiya kak destruktivnyj faktor sotsial'nogo razvitiya [Liberal Ideology as Destructive Factor of Social Development] // Evrazijskij soyuz uchenykh — Eurasian Union of Scientists. 2015. № 12–4 (21).
22. Korneeva L., Terekhov O. Fashizm i pravyy radikalizm v istoricheskoy retrospective [Fascism and Right Wing Radicalism in Historical Retrospect] // Svobodnaya mysl' — Freedom of Thought. 2016. № 195.
23. Korobeynikova T.Yu. Natsionalizm kak problema upravleniya i sotsial'nogo regulirovaniya : avtoref. dis. ... kand. sotsiolog. Nauk [Nationalism as Management and Social Regulation Issue. Author's abstract of thesis ... of Candidate of Sociological Sciences]. Pyatigorsk. 2007. Kratkij slovar' opredelenij nekotorykh universalij, kategorij i ponyatij, znachimykh dlya problem dukhovnoj i religioznoj bezopasnosti — Pyatigorsk. 2007. Short Dictionary of Some Universals, Categories and Notions Significant for Spiritual and Religious Security Issues. URL: <http://lektii.org/5-57015.html>
24. Krylov G.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymology Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg — St. Petersburg, 2004.
25. Lapouge G.V. Arieti i ego sotsial'naya rol' [The Aryan and His Social Role]. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/06/70/63/06706326.a4.pdf>
26. Linkova O.V. Sushchnost' sovremennogo rabstva [Essence of Modern Slavery] // Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk — Central Russian Bulletin of Humanities. 2010.
27. Lorenz K. Agressiya: Tak nazyvaemoe zlo [Aggression: the So-Called Evil]. Moskva — Moscow, 1994.
28. Mazurov I. Fashizm kak forma totalitarizma [Fascism as a Form of Totalitarianism] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Modern Times. 1993. № 5.
29. Moiseev D.S. Intellektual'naya istoriya ital'yanskogo fashizma: Sovremennye podkhody [Intellectual History of Italian Fascism: Modern Approaches] // Dialog so vremenem — Dialogue with Time. 2016. № 55.
30. Nagornyyuk O. Chem otlichaetsya shovinizm ot natsionalizma? [What is the Difference between Chauvinism and Nationalism?] URL: <http://megapoisk.com/shovinizm-opredelenie-ponjatija>
31. Nechevin D.K. Pravovoe regulirovanie destruktivnykh informatsionnykh vozdeystvij, okazyvayushchikh negativnoe vliyanie na formirovanie psikhosfery cheloveka [Legal Regulation of Destructive Informational Impacts Negatively Affecting Formation of Human Psychosphere] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki — News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2010.
32. Orwell G. Zametki o natsionalizme [Notes on Nationalism]. URL: http://orwell.ru/library/essays/nationalism/russian/r_nat

33. Polonsky I. Rumynskij natsionalizm: ot «Zheleznoj gvardii» do nashikh dnei [Romanian Nationalism: from the Iron Guard to Our Times] // *Voennoe obozrenie — Military Review*. 2014. October 23. URL: <https://topwar.ru/61004-rumynskiy-nacionalizm-ot-zheleznoy-gvardii-do-nashih-dney.html>
34. Proudhon P.-J. Chto takoe sobstvennost' [What is Property]. Moskva — Moscow, 1998 ; Proudhon P.-J. Frantsuzskaya demokratiya [French Democracy]. St. Petersburg — St. Petersburg, 1867.
35. Puymege G. de. Shoven, soldat-zemlepashets: Epizod iz istorii natsionalizma [Chauvin, Plowman Soldier: An Episode from the History of Nationalism]. Moskva — Moscow, 1999.
36. Rykov A.N. Destruktivnoe vozdejstvie sredstv massovoj informatsii na pravosoznanie grazhdan: Pravovye problemy formirovaniya informatsionnogo obshchestva : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Destructive Influence of Mass Media on Legal Consciousness of People: Legal Issues of Informational Society Forming. Author's abstract of thesis ... of Candidate of Legal Sciences]. Rostov na Donu — Rostov-on-Don, 2002.
37. Satybalova E.V. Metamorfozy cheloveka v mire: mezhdru negativnost'yu i pozitivnost'yu [Human Metamorphoses in the World: between Negative and Positive]. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2006.
38. Satybalova E.V. Chelovecheskaya destruktivnost' : avtoreferat dis. ... kand. filosof. nauk [Human Destructiveness. Author's abstract of thesis ... of Candidate of Philosophical Sciences]. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2002.
39. Sakhibgoryaev V.Kh. Fashizm kak yavlenie i kontseptsiya filosofii kultury : avtoref. dis....dokt. filos. nauk [Fascism as Phenomenon and Concept of Philosophy of Culture. Author's abstract of thesis ... of Doctor of Philosophy]. Rostov-na-Donu — Rostov-on-Don, 2008.
40. Sotsiologicheskij anarkhizm M.A. Bakunina i P.A. Kropotkina [Sociological Anarchism of M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin]. URL: https://studme.org/129312096010/sotsiologiya/sotsiologicheskij_anarkhizm_bakunina_kropotkina
41. Tikhomirov L.A. Chto takoe natsionalizm [What Is Nationalism] // *Moskovskie vedomosti — Moscow Gazette*. 1910. № 174.
42. Fashizm na Ukraine i v Pribaltike. Uroki Kholokosta. Doklad Prezidenta VKRE B.I. Shpigelya na Mezhdunarodnoj konferentsii «Uroki vtoroj mirovoj vojny i Kholokosta» [Fascism in Ukraine and the Baltic States. Lessons of the Holocaust. Speech of B.I. Spiegel, Chairman of the World Congress of Russian Jewry at an international conference: Lessons of the Second World War and the Holocaust]. URL: <https://sceptic-rus.livejournal.com/2402492.html>
43. Freud S. Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious]. Moskva — Moscow, 1997.
44. Kharseeva V.L. Molodezhnaya narkomaniya kak faktor razrusheniya sotsial'noj struktury [Youth Drug Abuse as Social Structure Destruction Factor]. URL: <http://docplayer.ru/48879031-Molodezhnaya-narkomaniya-kak-faktor-razrusheniya-socialnoy-struktury.html>
45. Tsarev A.S. Sotsial'nye stereotipy i sotsial'nye innovatsii v sisteme destruktivnykh obshchestvennykh otnoshenij : avtoref. dis.... kand. filos. Nauk [Social Stereotypes and Social Innovations in System of Destructive Public Relations. Author's abstract of thesis ... of Candidate of Philosophical Sciences]. Saransk — Saransk, 2011.
46. Chernyshevsky I. Russkij natsionalizm: nesostoyavsheesya prishestvie [Russian Nationalism: Failed Coming] // *Otechestvennye zapiski — National Notes*. 2002. № 3.
47. Scheler U.M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moskva — Moscow, 1994.
48. Stirner M. Edinstvennyj i ego sobstvennost'. Elektronnyj istochnik [The Ego and Its Own] // URL: <http://psylib.org.ua/books/shtir01/txt11.htm>
49. Entsiklopediya [Encyclopedia]. URL: http://sociology_encyclopedia.academic.ru
50. Jung C.G. Chelovek i ego simvol [Man and His Symbols]. Moskva — Moscow, 1997.
51. Heidegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki [Introduction to Metaphysics] // *Voprosy filosofii — Issues of Philosophy*. 1989. № 9.
52. Coquin Fr.-X. Réflexions sur l'assimilation du stalinisme à l'hitlérisme // *Europe*. 2006, janvier — février.
53. Kristof K.: Boris I. Nicolaevsky, the Formative Years // Rabinovich. A&J. Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B. Nicolaevsky. — Indiana University Press, 1972.

Источники межгосударственного права XVII в.: проблема уточнения содержания и формы

Ельчанинова Ольга Юрьевна,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Самарского юридического института ФСИИ России,
кандидат исторических наук, доцент
olga220169_69@mail.ru

В статье показано, что в России в XVII в. произошло существенное расширение географии контрагентов международных соглашений, требующее унификации правового регулирования. Проанализированы источники межгосударственного права: грамоты, указы, договоры, сделаны выводы относительно их содержания и формы.

Ключевые слова: источники права, источники русского права, правовые акты, известные грамоты, ответные грамоты, опасные грамоты, верющие грамоты, указы, договоры.

Interstate Law Sources in the XVII Century: Content and Form Specification Issue

Elchaninova Olga Yu.
Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Candidate of Historical Sciences
Assistant Professor

The article shows that in Russia in the XVII century there was a significant expansion of the geography of counterparties to international agreements, requiring the unification of legal regulation. Forms of sources of interstate law are analyzed: letters (informative, responsive, dangerous, believing), orders, contracts, conclusions on their content and form.

Key words: sources of law, sources of Russian law, legal acts, letters of recognition, letters of credit, dangerous letters, credentials, orders, contracts.

Развитие в современном мире различных форм взаимодействия между государствами актуализировало проблему соотношения внутригосударственного и межгосударственного права. На разных уровнях политического и научного сообщества не утихают дискуссии относительно примата международных норм над нормами национального права. Защитники этой позиции отстаивают тезис о том, что акты межгосударственные носят наднациональный характер, поскольку они аккумулируют опыт всех стран за период их существования и имеют общечеловеческую ценность. По мнению же их оппонентов нормы международного права по отношению к конституции, как Основному закону любого государства, должны занимать подчиненное положение.

Изучение соотношения национального и международного права не только с точки зрения современного правопонимания, а и в ретро-

спективном аспекте помогает расширить наши представления о процессах взаимоотношения России с другими субъектами мирового сообщества в сфере правового регулирования. Кроме того, обобщение правовых памятников позволяет нам выявить специфику актового материала межгосударственного характера и проследить основные тенденции взаимодействия между странами в XVII в.

В рассматриваемый период ввиду сложности процессов государственно-политической жизни, существенного расширения географии контрагентов межгосударственных соглашений, в Российском государстве быстро увеличивался объем правовых документов, перечень их разновидностей становится все более разнообразным. Жизненные интересы России заставляли руководство страны определять основные направления внешней политики и унифицировать формы ведения международных отношений и

связанного с ними правотворчества. Наиболее распространенными видами таких источников права в XVII в. являлись грамоты, указы, договоры. В основе их составления зачастую лежал прецедент.

Известительные грамоты составлялись по нескольким основаниям. Во-первых, как документ, извещающий главу государства, с которым у России были установлены дипломатические отношения, о восшествии на престол того или иного русского царя. В нем также четко выражалась воля монарха и в дальнейшем поддерживать добрососедские отношения. Во-вторых, такие грамоты могли иметь адресата из представителей духовных властей по особому случаю (проведение реформы, смена иерархов церкви и др.), например, известительная грамота патриархам Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому и прочим духовным Российских и Греческих властей о Низвержении Московского Патриарха Никона со Святейшего престола за учиненные им Государю Царю Алексею Михайловичу оскорбления и непристойные сану его проступки и о содержании его в отдаленном монастыре подо надзором его и стражею во звании простого монаха¹.

Опасная, или иначе проезжая, грамота в XVII веке выдавалась иностранцам, которые направлялись в Российское государство в качестве служилых людей или послов от иностранных государей как гарант их личной безопасности, например: «Опасная грамота Государя Царя Михаила Федоровича Саксонскому профессору астрономии и географии Адаму Олеарию для свободного ему приезда в Россию»², «Опасная грамота Государя Алексея Михайловича инженеру подполковнику Ингольду Пальмштруку для приезда ему на службу в Россию»³, «Проез-

жие грамоты подъезему Никифору Винюкову»⁴ и другие. В Соборное уложение 1649 года была включена отдельная глава «О проезжих грамотах в иные государства». Кроме того, такие грамоты выдавались купцам, которые занимались внешней торговлей и везли свои товары за рубеж: «А будет кому случится ехать из Московского государства для торгового промыслу или иного какого своего дела в иное государство, с Московским государством мирное, тому на Москве бити челом государю; а в городах воеводам о проезжей грамоте, а без проезжей грамоты ему не ездить»⁵. Или: «...еси, что хочешь к нашему царскому величеству слати послов своих, и нашему б царскому величеству, по твоему, приятеля нашего, прошенью, на твоих послов прислати к тебе нашу царскую опасную грамоту. И кого к нам, к великому государю царю и великому князю... всеа Русии самодержцу, ты, приятель наш и сосед, Христьянус король, пошлешь послов своих великих, и тем твоим послам приехати к нам, к великому государю царю и великому князю всеа Русии самодержцу, в наше государство к Москве и назад от нас ехати добровольно со всеми их людьми и з животы безо всякого задержания и обиды, по сей нашей царской грамоте. А ся им наша царская грамота и опасная»⁶.

Опасными грамотами являлись и те, которые посылались из Москвы в города с предупреждением о возможной опасности нападения и с призывом принять меры по обеспечению безопасности отдельных категорий иностранных лиц. Например: «...По государеве Цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте и с Посольского приказу за подписью дьяка Максима Магюшкина 2 отпущен из Пскова к Москве Юрьева Ливонского торговой немчин Анца Ренни с сыном с Якубком да с хлопцом. А товару с собою везет на 10 лошадей со псковскими извозщиками с Олушком Ивановым с товарищи 3 поставца шарлату, 15 половинок и 2 постава аглинских сукон, 3 ... 2 бочки береманных питья шпанского, 4 бочурки меди, 4 котла. И тово юрьевского немчина Анца Ренни с сыном и с хлопцом и с товаром к Москве пропукати везде без задержанья»⁷.

¹ См.: Известительная грамота патриархам Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому и прочим духовным Российских и Греческих властей о Низвержении Московского Патриарха Никона со Святейшего престола за учиненный им Государю Царю Алексею Михайловичу оскорбления и непристойные сану его проступки и о содержании его в отдаленном монастыре подо надзором его и стражею во звании простого монаха // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. IV. М., 1826. С. 182–186.

² Опасная грамота Государя Царя Михаила Федоровича саксонскому профессору астрономии и географии Адаму Олеарию для свободного ему приезда в Россию // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. III. М., 1822. С. 388.

³ Опасная грамота Государя Алексея Михайловича инженеру подполковнику Ингольду Пальмштруку для приезда ему на службу в Россию // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. IV. М., 1826. С. 307.

⁴ См.: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб., 1862. Т. VI. С. 30–32.

⁵ Соборное уложение 1649 г. Гл. VI. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. I (1649–1675 гг.). СПб., 1830. С. 8.

⁶ См.: Опасная грамота на приезд датских послов в Москву // Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. Т. 16. С. 74.

⁷ Проезжая грамота, данная псковским воеводой Н.М. Мезецким шведскому подданному, купцу А. Ренни, на проезд с товаром в Москву // Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М. — Л., 1960. С. 294.

Институция грамот в рассматриваемый период имела свою специфику, царские титулы писались, как правило, в полном варианте и многократно: «Божиею милостью, мы великий Государь Царь и великий князь Алексей Михайлович, Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, новгородский, Царь Казанский, Царь Астараханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский...»⁸. Выработанная в грамотах институция русских царей носила важную смысловую нагрузку, делая акцент на могуществе царской власти.

Для проезда по территории транзитных государств в страну назначения дипломатам выдавались также «любительные» грамоты, которые подтверждали дружеские отношения между государствами и содержали просьбу оказывать содействие посольству. В свою очередь, русский государь также гарантировал безопасность иностранным послам: «Которые будет люди твоей земли также прилучаться в наших государствах... и мы их пожалуем, также пропустить велим безо всякого задержания»⁹.

Крестоприводные записки как вид правового документа оформляли отношения между главой государства и поступающими к нему на службу иностранцами. По сути это был договор между русским царем и лицом (лицами), присягающими ему на верность. Например, «Я, имярек, целую святое Евангелie, что мне тому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси быти мне под ево, государевою, царскою высокою рукою навеки неотступным без измены; и служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси и прями и добра хотети во всем в правду безо всякие хитрости; и его государского, здоровья оберегати, насмерть стоять, не жалея живота своего...»¹⁰.

Нередко монархи обменивались так называемыми похвальными грамотами, в которых давалось описание заслуг иностранных служилых людей, состоящих у них на службе. Например: «...объявляем сею нашею Царского Величества грамотою Великим государям, Королям, Курфюрстам, Арцы-Князям, графам и вольным го-

сподам, кому шо ведати надлежит: приезжал к нам Великому Государю к нашему Царскому Величеству служить Генерал-Порутчик Тамас Далиел и, будучи у нашего Царского Величества в нашем государстве, нам ... служил и против недругов наших стоял и бился мужественно и своих полковых людей ... управлял и к бою и к справе приводил, и все строил и делал верно...»¹¹. Видим, что, как и большинство других актов, похвальные грамоты начинались с институции, т.е. указания, от кого исходит документ и перечисления полного титула Российского монарха. В диспозитивной части в описательной форме излагались основания для «похвалы» и давалась характеристика субъекту, к которому она применялась.

Верующие грамоты содержали обращение к главе иностранного государства-контрагента как удостоверение того, что посол уполномочен выражать волю своего сюзерена, а речи и предложения его соответствуют мыслям и пожеланиям государя, его отправившего (например, Верующая грамота Царя Алексея Михайловича Римскому папе от 1671 г.).

В формуляре верующих грамот XVII в. заметно сокращение богословской преамбулы (инвокации) до формулы «Божией милостию мы пресветлейший и державнейший...». В них просматривается нивелирование молитвенных мотивов, ранее характерных для этой разновидности грамот. Что касается обозначения адресата (инскрипция), т.е. правителя, которому грамота предназначалась, то объем такого обращения зависел от статуса главы государства. Наиболее развернутую инскрипцию содержало обращение, например, к цесарю или римскому папе, сокращенную — к бранденбургскому курфюрсту или венецианскому князю. Важное место в верующих грамотах было отведено декларативному описанию причин отправки дипломатической миссии к тому или иному европейскому двору, причем к каждому из них с указанием его специфики. Далее шли положения, содержащие заверения адресата в «крепнущей любви и дружбе» между странами-контрагентами.

Диспозитивная часть таких грамот в основном носила удостоверительно-рекомендательный характер и содержала просьбу «верить»: «И что от нас учнет тебе говорити, и ты бы ему верил, то есть наши речи»¹² и просьбу о разрешении послам вернуться на родину после выполнения задач миссии. По итогам работы послов им назначалась заключительная аудиенция и вручалась ответная грамота. По сути, вручение верующих грамот являлось результатом признания и де-юре означало взаимное уважение

⁸ Опасная грамота Государя царя Михаила Федоровича вызываемая в Российскую службу городского дела подмастерья, отправленная в Голландию с тамошним торговым человеком Говортом Горерцем от 15 декабря 1631 г. // *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.* Ч. III. М., 1822. С. 344.

⁹ См.: *Русский архив. Историко-литературный сборник.* М., 1888. Выпуск 4. С. 553.

¹⁰ *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.* Ч. III. М., 1822. С. 88.

¹¹ *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.* Ч. IV. М., 1826. С. 143–144.

¹² См.: *Русский архив. Историко-литературный сборник.* М., 1888. Выпуск 4. С. 549.

двух государств. Кроме того, верющие грамоты удостоверяли представительный характер деятельности посла и играли скорее церемониальную роль.

Документ, который привозили с собой послы, вернувшиеся из дипломатических миссий других государств, назывался ответной грамотой (например, ответная грамота князя И.А. Хованского Литовскому Гетману Яну Карлу Хоткевичу от 15 августа 1615 г.¹³ и другие).

Еще одним видом межгосударственных грамот являлись полномочные грамоты, которые в отличие от верющих грамот закрепляли статус, полномочия послов. Сравнение этих двух видов грамот показало, что начальная и заключительная части в них во многом дублируются, различие можно наблюдать лишь в диспозитивной части, обладающей сложной структурой и состоящей из нескольких статей-распоряжений. Здесь мы наблюдаем достаточно стандартизированный текст, определяющий статус самой грамоты «...сея наша грамота признаваем за полномочных быть»¹⁴.

Далее полномочные грамоты содержали пожелания адресату предпринять те или иные процессуальные действия в ходе переговоров «...у тех наших великих послов, наказанные им дела выслушав, договаривать и становить похощите...»¹⁵. В заключительных нормах диспозитивной части, как правило, вводилась договорная клаузула «...что послы нашего царского величества с вашими царского величества людьми постановят и письмами утвердят, и то от нас... здержано будет крепко и непорушимо...»¹⁶. Таким образом, эти заключительные положения диспозитивной части усиливали процессуально-правовой характер данного акта.

Наказы закрепляли статус дипломатов во время посольской миссии (например, Наказ Бутурлину с товарищами¹⁷, Распоряжение об отправке гонца Тарасова к императору и наказ ему¹⁸ и другие). Они определяли цели и задачи посольства, содержали строгие предписания о сведениях, которые необходимо было собрать для Российского государства, об эталоне поведения в стране пребывания. Нередко в наказах описывались потенциально возможные ситу-

ации, которые могли возникнуть во время посольской миссии, или вопросы, которые могли быть заданы в ходе ведения переговоров. Этот вид правовых документов с учетом уже накопленного дипломатического опыта составляли дьяки Посольского приказа, а Боярская Дума определяла стратегию поведения дипломатов во время посольской миссии. Например: «...а будет с свейскими послы на съезде будут толмачи, которые прежд того бывали государевы — Анца Арповы и Анца Бракилев, или иные которые государевы толмачи, и при них государево дело делать ли и с ними говорити ль?»¹⁹. Рядом с этим вопросом было помещено боярское решение: «Бояре приговорили: отговариваться, а по самой неволе и с ними говорити»²⁰.

Еще одним видом межгосударственных актов можно считать так называемые выписки, которые содержали детализацию правил поведения представителей миссий при обсуждении отдельных вопросов (например, выписка об обрядах, которые были наблюдаемы Российским Государем на аудиенциях, при вопрошении послов, посланников и гонцов Европейских и Азиатских дворов о здоровье их владетелей²¹). Этот вид дипломатических документов отличался от проанализированных выше грамот отсутствием четко структурированного формуляра и представлял собой описание модели поведения послов на тех или иных аудиенциях, т.е. выписки носили скорее ознакомительный характер и составлялись для обобщения дипломатического опыта.

Резюмируя сказанное выше, сделаем ряд обобщений. В XVII в. на карте мира появляются новые государства, что существенно расширило географию субъектов международных соглашений. Их интересы требовали установления правил межгосударственного общения, обеспечивающих минимальный правопорядок. Россия как признанный субъект этого миропорядка ни тогда, ни сейчас не могла стоять в стороне от этих процессов. Поэтому происходит постепенная унификация порядка ведения международных отношений и связанного с ними массива нормативного материала. Наряду с документами, регламентирующими общественную жизнь внутри Российского государства, распространение получают и источники права, регламентирующие отношения между субъектами вне государственных границ — известительные грамоты, ответные грамоты, др. Все большее

¹³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. III. М., 1822. С. 137–141.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 48 (1698). Л. 10.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 9 (1697). Л. 1–2.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 48 (1698). Л. 12.

¹⁷ См.: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб, 1858. Т.V. С. 310.

¹⁸ См.: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб, 1858. Т.V. С. 586.

¹⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. III. М., 1822. С. 407.

²⁰ См.: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб., 1858. Т. V. С. 359–365.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. IV. М., 1826. С. 106.

значение приобретает договорная форма правовых документов. Так же как и актам внутригосударственного права, грамотам межгосударственного характера была свойственна устойчивая форма и унифицированные требования к их содержанию. Несмотря на то, что каждый из перечисленных видов актов оформлялся отдельно в каждую страну-контрагент с указанием имени правителя, к числу нововве-

дений при формировании их текстов можно отнести сокращение в начальной части богословской преамбулы, так называемой инвокации. Вместе с тем нельзя не отметить, что для таких актов при упоминании царствующей особы для усиления его значимости все еще было характерно сохранение уже ставших традиционными приемов повторения, шаблонности, а также описательность и чрезмерная эмоциональность.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб, 1841. Том III. 1613–1645. 538 с.
2. Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт; сост., авт. вступит. ст., коммент., подгот. А.В. Топычканов. М., 2006. 608 с.
3. Ельчанинова О.Ю. Источники русского права X–XVIII вв.: научно-методический практикум / О.Ю. Ельчанинова, Ю.В. Оспенников, А.Е. Ютяева. Самара : Издательство «АСГАРД», 2014. 332 с.
4. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб., 1858. Т. V. 674 с.
5. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. СПб., 1862. Т. VI. 866 с.
6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. I. (1649–1675 гг.). 1072 с.
7. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб. : Издание Археографической комиссии, 1897. Т. 16. 610 с.
8. Русский архив. Историко-литературный сборник. М., 1888. Выпуски 4–8. 915 с.
9. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М. — Л., 1960. 656 с.
10. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. III. 556 с.
11. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1826. Ч. IV. 678 с.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiej [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg — St. Petersburg, 1841. Volume III. 1613–1645. 538 s.
2. Bogoyavlensky S.K. Moskovskij prikaznyj apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov / отв. red. i avt. predisl. S.O. Shmidt; sost., avt. vstupil. st., komment., podgot. A.V. Topychkanov [Moscow Prikaz Structure and Records Management in XVI–XVII Centuries / editor-in-chief and author of the foreword S.O. Shmidt; compiler, author of the introductory article, comments, prepared by A.V. Topychkanov]. Moskva — Moscow, 2006. 608 s.
3. Elchaninova O.Yu., Ospennikov Yu.V., Yutyaeva L.E. Istochniki russkogo prava X–XVIII vv.: nauchno-metodicheskij praktikum [Russian Law Sources in the X–XVIII Centuries: scientific and methodological practical course]. Samara : Izdatel'stvo «ASGARD» — Samara : Publishing House ASGARD, LLC, 2014. 332 s.
4. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij s Rimskoyu Imperieyu [Records of Diplomatic Relations with the Roman Empire]. St. Petersburg — St. Petersburg, 1858. Volume V. 674 s.
5. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij s Rimskoyu Imperieyu [Records of Diplomatic Relations with the Roman Empire]. St. Petersburg — St. Petersburg, 1862. Volume VI. 866 s.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire Since 1649]. St. Petersburg — St. Petersburg, 1830. Volume I. (1649–1675). 1072 s.
7. Russkie akty Kopenhagenskogo gosudarstvennogo arkhiva, izvlechennye Yu.N. Scherbachevym [Russian Acts of the Copenhagen State Archive extracted by Yu.N. Scherbachev]. St. Petersburg : Izdanie Arkheograficheskoy komissii — St. Petersburg : Publication of the Archeographic Commission, 1897. Volume 16. 610 s.
8. Russkij arkhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik [Russian Archive. Historical and Literature Collection]. Moskva — Moscow, 1888. Issues 4–8. 915 s.
9. Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya v XVII veke [Russian-Swedish Economic Relations in the XVII Century]. Moskva — Leningrad — Moscow — Leningrad, 1960. 656 s.
10. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoj kolegii inostrannykh del [Collection of State Charters and Agreements Stored by the State Collegium of Foreign Affairs]. Moskva — Moscow, 1822. Part. III. 556 s.
11. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoj kolegii inostrannykh del [Collection of State Charters and Agreements Stored by the State Collegium of Foreign Affairs]. Moskva — Moscow, 1826. Part IV. 678 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-49-53

Юридическая терминология с компонентом «право» в истории становления российского правового государства

Ванина Татьяна Олеговна,

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Уральского филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат педагогических наук
tatyana_vanina@inbox.ru

Голощанова Татьяна Геннадьевна,

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Уральского филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат филологических наук
vasilisa5312@rambler.ru

В статье рассматриваются активные словообразовательные возможности компонента «право» в формировании юридического терминологического поля и прослеживается тесная связь между развитием правовой терминологии, отражающей менталитет русского народа, его мировосприятие и мировоззрение, и становлением российской государственности и российского права.

Ключевые слова: номинативные единицы, юридическая коммуникация, право, права, менталитет, термин, терминологическое словосочетание.

Legal Terminology with Law Component in Russian Legal State Establishment History

Vanina Tatyana O.

Assistant Professor of the Department of the Humanities and Socioeconomic Disciplines of the Ural branch of the Russian State University of Justice
Candidate of Pedagogical Sciences

Goloschapova Tatyana G.

Assistant Professor of the Department of the Humanities and Socioeconomic Disciplines of the Ural branch of the Russian State University of Justice
Candidate of Philological Sciences

Article deals with the component *право* and its active word-building capacity and ability to form the legal terminological field as well as traces a close link between the development of the legal terminology, which reflects both the mentality and worldview of the Russian people, and the formation of the Russian statehood and Russian law.

Key words: *nominative units, legal communication, law, rights, mentality, term, terminological word combination.*

Становление российской государственности и права самым непосредственным образом отражается в языке, являющемся символом и атрибутом социума на каждом этапе развития и обслуживающем его во всех сферах коммуни-

кации, в том числе и юридической (правовой). Прежде всего это касается номинативного состава русского языка.

Основной юридический дискурс являются номинативные единицы, которые имеют

стилистическую окраску официальности, что связано с употреблением терминов и терминологических словосочетаний, содержащих в себе основную понятийную сущность отдельного правового понятия.

Ядром юридического терминологического поля, помимо международных (интернациональных) номинантов, заимствованных из классических древнегреческого и латинского языков, являются так называемые исконные единицы, которые непосредственно связаны с разными этапами формирования правового русского государства и отражают менталитет народа, его морально-нравственные устои, мировосприятие, миропонимание, осознание добра, зла и справедливости. Ряд слов-терминов и словосочетаний, генетически уходящих в глубину веков, активно используются в современной правовой системе России. Это, в частности, относится к основной юридической лексеме *право* и ее словообразовательным возможностям.

Само слово *право* этимологически восходит к служившему средством общения славянских племен до V–VI веков н.э. общеславянскому языку-основе и является субстантивированным прилагательным в форме среднего рода *правъ* (правый) и значит «то, что является правильным, истинным»¹. Именно элемент «истина, правда» реализуется во всех юридических терминах, где названный компонент является структурно обязательным, словообразующим и терминообразующим: *правосудие, правосознание, правовая культура, правомочие, право на жизнь, правовед, правоограничение, правотворчество* и др.

Следует отметить, что слово *правда* также восходит к общеславянскому языку и образовано от прилагательного *правый*, исходное значение которого — «прямой, первый» — получает семантическое развитие применительно к межличностным отношениям и праву — «истинный». Общеизвестны поговорки, которые пришли из далекой древности и активно используются в наше время: *Правда светлее солнца, дороже золота; Правда в огне не горит, в воде не тонет; Правда суда не боится; Не в силе Бог, а в правде; За правду Бог и добрые люди; Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет* и т.д.

В номинативных единицах *право* и *правда* ранее выделялась приставка *пра-*, привносившая в общее лексическое значение слова элемент «перед, раньше» (буквально — знать, т.е. ведать, раньше). В словаре В.И. Даля указано, что приставка *пра-* имеет значение «предшествующий во времени, искомый, начальный»². В целом названные слова обозначали понятия, связанные с обычаями наших предков: так бы-

ло положено ранее, искони (сравните со словом-антонимом *кривда* — «ложь»).

Старославянское неполногласие *-ра-* в дальнейшем развитии нашего языка как социальной знаковой системы было заменено на полногласия *-ро-* и *-оро-*, в результате чего появились в русском языке такие этимологически связанные слова, как *порядок, порок* и производные от них.

Согласно славянской языческой мифологии существуют три стороны бытия: Явь, Навь и Правь. Первая составляющая триады (*Явь*) обозначает мир живых, саму реальную действительность. Она послужила, в частности, основой для образования номинантов *явиться, явка, явственный, наяву, явочным порядком* (т.е. без предварительного согласования или разрешения). *Навь*, наоборот, обозначает загробный, потусторонний мир. *Правь* — третья составляющая, которая стоит над первыми двумя и олицетворяет мир истины и закона, регулирующего мироздание. Таким образом, основой слова *справедливость* и его однокоренных производных лексеме явилась сема «истинность, правильность»³.

В древнерусском государстве право ассоциировалось с законом (буквально — то, что было изначально)⁴. Об этом, например, свидетельствует такой памятник древнерусской письменности, как «Русская правда», который является основой свода законов гражданского и уголовного вида и с которого начинается, в сущности, развитие княжеской юрисдикции, базирующейся на родоплеменных обычаях и традициях предков.

Необходимо отметить, что используемое в настоящее время терминологическое словосочетание *язык права*, обозначающее понятие, которое связано с использованием средств естественного литературного национально-государственного русского языка в процессе официальной юридической коммуникации, имеет семантически равноправный, генетически связанный с древнерусскими законодательными документами вариант — *язык закона*⁵.

В лингвистических источниках современного русского языка отмечается, что сама лексема *право* многозначна. В юридическом профессиональном дискурсе реализуется понятие, связанное с совокупностью устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе⁶. В то же время указывается на ее слово-

¹ См.: Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь. М.: Дрофа, 2000. С. 250.

² См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1980. С. 377.

³ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2016. С. 607.

⁴ См.: Сичинава Н.Г. Слово «закон» в древности и сегодня [Электронный ресурс]. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html

⁵ См.: Голощапова Т.Г. Русский язык в деловой документации. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. С. 9, 347.

⁶ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2016. С. 468.

образовательные возможности: *право* — первая часть сложных слов в значении «имеющий отношение к праву»⁷.

Полисемичность указанного номинанта отмечается и в юридической справочной литературе, в которой толкование слова непосредственно связано с его сущностной направленностью: *позитивное право* (объективная смысловая сторона: система обязательных правил поведения в обществе, обеспечиваемых силой его принуждения), *естественное право* (в объективном смысле — императив, стоящий над государством и законом) и *юридическое право* (субъективная смысловая сторона — вид и мера возможного поведения лица, государственного органа, народа, государства или иного субъекта)⁸.

В юриспруденции насчитывается более ста языковых единиц, в состав которых входит терминообразующий компонент *право*. В этом плане можно выделить две группы: сложные слова-термины и термины-словосочетания (терминологические словосочетания), которые не являются фразеологизмами, т.к. сохраняют подчинительную связь между компонентами, имеющими свое индивидуальное лексическое значение.

К первой группе относятся сложные слова, в которых компонент *право* входит в структуру сложного слова, т.е. является частью производной основы и выполняет функцию префиксоида (слово, выполняющее словообразующую, подобно приставке, функцию): *правопреемство, правотворчество, правонарушитель, правомерный, правоспособный, правоотношения, правопорядок, правомочие, правосудие, правотворчество* и др. Например, термин *правосознание* является категорией теории государства и права, а также криминологии, связанных со сферой общественного, группового и индивидуального сознания, отражающего *правозначимые* явления и обусловленного *правозначимыми* ценностями, представлением должного правопорядка⁹.

Вторую, наиболее многочисленную группу представляют терминологические словосочетания с компонентом *право: право авторства, право на образование, право на правосудие, право помилования, субъективное право, права женщины, права ребенка* и т.д. В этом случае смыслообразующим и главным является именно компонент *право*. Так, термин-словосочетание *право на жизнь* обозначает понятие, связанное с одним из основных прав человека, защищаемых международным правом и конституция-

ми ряда демократических государств, в том числе России¹⁰.

Отдельную группу образуют терминологические словосочетания с компонентом-прилагательным *правовой*, который обозначает определяющий признак отдельного явления или понятия: *правовая статистика, правовая помощь, правовая система, правовое государство, правовая культура, правовое регулирование* и др. Например, часто встречающийся сегодня термин *правовой нигилизм* толкуется следующим образом: одна из форм правосознания и социального поведения личности или группы, характеризующаяся отрицательным (скептическим) отношением к закону и ценностям права¹¹. Согласуемый компонент в данном случае определяет отношение отдельного лица или группы лиц к праву как регулятору общественных отношений.

В юридической коммуникации имеется ряд терминологических словосочетаний с номинантом *права*, который также в синтаксическом плане является структурно главным, образующим словосочетание: *права человека, права народов, права женщин, права ребенка*. Названный компонент, по сути, является производным от *право*, однако имеет и дополнительный семантический элемент, непосредственно связанный с правовым статусом отдельного субъекта. В частности, термин *права народов* обозначает понятие, относящееся к системе международных норм, регулирующих права и обязанности народов (и государств) как субъектов международного права¹².

Отдельно хотелось бы выделить словосочетание *право на правосудие*: комплекс конституционно закрепляемых процессуальных прав, призванных гарантировать защиту основных материальных прав и свобод человека¹³, — в котором происходит семантическое усиление описываемого нами компонента: с одной стороны, *право* выступает отдельным (главным) смыслообразующим словом в словосочетании, с другой, — является частью основы производного термина. Подобного типа тавтология (речевая избыточность), как отмечают лингвисты, в данном случае не нарушает нормы литературного языка, функционально стилистически закреплена, а в эмоционально-экспрессивном отношении термин нейтрален¹⁴.

Исконное стремление наших предков, древних русичей, к истине, добру и справедливости отразилось на целом ряде слов, которые семантически связаны со словами *право* и *права*:

⁷ Там же.

⁸ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 456.

⁹ Там же. С. 468.

¹⁰ Там же. С. 457–458.

¹¹ Там же. С. 466.

¹² Там же. С. 454.

¹³ Там же. С. 460.

¹⁴ См.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 62.

правда, правила, правление, правитель, правительство и т.п.¹⁵ В частности, заимствованные из старославянского языка слова *правило* (в значении «постановление, предписание, устанавливающие порядок чего-либо») и *правитель* (в значении «лицо, которое правит страной, государством») производны от глагола *правити* (в значении «устанавливать, наставлять»)¹⁶.

В древнерусском судопроизводстве существовал такой тип наказания, как *правеж* — насильственный порядок взыскания долга с должника путем истязания и насилия. Имелись даже так называемые *правежные выписки*, связанные с исполнением взыскания долга. Преимущественно наказание состояло в битье батогами. Телесные наказания стали применяться гораздо позже и получили свое наибольшее распространение во время правления Петра I. Исполнение разного типа наказаний послужило появлению в языке ряда фразеологизмов — например, *поставить на правеж, подлинная правда*.

Некоторые юридические термины с компонентом *право* могут вступать в синонимические отношения с латинскими номинативными единицами (латинизмами), которые пришли в русский язык гораздо позже, в основном в Петровскую эпоху, из немецкого языка-посредника, и в массе своей представляют международный словарный состав (интернационализмы): *правосудие* — *юстиция*, *правовед* — *юрист*, *правовой* — *юридический*.

Термины-синонимы тождественны в смысловом отношении, однако отличаются большей или меньшей стилистической окраской, а также семантикой, что является следствием развития и становления правового российского государства. К.С. Горбачевич, например, приводит синонимический ряд лексем с точки зрения активного и пассивного словарного состава со значением «специалист по юриспруденции (юридическим наукам), а также практический работник в области права»: *юрист* — *правовед* (устар.) — *законовед* — *законник* — *юриспрудент* (устар.)¹⁷. В качестве синонимов исследователь рассматривает разные в семантическом плане номинанты *право* (как система норм, правил поведения) и *закон* (как источник юри-

дических норм). Соотношение тождественности названных понятий является проблемным в юридической науке и уходит корнями в историческое прошлое нашего народа¹⁸. Данный экстралингвистический (внеязыковой) фактор находит свое отражение в структуре языкового синонимического ряда.

В юридической и лингвистической литературе отмечается, что латинизмы восходят к праиндоевропейскому языку — *ius, iuris*, что значит «право, справедливость». В некоторых терминологических словосочетаниях в настоящее время официально закреплены номинанты, генетически восходящие к латинскому языку (например, *юридический* и *юрисдикция*), несмотря на наличие исконно русского синонима: *юридическая наука, юридическая ответственность, юридическая техника, юридический адрес, юридическое лицо, юрисдикция государства, юрисдикция международная, юрисдикция национальная* и др. По всей вероятности, с одной стороны, это связано с тем, что латинизмы носят более официальный оттенок, чем их русские синонимические варианты и, как считает И.Б. Голуб, способствуют более точному выражению мысли¹⁹. С другой — они имеют интернациональный характер, что способствует развитию международной правовой системы, укреплению межгосударственных отношений и эффективному противодействию ряду преступлений транснационального типа (таким как торговля оружием, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, работорговля).

В то же время официально закреплены термины с компонентом *право* и его производными. Так, в терминах-словосочетаниях *правовая семья, правовая система, правовая информация* компонент-прилагательное, невзирая на наличие синонима *юридический*, закреплен в своем исконном виде. Прежде всего это связано с менталитетом русского народа, который в слове *право* отразил понятие об истинности всего сущего в мире.

Таким образом, роль компонента *право* (равно как и *права*) в формировании юридической терминологической базы достаточно активна, поскольку они непосредственно отражают позитивную духовную культуру народа, его морально-нравственную мотивацию и становление российской гуманно направленной правовой государственности.

¹⁵ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1980. С. 377–380.

¹⁶ См.: Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. С. 250; Этимологический словарь русского языка. СПб.: Виктория плюс, 2004. С. 314; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2016. С. 467, 468.

¹⁷ См.: Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. М.: Изд-во «Эксмо», 2006. С. 536.

¹⁸ См.: Право и закон: понятие, соотношение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawplan.ru/lawds-1580-1.html>

¹⁹ См.: Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 28–29.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 2001. 704 с.
2. Голощапова Т.Г. Русский язык в деловой документации / Т.Г. Голощапова. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. 356 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. М. : Айрис-пресс, 2003. 448 с.
4. Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка / К.С. Горбачевич. М. : Изд-во Эксмо, 2006. 608 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т. 3. М. : Русский язык, 1980. 555 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. М. : Мир и Образование, 2016. 736 с.
7. Право и закон: понятие, соотношение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawplan.ru/lawds-1580-1.html>
8. Сичинава Н.Г. Слово «закон» в древности и сегодня / Н.Г. Сичинава [Электронный ресурс]. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html
9. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М. : Дрофа, 2000. 400 с.
10. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Виктория плюс, 2004. 432 с.

References

1. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. A.Ya. Sukhareva, V.E. Krutskikh [Big Law Dictionary / edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh]. Moscow : INFRA-M — INFRA-M, 2001. 704 s.
2. Goloschaporova T.G. Russkij yazyk v delovoj dokumentatsii [The Russian Language in Business Documentation]. Chelyabinsk : Izdatel'skij tsentr YuUrGU — Chelyabinsk : Publishing house of the South Ural State University, 2014. 356 s.
3. Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian Language]. Moskva : Ajris-press — Moscow : Ajris-Press, 2003. 448 s.
4. Gorbachevich K.S. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moskva : Izd-vo «Eksmo» — Moscow : Eksmo publishing house, 2006. 608 s.
5. Dal V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Volume. 3. Moskva : Russkij yazyk — Moscow : Russian Language, 1980. 555 s.
6. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moskva : Mir i Obrazovanie — Moscow : World and Education, 2016. 736 s.
7. Pravo i zakon: ponyatie, sootnoshenie [Elektronnyj resurs] [Law and Act: Notion, Correlation [Electronic resource]] URL: <http://www.lawplan.ru/lawds-1580-1.html>
8. Sichinava N.G. Slovo «zakon» v drevnosti i segodnya. [Elektronnyj resurs] [The Word “Law” in Ancient Times and Today [Electronic resource]]. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html
9. Shansky N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyj etimologicheskij slovar'. Proiskhozhdenie slov [School Etymological Dictionary. Word Origin]. Moskva : Drofa — Moscow : Drofa, 2000. 400 s.
10. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg : Viktoriya plus — St. Petersburg : Viktoria Plus, LLC, 2004. 432 s.

Уголовная политика России: генезис и современность

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права
и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
romashov_tgp@mail.ru*

Автор сквозь призму времени рассматривает уголовную политику России.

Ключевые слова: современное понимание политики, общая характеристика уголовной политики, этапы становления отечественной уголовной политики.

Russian Criminal Policy: Origin and Present-Day State

Romashov Roman A.

*Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg University
of Humanities and Social Sciences*

Doctor of Law, Professor

Honored Scientist of the Russian Federation

The authors reviews Russian criminal policy in the retrospect of time.

Key words: modern understanding of policy, general characteristics of criminal policy, national criminal policy establishment stages.

1. Современное понимание политики

Политика — инструментальный способ организации общества и управления им.

Форма осуществления политики — властеотношения.

Властеотношения — форма юридически значимых социальных отношений, в основу которых положен принцип функционального неравенства сторон. В рамках политических отношений одни повелевают, другие веляниям подчиняются.

Субъектный состав властеотношений образуют субъекты, наделенные властными полномочиями, и субъекты, обязанные исполнять обращенные к ним властные предписания. Субъекты власти обеспечивают свою деятельность за счет легального принуждения, одним из инструментов которого является уголовная политика.

Возникает вопрос: является ли субъектом политической деятельности государственно организованный народ?

В формальном плане (по конституции) — российский народ является единственным источником государственной власти и коллективным носителем государственного суверенитета, вместе

с тем на практике народ — общество представляет собой абстрактное явление, не способное выступать в качестве реального субъекта любых, в том числе политических, отношений. Современная ситуация с позиционированием народа в качестве носителя публичной политической власти аналогична той, которая была в СССР, где народ объявлялся коллективным собственником государственного (общенародного) имущества. Проведенная приватизация наглядно доказала, что в качестве собственников большинство россиян себя не воспринимают. Кстати, примерно такая же ситуация сложилась в Российской Империи после отмены в 1861 г. крепостного права. Несвободного человека нельзя сделать свободным по «указу сверху». Человека, отделяющего себя от государства и считающего себя «винтиком», от которого в политике ничего не зависит, нельзя одномоментно превратить в свободного гражданина свободной страны, осознающего себя не только послушным инструментом власти, но и ее неотъемлемой частью.

Российская политика на всех этапах своего становления основывалась на разграничении власти и общества.

В Российской империи: император — подданные. Подданный ни при каких условиях не сможет стать законным императором.

В СССР: коммунистическая партия — народ. Во главе государства не могут находиться люди, не являющиеся коммунистами.

В Российской Федерации: замкнутая на фигуре президента бюрократия — народ. Теоретически главой государства может стать любой российский гражданин, независимо от пола, профессии, религии и т.п. Вместе с тем на практике властная номенклатура становится все более изолированной от народных масс. Вывод «новых игроков» на политическую арену является прерогативой президента и его администрации, а не населения соответствующих регионов и страны в целом.

Таким образом, следует констатировать, что на практике в России народ на всех исторических этапах выступал не в качестве субъекта политической власти, а как объект публичного управления, жизнедеятельность которого всегда определялась «высшей волей», неосознанное сопротивление которой в ряде случаев выливалось в «слепые и беспощадные русские бунты», представлявшие так называемые «конфликты безысходности», по сути своей изначально обреченные и деструктивные.

Именно отделенностью народа от власти следует объяснять практически моментальное разрушение механизмов российского и советского государств, соответственно в 1917 и в 1991 гг. Говорить о том, что в современной России подобный сценарий будущего развития в принципе невозможен, конечно можно, однако, на мой взгляд, опрометчиво и самонадеянно.

2. Общая характеристика уголовной политики

Уголовная политика — управленческая деятельность в сфере профилактики преступности; уголовного преследования; уголовного правосудия; исполнения уголовно-правовых наказаний и ресоциализации осужденных.

Функции уголовной политики: научно-теоретическая; прикладная; прогностическая.

Научно-теоретическая: определение понятий (уголовная политика, преступление, преступность, субъект преступления и т.п.); выяснение наиболее общих закономерностей развития преступности и ее взаимодействия с политико-правовой системой; определение оптимальных средств и методов противодействия преступности, в том числе за счет разработки модельных нормативно-правовых актов в данной области.

Прикладная: объективная оценка современного состояния преступности и системы антикриминальной деятельности; оптимизация существующей правоохранительной системы и системы уголовного правосудия.

Прогностическая: разработка достоверных сценариев развития преступности и определение наиболее эффективных механизмов противодействия ей в обозримом будущем.

Структура уголовной политики — криминологическая; общепреventивная; материальная; процессуальная; оперативно-розыскная; уголовно-исполнительная; правовосстановительная.

3. Этапы становления отечественной уголовной политики

Восприятие уголовной политики в качестве динамического системного явления, развивающегося в гео-социальном и хронологическом измерениях, позволяет выделять следующие этапы становления и развития уголовной политики российского государства:

- архаический (IX–XVI вв.);
- имперский (XVI–XX вв.);
- советский (1917–1991 гг.);
- российский (постсоветский) (1992 — по н/вр).

Архаический этап характеризуется бессистемностью уголовного права и уголовного процесса. Первоначально основополагающим принципом ответственности за совершенные преступления являлся принцип талиона (равным за равное), легализующий месть и самосуд.

Попытки упорядочить процесс назначения и реализации уголовной ответственности осуществлялись русскими князьями, воплощались в правдах, выполнявших наряду с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными иными регулятивными и охранительными функциями. При этом в рамках архаического периода не имеет смысла говорить о государственной уголовной политике, поскольку не существовало единого русского (российского) государства, равно как и отраслевого деления в существовавшем на тот момент законодательном материале.

Имперский этап отечественной уголовной политики связан с формированием национального русского государства (Московское княжество, Царство всея Руси, Российская Империя); приходом на царствие династии Романовых; включением РПЦ в государственный механизм.

Для государства Российской империи характерны следующие признаки, имеющие определяющее значение для формирования и осуществления уголовной политики:

- легальная иерархия во всех сферах социально-политической жизни (император — подданные, русские — инородцы, благородные — простолюдины, муж — семья, государственное православие — допустимые/недопустимые религии и т.п.);
- РПЦ является структурно-функциональным элементом государственного механизма;
- основой национальной экономики является сырьевая база и сельское хозяйство;

— освоение государственной территории преимущественно поселково-деревенскими образованиями (по данным 1913 г. из общего числа жителей — около 175 млн чел. в городах проживало всего около 25 млн чел., около 14% от численности всего населения). Для сравнения: в современной России проживает около 146,5 млн чел., из которых 74% — горожане.

Говорить о системной уголовной политике в Российской империи следует начиная с XIX в.

В 1819 г. в структуру МВД входит Министерство полиции, и данная структура приобретает собственно полицейский (уголовно-административный, охранительно-репрессивный) характер, сохранившийся вплоть до настоящего времени.

В 1836 г. создается Отдельный жандармский корпус (прообраз современного ФСБ).

В 1845 г. принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, по сути своей представляющее первую кодификацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

В уложении дается определение преступления: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление».

Разграничиваются преступления и проступки, последние представляют собой «Нарушения правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы». По сути в данном случае речь идет об административных правонарушениях, которые в рассматриваемый период не отделялись от уголовных противоправных деяний. В Уложении осуществляется дифференциация уголовных и исправительных наказаний. Основной целью первых являлась кара преступника, вторые были ориентированы на возможное исправление и ресоциализацию лица, подвергающегося наказанию. При этом социальная неоднородность общества предполагала деление осужденных на благородных (изъятых от наказаний телесных) и простых (не изъятых).

Статус православия в качестве государственной религии обуславливал законодательное закрепление уголовной ответственности за «преступления против веры...». В частности, ст. 182 определяла: «Кто дерзнет публично в церкви с умыслом возложить хулу на ...бога или ...богородицу, или ...на бесплотные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображения, тот подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках на время от 12 до 15 лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетью чрез палачей, с наложением клейм». Ст. 190: «За отвлечение... от христианской веры православного или другого исповедания в веру

магометанскую, еврейскую или иную не христианскую виновный приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от 8 до 10 лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетью... с наложением клейм».

В 1861 г. отменяется крепостное право, а в 1864 г. утверждается судебная реформа, предусматривающая глобальную модернизацию судебной системы.

В 1879 г. в составе МВД выделяется Главное тюремное управление.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Российской империи формируется достаточно четко структурированная организационная основа государственной уголовной политики.

Говоря о тенденциях состояния преступности в рассматриваемый период, следует прежде всего обратить внимание на ускоренную капитализацию экономики, рост промышленного производства и урбанизацию общества, обусловившую массовую миграцию деревенского населения в города. Обратной стороной социально-технического прогресса являлась криминализация общественных отношений. Оторванные от земли крестьяне, превращаясь в люмпен-пролетариев, представляли собой питательную среду для преступного мира. Наглядным подтверждением взаимосвязи социально-экономических преобразований и роста криминальной активности является судебная статистика. Если в 1874 г. обвинительные приговоры были вынесены судами в отношении 58 тыс. осужденных, то в 1912 г. их было уже 180 тыс.

Уголовная политика Российской империи в функциональном смысле была представлена тремя основными направлениями: противодействием общеуголовной, политической и религиозной преступности. При этом то обстоятельство, что непосредственно с государственной властью, как правило, боролись представители «благородных» социальных слоев (дворяне, разночинцы), предопределило более гуманное отношение со стороны государственной правоохранительной системы к «политическим» преступникам по сравнению с «простыми уголовниками».

Деление населения Империи на русских и инородцев обуславливало сочетание имперского законодательства и судопроизводства с официально допускаемыми национальными традициями и судами, действовавшими в зонах компактного расселения (оседлости) «инородческих» национальностей. При этом само понятие «русский» носило не национальный, а конфессиональный характер, означая наименование лиц, исповедующих православие. Для того чтобы стать русским в Российской империи, достаточно было пройти обряд крещения и тем самым засвидетельствовать свою принадлежность к вере православной и русскому народу.

Советская политико-правовая система, в отличие от имперской, провозгласила в качестве основополагающего принципа государственного и общественного устройства — всеобщее равенство. В соответствии с этим принципом уничтожалось сословное структурирование общества и уравнивались социальные статусы. Принадлежность к эксплуататорским классам рассматривалась в качестве отягчающего обстоятельства и обуславливала использование в отношении «бывших» средств «красного террора». Мужчина уравнивался в правах с женщиной, а сам институт брака, утратив религиозную сакральность, стал государственным институтом, что предопределило активное вмешательство государства в организацию семейных отношений. Религия, объявленная «опиумом для народа», фактически находилась вне закона, а единственной государственной идеологией, насильственно насаждаемой всем слоям населения, являлся проповедуемый коммунистической партией марксизм-ленинизм.

Сам факт рождения советского государства связан с событием, которое любое традиционное государство рассматривает в качестве особо опасного преступления — насильственного захвата государственной власти. ВКП(б), которая до революции имела статус, говоря современным уголовно-правовым языком, организованного преступного сообщества, после одержанной в ноябре 1917 г. победы, превратилась в «направляющую и организующую силу», что предопределило «перерождение» в индивидуальном и общественном правосознании. Люди, которые в «прошлом государстве» рассматривались как преступники, стали субъектами государственной власти, соответственно, совершенные ими преступления стали оцениваться как героические поступки, а сами они стали выступать в качестве субъектов, определяющих как содержание государственной политики (в том числе в уголовно-правовой сфере), так и методы ее практического воплощения. Признание главенствующим социальным сословием (классом) пролетариата обусловило изменение отношения государства к личности преступника. В то время как «простой уголовник», будучи представителем «близкого по духу» к «идеологически подкованному пролетарию» люмпена, воспринимался «новой» властью в качестве «заблудшего», подлежащего перевоспитанию потенциального товарища, отношение к «политическим», представлявшим собой контрреволюционные круги, было кардинально иным. Это были классовые враги, подлежащие либо уничтожению, либо «перековке». В любом случае, отношение к уголовной преступности на всех этапах развития советского государства было более мягким и терпимым, нежели к представителям радикальной политической оппозиции.

Формирование и осуществление уголовной политики советского государства на различных

исторических этапах отличались как по юридическому составу, так и по содержанию проводимых в рамках реализации тех или иных политических курсов мероприятий. Представляется целесообразным выделять следующие периоды становления, конструктивного и деструктивного развития советской уголовной политики:

- революции, гражданской войны, военного коммунизма (1917–1921 гг.);
- НЭПа (1921–1928 гг.);
- раскулачивания, индустриализации, коллективизации (1928–1934 гг.)
- массовых репрессий (1934–1938 гг.);
- предвоенного и военного времени (1939–1945 гг.);
- «сталинской стабилизации» (1946–1953 гг.);
- реабилитации и либерализации (1954–1964 гг.);
- «брежневской стабилизации (стагнации)» (1964–1982 гг.);
- кризиса и деформации социалистического государства и права (1982–1991 гг.).

Отмечая существенные организационные и содержательные отличия перечисленных этапов, следует вместе с тем констатировать, что общим для всех них фактором являлась ярко выраженная идеологическая природа, предопределявшая безусловный приоритет государственной политики, а точнее — государственной целесообразности по отношению к формальному уголовному праву. В условиях советского периода государство (а не право) определяло, какое поведение является преступным, а какое — правомерным. То же самое было и в области определения субъектов преступления и наказания, а также в сфере взаимодействия национального (социалистического) и международного права.

Оценка советского социалистического права как идеологического по своей природе, вместе с тем не носит сугубо критического характера. Советская государственно-правовая система по ряду факторов характеризовалась достаточно значимыми передовыми достижениями, многие из которых на современном этапе, к сожалению, утрачены. В частности, статус СССР как федеративного государства предопределял двухуровневую систему федерального законодательства. В нормативном массиве уголовного законодательства такая двухуровневость была представлена сочетанием общих положений, закрепляемых на федеральном уровне, Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик и привязанных к региональным особенностям национальных субъектов республиканских уголовных кодексов. Такая система, по крайней мере на формальном уровне, свидетельствовала о существовании советского федерализма и позволяла говорить как об общесоветской, так и о региональной уголовной политике.

Современный период развития российской уголовной политики непосредственным образом связан с этапом становления и развития России в качестве самостоятельного суверенного государства. Объявив себя правопреемником СССР, Российская Федерация одновременно провозгласила отказ от системы «советских ценностей» в наиболее важных сферах общественного устройства и общественной жизнедеятельности. На конституционном уровне получили свое закрепление ценности и приоритеты, характеризующие правовую культуру Запада, среди которых первичным составным элементом выступает человек, его права, свободы, законные интересы. Однако любая декларация, не подкрепленная действенной системой юридических гарантий и санкций, не несет в себе реального правового значения. С этим мы уже сталкивались в тридцатых годах прошлого века, когда самая демократическая в мире Конституция «страны победившего социализма»

спокойно уживалась с политикой массовых репрессий и «большого террора», проводимой государством в отношении собственного народа. Современная Россия, на формальном уровне продемонстрировавшая свое стремление влиться в состав международного сообщества и позиционирующая себя в качестве государства с европейской правовой культурой, на практике продолжает претендовать на сохранение имперской роли в современном мироустройстве. Подобная противоречивость и стратегическая неопределенность придает государственной политике (в том числе в сфере формирования и функционирования антикриминального права), в достаточной степени непоследовательный («суетливый») характер, что в свою очередь не позволяет с достаточно большой степенью вероятности определять среднесрочные и долгосрочные перспективы политико-правового развития России и существенным образом осложняет эффективное противодействие криминальным тенденциям.

DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-59-64

Влияние средневекового юридического наследия на форму, политику и правовую систему современных славянских государств

Серегин Андрей Викторович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
andrei-seregin@rambler.ru

Статья посвящена анализу юридического закрепления современными славянскими государствами средневековых политико-правовых истоков национального суверенитета. Автор приходит к выводу, что в Конституции Российской Федерации необходимо закрепить преемственность с советским, императорским, царским и княжеским периодом отечественной истории, отказаться от ложного положения о восстановлении суверенитета России в 1993 г., а также дополнить программу высшего юридического образования дисциплинами славянское право и юридическая славистика.

Ключевые слова: средневековье, славяне, форма государства, славянское право, юридическая славистика.

Influence of Medieval Legal Heritage on Form, Politics and Legal System of Contemporary Slavic States

Seregin Andrey V.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Southern Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor

This article analyzes the legal consolidation of the modern Slavic States of medieval legal and political origins of national sovereignty. The author comes to the conclusion that the Constitution of the Russian Federation it is necessary to fix the continuity with the Soviet, Imperial, Royal and princely period of Russian history, to abandon the false position on the restoration of the sovereignty of Russia in 1993, and Supplement the program of legal education disciplines Slavic Law and Legal Slavic Studies.

Key words: the Middle Ages, the Slavs, the form of the state, Slavic law, legal Slavic studies.

В современных геополитических условиях информационной войны, ведущейся против славянских народов, неоднократно в истории терявших и восстанавливавших свою государственность, особую ценность приобретает их культурно-юридическое наследие. Так, сербы, болгары и хорваты, воюя между собой, не смогли объединиться против османского вторжения, поэтому они более четырех сот лет не имели собственной государственности. Истоки религиозной вражды были посеяны Ватиканом и Константинополем, и ее «всходы» использовались США и его союзниками по НАТО при уничтожении СФРЮ в конце XX в. Реваншистские идеи по созданию Речи Посполитой от моря до моря приводили лишь к утрате или ослаблению поль-

ской государственности, но, к сожалению, они не изжиты и сегодня. К сожалению, после развала Советского Союза в 1991 г. восточнославянские народы оказались в состоянии новой «удельной раздробленности», которая привела к обострению внешнеполитической обстановки в мире: появились новые очаги нестабильности: в Приднестровье славянское население провозгласило независимость Приднестровской Молдавской Республики от прорумынски ориентированной Молдавии; на Донбассе, не признав силовой переворот в Киеве 2014 г., образовались Луганская Народная Республика и Донецкая Народная Республика, ориентирующиеся на союз с Россией и Белоруссией. Украина провозгласила путь на евроинтеграцию, дерусификацию

и декоммунизацию, что привело к началу гражданской войны на ее территории и воссоединению Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией в 2014 г.

В связи с этим особо актуализируется вопрос о поиске оптимальной модели модернизации формы российского государства, но его успешное решение невозможно без учета историко-правового опыта политического генезиса всей славянской государственности. В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию России от 12.12.2012 отмечается, что «для возрождения национального сознания нам нужно связать водию исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917 г. и даже не с 1991 г., что у нас единая, неразрывная, тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития»¹. Вместе с тем в самой преамбуле российской конституции содержится исторически ложная информация о возрождении суверенной государственности России в 1993 г, что является унижением для ее граждан. РСФСР имела суверенитет в составе СССР. Россия — правопреемница Советского Союза — страны-победительницы во Второй мировой войне. Кроме того, российскому государству как минимум более 1150 лет, если считать от летописного призвания князя Рюрика в 862 г. от Р.Х. По существу, мы имеем правовую диверсию конституционного масштаба, сводящую Россию на уровень молодого «несмышленного» государства, не имеющего своих корней. Поэтому в преамбуле Конституции Российской Федерации важно описать историческое правопреемство современной России с более чем тысячелетней историей Руси, русского народа и государства.

Кроме того, научный интерес к изучению закономерностей и процессов эволюции формы славянских государств обусловлен следующими объективными факторами.

Во-первых, славянские народы и государства в современной Европе занимают большую половину ее территории, являясь по численности самой крупной этнонациональной и языковой группой, насчитывающей более 270 миллионов человек (второе место разделяют германские и романские, или латинские, народы, число каждого из которых составляет примерно по 190 млн человек). Аналогичное геополитическое состояние в Европе достоверно сложилось к 900 г. н.э., когда славяне расселились на обширных пространствах от рек Эльбы (Лабы) и Зале на Западе до Верхней Волги на Вос-

токе, от Балтийского моря, озера Ильмень и Приладожья на Севере до ославяненного Балканского полуострова на Юге, омываемого Адриатическим, Эгейским и Средиземным морями². На сегодняшний день можно выделить три ветви славянских народов, сформировавшихся в условиях самобытной средневековой государственности: 1) восточные славяне — русские: великороссы, украинцы (малороссы), русины, белорусы и казаки — все они то объединялись в единый государственный организм, то вновь развевались по самостоятельным удельным княжествам (Древнерусская держава Рюриковичей, Новгородская земля, Владимиро-Волынское княжество, Московское государство, Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское); 2) западные славяне (поляки, кашубы, чехи, словаки, сорбы или лужичане, силезцы) — из них только чехи и поляки имели средневековую государственность, причем Польша постоянно соперничала с Москвой за главенство в славянском мире (в Преамбуле Конституции Республики Польши 1997 г. указывается на преемственность власти от Первой и Второй Речи Посполитой к Третьей³); 3) южные славяне (болгары, сербы, черногорцы, словенцы, хорваты, македонцы, боснийцы) — выросли из трех государственных образований балканских славян: Королевств Хорватии и Сербии, а также Болгарского царства. При этом Конституция Республики Хорватия 1990 г. (в ред. 1997 г.) определяет исторические основы национальной державности начиная с хорватских княжеств VII в.⁴, что служит важным идеологическим аргументом в борьбе за самобытную суверенную государственность в современных геополитических реалиях.

Во-вторых, провозглашение современными славянскими странами принципов демократизма и республиканизма основами их конституционного строя стимулирует необходимость научной оценки вехового опыта народовластия как в условиях сильной, так и слабой княжеской или королевской власти⁵.

В-третьих, средневековая действительность была весьма богата примерами государ-

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kremlin.ru/tvents/president/news/17.118

² Хизер Питер. Великие завоевания варваров. Падение Рима и Рождение Европы / пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. М.: Центрполиграф, 2016. С. 518.

³ Конституция Республики Польша 1997 г. // Конституции зарубежных стран. Сборник. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2000. С. 290.

⁴ Конституция Республики Хорватия 1990 г. (в ред. 1997 г.) // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств: учебное пособие / под ред. И.А. Сизько; ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал). М., 2017. С. 261.

⁵ Серегин А.В. Форма средневековых славянских государств: монография. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2017. С. 8.

ственной интеграции в рамках империй и уний с сохранением значительной автономии объединяющихся субъектов, что может явиться отправной точкой к объединению славянских народов, имеющих огромный политико-исторический, юридический опыт единой государственности в границах Московского царства, Великого Княжества Литовского, Русского и Жмудского, Речи Посполитой или, по крайней мере, будет способствовать добрососедским межгосударственным отношениям. Примером современных интеграционных процессов может служить создание Союзного государства между Беларуссией и Российской Федерацией⁶.

В-четвертых, славянские государства, как правило, имеют общую государственно-правовую историю, например, для России, Беларуссии и Украины — истоки государственности происходят из Киевской Руси; для Чехии и Словакии — из Великой Моравии и т.д. В ходе исторического развития славянские государства влияли друг на друга. Например, оплотом культа Свентовита считалась Аркона на острове Рюгене, куда приплывали паломники из всех частей огромного славянского мира. Здесь они обучались древней мудрости, идеалам которой они приносили в родные края. После крещения Болгарии христианские богослужебные книги распространялись при поддержке царя Симеона не только на Балканах, но и в Великоморавской державе. Благодаря тому что чешский король Вячеслав стал монархом Польши, ряд институтов чешского права был воспринят поляками, например, судебные книги (чешские доски), городские суды, должности старост (поправцов в Чехии)⁷. В 1219 г. сербским святым Саввой (младшим сыном Великого князя Стефана Немани) был составлен уникальный церковно-гражданский кодекс — Законоправило (Номоканон или Кормчая книга), ставший источником средневекового права Сербии, Болгарии и России⁸. Номоканон делился на 70 глав: 6 вводных, 44 содержащих религиозные правила и 20 — светских, регулирующих гражданское и уголовное право, а также судопроизводство. Под влиянием Польского королевства в начале XIV в. н.э. Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское закрепило юридические гарантии имущественного положения вдов и де-

тей, являющихся наследниками соответственно умершего мужа и отца⁹.

В-пятых, с юридической точки зрения в преамбуле Чешской Конституции 1992 г. говорится о верности чешского народа традициям государственности земель Короны чешской¹⁰, сложившейся в средневековую эпоху; в преамбуле Конституции Республики Словакии 1992 г. подтверждается следование заветам святых братьев Кирилла и Мефодия, а также Великоморавской державы¹¹; в Акте провозглашения независимости Украины, утвержденном Постановлением Верховной Рады Украинской ССР «О провозглашении независимости Украины» от 24 августа 1991 г. № 1427-Х4, констатируется тысячелетняя традиция создания украинского государства¹², а в ст. 2 Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. императивно постулируется, что «Суверенитет РСФСР — естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции»¹³. О многовековой истории развития белорусской государственности отмечается в преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 г.¹⁴ На преемственность правовой традиции со Статутами Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского, написанными на древнерусском языке, ориентирует преамбула Конституции Литовской республики 1992 г.¹⁵ В скульптурном ансамбле «Тысячелетие России» установленном в честь десятивекового

⁶ Договор о создании Союзного государства 2000 г. // Российская газета. 2000. 29 января. С. 6.

⁷ Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств: Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете 1913–1914 акад. г. Ч. 1. История чешского права. Ч. 2. История польского права. Ч. 1–2 / Ф.Ф. Зигель. Варшава: Типография «Русского Общества», 1914. С. 6.

⁸ Митровић Б. КолоВени (СлоВени) и континуитет културе и права. Београд — Москва — Санкт Петербург, 2008. С. 493.

⁹ Ермолович В.И. Наследование по закону в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы (сравнительный анализ) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2017. Том 4 № 2. Апрель — Июнь. С. 27.

¹⁰ Конституция Чешской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-cheskoy-respubliki

¹¹ Конституция Словацкой Республики 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-slovakoy-respubliki

¹² Постановление Верховной Рады Украинской ССР «О провозглашении независимости Украины» от 24 августа 1991 г. № 1427-Х4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: old.ua-today.com/modules/myarticles/article_storyid_35569.html

¹³ Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

¹⁴ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-respublika-belarus

¹⁵ Конституция Литовской Республики 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: legalportal.am/download/constitutions/129_ru.pdf

юбилея российской государственности в 1862 г. в Великом Новгороде, среди великих деятелей русской государственности располагаются князья Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского (Жемойтского): Гедимин, Ольгерд, Витовт и Кейстут.

В-шестых, особое внимание следует уделить генезису и эволюции элементов формы древнерусского государства: от создания Державы Рюриковичей до избрания новой правящей фамилии — Романовых; связано это с тем, что непрерывную нить государственности не только в средние века, но и вплоть до настоящего времени можно проследить лишь от Киева к Владимиро-Суздальскому княжеству и далее от Залесской Руси к Московскому царству, Российской империи, РСФСР, СССР и Российской Федерации. Представленная цепочка преемственного развития отечественной государственности основана на том, что Конституция Российской Федерации 1993 г. специально декларирует в своей преамбуле, что основной закон был принят многонациональным народом, соединенным общей судьбой на своей земле, для сохранения исторически сложившегося государственного единства¹⁶. Историко-правовой фундамент политико-управленческого опыта построения формы российской государственности позволяет ей уверенно смотреть в будущее в качестве великой державы члена Совета Безопасности ООН, имеющей право вето, а также не быть интеллектуальным и идеологическим «пасынком» иных стран.

В-седьмых, в ряде славянских государств (Украина, Польша, Босния и Герцеговина и др.) создается мифическая, идеализированная история эволюции формы их государственности, призванная посорить народы на почве националистических и шовинистических идеологий. Для этого, так же как и в средние века, используется разжигание религиозной вражды: например, на Балканах противопоставляют католиков хорватов и православных сербов, мусульман боснийцев и христиан сербов; на Украине сталкивают католиков и униатов с православными и т.д. Поэтому важно именно сейчас дать объективную научную оценку государственно-правовым режимам, сложившимся в средневековых славянских державах, что позволило бы преодолеть современные юридические и политические предрассудки, создав культурно-правовую основу к сохранению общего государственно-юридического наследия.

В-восьмых, в современной исторической науке существует два взаимоисключающих положения, которые, по мысли Б.Т. Митрови-

ча¹⁷, состоят в том, что, продолжая средневековую традицию в XXI в. н.э., остепененные мужи сербов и всех южных славян по-прежнему учат догме о переселении их предков на Балканы с севера в VI–VII столетии н.э.¹⁸, а русским параллельно доказывают в качестве безусловно-го факта исход дунайских славян на Днепр в тот же самый промежуток времени. Безусловно, эти летописные свидетельства должны быть проверены особенно скрупулезно, на основе скептического анализа всех имеющихся доказательств.

В-восьмых, особо необходимо отметить, что «этимологическое сходство терминов «русы» (руяны) и «прусы», история «прусов-кривичей»... генерирует внимание к истории западных славян, онемеченных в результате «крестового похода» Тевтонских рыцарей, а частью мигрировавших на Восток, как например, Андрей Кобыла — родоначальник царствовавшей в России династии (Романовых. — *Авт.*). И с учетом того, что Калининградская область является неотъемлемой частью Российской Федерации, изучение западнославянских корней приобретает политическое и идеологическое значение, детерминируя нахождение этой территории в составе нашей страны не только результатами Второй мировой войны, но и давними историческими предпосылками. Равно как возвращение Крыма в состав России обосновывается не только результатами референдума (юридический аспект и общественный), но и особым значением города-героя Севастополя в русской истории, крещением великого князя Владимира в Корсуни, Тмутараканским периодом, а также нахождением русской армии на полуострове со времен Суворова¹⁹. В этой связи особого внимания заслуживает предложение П.В. Мульатули и Л.М. Воробьева переименовать город Калининград в Романов-на-Балтике, чтобы нейтрализовать идеи германского реваншизма и польско-литовского национализма, направленные на формирование у населения Калининградской области России особого балтийского самосознания с сепаратистскими политическими целями²⁰. В геостратегическом плане более эффективно было бы переименовывать не административный центр субъекта Федерации, а название самой Калининградской области на Русскую область.

¹⁷ Митрович Б.Т. Первоначальное значение слова «Москва» и русское происхождение российской государственности, КолоВения. Белград, М., 2014. С. 22.

¹⁸ Иванников И.А. Теория происхождения древнерусского государства // История государства и права. 2007. № 24. С. 22–26.

¹⁹ Небрятенко Г.Г. Славянское происхождение древнерусского государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. № 1 (7). С. 21.

²⁰ Мульатули П.В., Воробьева Л.М. Священное имя русской Пруссии / П.В. Мульатули, Л.М. Воробьева; Рос. Ин-т стратег. исслед. М. : РИСИ, 2015. С. 98.

¹⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

В-девятых, для победы в информационной войне российские юристы должны изучать не только римское право, но и **славянское право**, которое преподавалось в дореволюционных вузах Российской империи в качестве обязательной дисциплины.

В-десятых, необходимо создать **юридическую славистику**²¹, изучающую наибо-

лее общие закономерности существования государства, права, различных государственно-правовых явлений, аксиом и политико-идеологических установок, определяющих геополитическую стратегию развития славянских народов.

²¹ Серегин А.В. О необходимости возрождения юридической славистики в современной Российской

Федерации // Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2015. № 1 (3). С. 61–65.

Литература

1. Ермолович В.И. Наследование по закону в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы (сравнительный анализ) / В.И. Ермолович // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2017. Том 4. № 2. Апрель — Июнь. С. 22–33.
2. Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств: Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете 1913–1914 acad. г. Ч. 1. История чешского права. Ч. 2. История польского права. Ч. 1–2 / Ф.Ф. Зигель. Варшава : Типография «Русского Общества», 1914. 201 с.
3. Иванников И.А. Теория происхождения древнерусского государства / И.А. Иванников // История государства и права. 2007. № 24. С. 22–26.
4. Митровић Б. КолоВени (СлоВени) и континуитет културе и права / Б. Митровић. Београд — Москва — Санкт Петербург, 2008. 751 с.
5. Митрович Б.Т. Первоначальное значение слова «Москва» и русское происхождение российской государственности, КолоВения / Б.Т. Митрович. Белград, М., 2014. 195 с.
6. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kremlin.ru/tvets/president/news/17.118
7. Мульатули П.В., Воробьева Л.М. Священное имя русской Пруссии / П.В. Мульатули, Л.М. Воробьева; Рос. Ин-т стратеги. исслед. М. : РИСИ, 2015. 100 с.
8. Небрятенко Г.Г. Славянское происхождение древнерусского государства / Г.Г. Небрятенко // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. № 1 (7). С. 18–23.
9. Серегин А.В. О необходимости возрождения юридической славистики в современной Российской Федерации // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 1 (3). С. 61–65.
10. Серегин А.В. Форма средневековых славянских государств : монография / А.В. Серегин; Южный федеральный университет. Ростов н/Д : Издательство Южного федерального университета, 2017. 380 с.
11. Хизер Питер. Великие завоевания варваров. Падение Рима и Рождение Европы / Хизер Питер; пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. М. : Центрполиграф, 2016. 575 с.

References

1. Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Sotsialisticheskoy Respubliki ot 12 iyunya 1990 g. [Declaration of State Sovereignty of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of June 12, 1990] // Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnoho Soveta RSFSR — Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1990. № 2. Art. 22.
2. Dogovor o sozdanii Soyuznogo gosudarstva 2000 g. [Agreement on Establishment of a Union State of 2000] // Rossijskaya gazeta — Russian Newspaper. 2000. January 29. S. 6.
3. Ermolovich V.I. Nasledovanie po zakonu v prave srednevekovoj Serbii i stran kontinental'noj Evropy (sravnitel'nyj analiz) [Intestate Succession in Law of Medieval Serbia and Mainland Europe (Comparative Analysis)] // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta — Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2017. Volume 4. № 2. April-June. S. 22–33.
4. Zigel F.F. Istoriya slavyanskikh zakonodatel'stv: Kurs lektzij, chitannykh v imperatorskom Varshavskom universitete 1913–1914 akad. g. Ch. 1. Istoriya cheshskogo prava. Ch. 2. Istoriya pol'skogo prava. Ch. 1–2 / F.F. Zigel [History of Slavic Legal Systems: series of lectures given at the Imperial University of Warsaw in 1913–1914 academic years. Part 1. History of Czech Law. Part 2. History of Polish Law. Part 1–2 / F.F. Zigel]. — Varshava : Tipografiya «Russkogo Obshchestva» — Warsaw : Printing office of the Russian Society, 1914. 201 s.
5. Ivannikov I.A. Teoriya proiskhozhdeniya drevnerusskogo gosudarstva / I.A. Ivannikov [Theory of the Old Russian State Origination / I.A. Ivannikov] // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 24. S. 22–26.
6. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonomi rossijskoj Federatsii o popravkakh k Konstitutsii ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. № 7-FKZ, ot 5 fevralya 2014 g. № 2-FKZ i ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation adopted at national voting on December 12, 1993 (as amended by the Laws

- of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKZ, of December 30, 2008 № 7-FKZ, of February 5, 2014 № 2-FKZ and of July 21, 2014 № 11-FKZ // *Sobranie zakonodatel'stva RF — Corpus of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2014. № 31. Art. 4398.
7. Konstitutsiya Respubliki Pol'sha 1997 g. // *Konstitutsii zarubezhnykh stran. Sbornik* [The Constitution of the Republic of Poland of 1997 // *Constitutions of Foreign Countries*. Collection]. — Moskva : Izdatel'stvo «Yurlitinform» — Moscow : Publishing House Yurlitinform, LLC, 2000. 336 s.
 8. Konstitutsiya Slovatskoj respubliki 1992 g. [Elektronnyj resurs] [The Constitution of the Slovak Republic of 1992 [Electronic resource]]. Available at: mspa7520.ru/konstituciya-slovackoy-respubliki
 9. Konstitutsiya Respubliki Belarus' 1994 g. (s izmeneniyami i dopolneniyami, prinyatymi na respublikanskikh referendumakh 24 noyabrya 1996 g. i 17 oktyabrya 2004 g. [Elektronnyj resurs] [The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (as amended and supplemented at referendums of the Republic of November 24, 1996 and October 17, 2004) [Electronic resource]]. Available at: mspa7520.ru/konstituciya-respublika-belarus
 10. Konstitutsiya Respubliki Khorvatiya 1990 g. (v red. 1997 g.) // *Sbornik sovremennykh konstitutsij yuzhnoslavjanskikh i zapadnoslavjanskikh gosudarstv: Uchebnoe posobie / V.Yu. Melnikov, A.V. Seregin, I.A. Sizko; pod red. I.A. Sizko; VGUYU (RPA Minyusta Rossii), Rostovskij institut (filial)* [The Constitution of the Republic of Croatia of 1990 (as amended in 1997) // *Collection of Contemporary Constitutions of South Slavic and West Slavic States : Textbook / V.Yu. Melnikov, A.V. Seregin, I.A. Sizko; edited by I.A. Sizko; All-Russian State University of Justice (ARSU), Rostov Institute (branch)*]. Moskva — Moscow, 2017. 628 s.
 11. Konstitutsiya Cheshskoj respubliki [Elektronnyj resurs] [The Constitution of the Czech Republic [Electronic resource]]. Available at: mspa7520.ru/konstituciya-cheskoy-respubliki
 12. Mitrovih B. KoloVenii (SloVenii) i kontinuitet kulture i prava / B. Mitrovih [Mitrović B. KoloVenii (SloVenii) and the Continuity of Culture and Law / B. Mitrović]. Beograd — Moskva — Sankt-Peterburg — Belgrade — Moscow — St. Petersburg, 2008. 751 s.
 13. Mitrovich B.T. Pervonachal'noe znachenie slova «Moskva» i russkoe proiskhozhdenie rossijskoj gosudarstvennosti, KoloVeniiya / B.T. Mitrovich [Original Meaning of the Moscow Word and Russian Origin of Russian Statehood, KoloVeniiya / B.T. Mitrovich]. Belgrad, Moskva — Belgrade, Moscow, 2014. 195 s.
 14. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federatsii ot 12.12.2012 [Elektronnyj resurs] [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 12, 2012 [Electronic resource]]. Available at: www.kremlin.ru/tvets/president/news/17.118
 15. Postanovlenie Verkhovnoj Rady Ukrainskoj SSR «O provozglashenii nezavisimosti Ukrainy» ot 24 avgusta 1991 g. № 1427-Kh4 [Elektronnyj resurs] [Resolution of the Verkhovna Rada of the Ukrainian Soviet Socialist Republic On Declaration of Independence of the Ukraine of August 24, 1991. № 1427-X4 [Electronic resource]]. Available at: old.ua-today.com/modules/myarticles/article_storyid_35569.html
 16. Konstitutsiya Litovskoj Respubliki 1992 g. [Elektronnyj resurs] [The Constitution of the Republic of Lithuania of 1992 [Electronic resource]]. Available at: legalportal.am/download/constitutions/129_ru.pdf
 17. Multatuli s.V., Vorobyeva L.M. Svyashchennoe imya russkoj Prussii / s.V. Multatuli, L.M. Vorobyeva; Ros. In-t strategii. issled [Sacred Name of Russian Prussia / s.V. Multatuli, L.M. Vorobyeva; Russia's Institute for Strategic Studies]. Moskva : RISI — Moscow : RISI, 2015. 100 s.
 18. Nebratenko G.G. Slavyanskoe proiskhozhdenie drevnerusskogo gosudarstva [Slavic Origin of the Old Russian State] // *Vestnik juridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta — Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2016. № 1 (7). s. 18–23.
 19. Seregin A.V. O neobkhodimosti vrozozhdeniya yuridicheskoy slavistiki v sovremennoj Rossijskoj Federatsii [On Need to Revive Legal Slavic Studies in the Modern Russian Federation] // *Vestnik juridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta — Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2015. № 1 (3). s. 61–65.
 20. Seregin A.V. Forma srednevekovykh slavyanskikh gosudarstv: monografiya / A.V. Seregin; Yuzhnyj federal'nyj universitet [Form of Medieval Slavic States : Monograph / A.V. Seregin; Southern Federal University]. Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta — Rostov-on-Don : Publishing house of the Southern Federal University, 2017. 380 s.
 21. Heather Peter Velikie zavoevaniya varvarov. Padenie Rima i Rozhdenie Evropy / per. s angl. S.V. Chepelevskogo, G.Yu. Chepelevskoj [Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe / translated from English by S.V. Chepelevsky, G.Yu. Chepelevskaya]. Moskva : Tsentrpoligraf — Moscow : Tsentrpoligraf, 2016. 575 s.